ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ceci n'est pas une pipe.

[1] 2008

СЭР АРТУР КОНАН ДОЙЛ; ДЭНИЕЛ СТАШАУЭР О ЖИЗНИ АРТУРА КОНАН ДОЙЛА В РУБРИКЕ "БИОГРАФИЯ" / ПОВЕСТЬ "ДОЛИНА СТРАХА". РАССКАЗЫ И СТИХИ АРТУРА КОНАН ДОЙЛА В РУБРИКЕ "СОЧИНЕНИЯ" / ГРАНТ АЛЛЕН И РИЧАРД ОСТИН ФРИМЕН В РУБРИКЕ "ВИКТОРИАНСКИЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ" / СТАТЬИ РОБЕРТА АНДЕРСОНА, ЭЙЛКПА ЧЕЙЗЕНА И ДР. В РУБРИКЕ "КОНАН ДОЙЛ И ШЕРЛОК ХОЛМС"

Долина страха
Артур Конан Дойл

Аннотация
ДОЛИНА СТРАХА
От редакции
Вступление
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Берлстоунская трагедия
  Глава 1. Предостережение
  Глава 2. Шерлок Холмс рассуждает
  Глава 3. Берлстоунская трагедия
  Глава 4. Тьма
  Глава 5. Действующие лица трагедии
  Глава 6. Первые проблески
  Глава 7. Разгадка
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «Метельщики»
  Глава 1. Он
  Глава 2. Мастер лжи
  Глава 3. Вермисса, ложа 341
  Глава 4. Долина страха
  Глава 5. Черный час
  Глава 6. Опасность
  Глава 7. Ловушка для Берди Эдвардса
ЭПИЛОГ

Аннотация

Артур Конан Дойл
Долина страха

Повесть. Вступление Антона Лапудева
Опубликовано в журнале Иностранная литература, номер 1, 2008
Перевод Инна Бернштейн

От редакции
Публикуя новый перевод «Долины страха», редакция отступает от своего неизменного правила: знакомить нашу аудиторию лишь с теми произведениями, которые никогда не издавались по-русски. Но дорога последней «холмсовской» повести Артура Конан Дойла к российскому читателю оказалась такой долгой и трудной, что это заставило нас изменить привычный порядок. Об истории создания повести и о ее судьбе в России вы узнаете из нижеследующего предисловия.

ДОЛИНА СТРАХА

Артур Конан Дойл[1]
ДОЛИНА СТРАХА

Повесть
Перевод И. Бернштейн

Вступление Антона Лапудева

[1] Примечания: 1
Инна Бернштейн. Перевод, 2008; Антон Лапудев. Вступление

От редакции

Публикуя новый перевод «Долины страха», редакция отступает от своего неизменного правила: знакомить нашу аудиторию лишь с теми произведениями, которые никогда не издавались по-русски. Но дорога последней «холмсовской» повести Артура Конан Дойла к российскому читателю оказалась такой долгой и трудной, что это заставило нас изменить привычный порядок. Об истории создания повести и о ее судьбе в России вы узнаете из нижеследующего предисловия.

Вступление

Как уверяли многочисленные «криптоисторики» советского издательского дела, негласный запрет на публикацию «Долины страха» объяснялся тем, что в повести фигурирует профсоюзная организация, выродившаяся в банду вымогателей и убийц. Отрицательное изображение роли профсоюзов в жизни американских трудящихся якобы дискредитировало идею профсоюзного движения, а потому и знать об этом советскому народу было неполезно.

— Позвольте! — воскликнет тут любой маломальски сведущий читатель. — А как же романы Синклера Льюиса, Ирвина Шоу? Или блестяще экранизированный «Рафферти» Лайонела Уайта? Уж что-что, а о том, какими продажными и преступными бывают американские профсоюзы, особенно строящиеся по национальному признаку, мы были прекрасно осведомлены и без стапятидесятистраничной повести создателя Шерлока Холмса! Да и если убрать оттуда несколько фраз, никакой профсоюзной деятельности в «Долине страха» мы вообще не обнаружим. При желании можно даже скрыть факт суще-

ствования масонской ложи — останется лишь организованная преступная группировка, возглавляемая муниципальным советником. Да и читали мы уже подобное. И не у кого-нибудь, а у Конан Дойла! В том же «Этюде в багровых тонах» или в «Пяти апельсиновых зернышках»! Нет-нет, что-то тут не так!

И верно, причины кроются не в этом — или не только в этом.

Во-первых, «Долине страха» не повезло со временем написания. Задуманная осенью 1913 года и вышедшая полтора года спустя, она основывалась на реальном случае из практики Сыскного агентства Пинкертона. В гангстерское сообщество ирландцев-эмигрантов «Молли Магвайрс», возникшее на антрацитовых шахтах Пенсильвании, в 1876 году был внедрен «пинкертоновец»[2], что и позволило разоблачить эту тайную организацию. Об этом в апреле 1913 года рассказал Конан Дойлу один из самых удачливых американских сыщиков — Уильям Бернс. Хотя со дня этой встречи в доме писателя — Уиндлшеме — до выхода в свет

---

[2] Примечания: 2

Этим агентом был Джеймс Макпарлан (1844-1919), который работал в Национальном американском агентстве Пинкертона, был нанят президентом компании «Филадельфия коул энд айрон» для проникновения в руководство тайного общества горняков «Молли Магвайрс». (Здесь и далее — прим. А. Л.)

в сентябрьском номере за 1914 год «Стрэнда» «Долины страха» прошло всего полтора года, за это время жизнь переменилась кардинально: Англия вступила в Первую мировую войну. Кому в такую пору нужен был блестящий аналитик и выдающийся детектив-консультант? Кого интересовало преступление, совершенное в старинной усадьбе, или деяния заокеанских бандитов? Прекрасно понимал это и сам Артур Конан Дойл. И написал через несколько лет рассказ о военной службе Шерлока Холмса — «Его прощальный поклон», который был встречен читающей публикой с восторгом: гениальный сыщик применил свой талант против германской разведки и вышел победителем.

И наконец, «Долине страха» не повезло с героями. Впервые «сыщик-консультант» уступил свое жизненное пространство конкуренту — наемному детективу из пинкертоновского агентства Берди Эдвардсу. И оказалось, что даже на фоне великого Шерлока он выглядит вполне «конкурентоспособным». К тому же и сам Холмс немного погодя пойдет по пути Берди Эдвардса: отправится в Чикаго, внедрится в ряды ирландских националистов, проникнет в самый центр преступной сети, станет правой рукой главного

кайзеровского шпиона («Его прощальный поклон»).

Вот этого-то ему и не простили. По крайней мере, в России. Первое полное издание повести вышло в Москве еще в 1916 году, но очень скоро Россия получила приставку «Советская» и на долгих полвека практически забыла о существовании детективной литературы. К счастью, поклонником Шерлока Холмса был Корней Иванович Чуковский. И во многом благодаря ему в СССР в 1966-1967 годах был издан восьмитомник Конан Дойла. В свое время Корней Иванович лично встречался с Конан Дойлом и написал ряд эссе о Шерлоке Холмсе. Но насколько он любил Холмса, настолько же не выносил его заокеанского коллегу — Ната Пинкертона. Более того, гнев Чуковского был обращен и против всевозможных подделок под «Приключения Шерлока Холмса», в массовом порядке выпускавшихся в начале XX века в Москве и Варшаве, в Санкт-Петербурге и Ревеле. Стоит ли удивляться, что появление дойловской повести о сотрудничестве Шерлока Холмса и Ната Пинкертона (в лице его агента) могло быть расценено Чуковским едва ли не как предательство, как еще одно убийство любимого героя?

Однако есть основания полагать, что изначально «Долину страха» и поздние рассказы все-таки собирались включить в собрание, но общий объем «шерлокианских» текстов превышал запланированные три тома, а отдавать половину собрания сочинений под детективную литературу составители не решились. И советский Холмс «похудел» на семь позиций[3].

В 1984 году, когда уже приближалась к концу эпоха развитого социализма, «Московские новости» начали публикацию «Долины страха» на английском языке. То была лишь одна газетная полоса в неделю, да и собрать все выпуски и одолеть чтение повести в оригинале удавалось не каждому шерлокианцу, но стало ясно — пришло время перемен. Начиная с 1990 года стали печатать все, что прежде запрещалось, в том числе фантастику, детективы, приключенческую литературу. Едва ли не первыми в продаже появились книги с подзаголовком «Новейшие приключения Шерлока Холмса», содержавшие не вошедшие в «классический» восьмитомник шесть рассказов и повесть «Долина страха», названия которой ме-

[3] Примечания: 3

Впрочем, уже завершенные к тому времени переводы нашли своего читателя благодаря публикациям в журналах «Наука и жизнь», «Звезда Востока», «Вокруг света».

нялись от «Долины ужаса» до «Шерлока Холмса и масонов-убийц».

Как среди тех первых, скоропалительно издававшихся ее переводов, так и среди постоянно появляющихся новых, есть работы разного уровня: и откровенно халтурные, нередко представляющие собой сделанную наспех переработку дореволюционного издания «Нашей жизни», и вполне профессиональные, серьезные. Однако у всех, даже у последних, одна и та же ахиллесова пята — реалии предметного мира викторианцев. Тут и терминологический разнобой, и откровенные ошибки, и пропуск «непонятных» деталей. Публикующаяся ниже очень неожиданная для Конан Дойла повесть «Долина страха» не только выполнена замечательным мастером российского переводческого цеха И. М. Бернштейн, но и прошла основательную проверку на достоверность и точность воспроизведения повседневной жизни людей того времени[4]. Все это и позволяет смело рекомендовать ее читателю.

Антон Лапудев

---

[4] Примечания: 4

Редакция благодарит за помощь в работе С. А. Поберовского.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Берлстоунская трагедия

Глава 1
Предостережение

— Я склонен думать… — начал было я.

— Похвальное намерение, — язвительно оборвал меня Шерлок Холмс.

Таких кротких людей, как я, мне кажется, на свете не так уж много; но признаюсь, меня все же задело его насмешливое замечание.

— Знаете, Холмс, — раздраженно проговорил я, — иногда вы бываете просто невыносимы.

Но он был слишком поглощен своими мыслями, чтобы расслышать упрек. Сидя перед нетронутым завтраком, он разглядывал листок бумаги, только что вынутый им из конверта. Потом самым внимательным образом с обеих сторон осмотрел и сам конверт.

— Рука Порлока. Я почти уверен в этом, хотя видел образчики его почерка всего два раза. Это характерное Е, похожее на греческий эпсилон, с завитушкой сверху. Но если пишет Порлок, тогда это сообщение первостепенной важности.

Холмс не столько обращался ко мне, сколько рассуждал сам с собой. Но слова эти заинтриговали меня, и досада улетучилась.

— А кто он такой, Порлок? — спросил я.

— Порлок, Ватсон, это псевдоним, своего рода опознавательный знак, за которым прячется хитрый, неуловимый человек. Когда-то в одном письме он открыто сообщил мне, что это не настоящая его фамилия, и с насмешкой предлагал отыскать его в миллионной толпе жителей нашего огромного города. Порлок важен не сам по себе, а потому, что связан с великим человеком. Вообразите себе рыбу-лоцмана возле акулы или шакала при льве — словом, нечто незначительное рядом с огромным; и не только огромным, Ватсон, но еще и чрезвычайно зловещим. Вот почему я обратил на него внимание. Вы ведь слышали от меня о профессоре Мориарти?

— О знаменитом ученом-преступнике, который так же известен в уголовном мире, как…

— Вы меня смущаете, Ватсон.

— Но я всего лишь хотел сказать: как никому не известен в порядочном обществе.

— Туше! — воскликнул Холмс. — Очко в вашу пользу. Вы начали усваивать приемы язвительного юмора, надо будет изучить способы защиты. Но имейте в виду, называя Мориарти преступником, вы совершаете подсудное деяние. В глазах закона это клевета, так-то Ватсон. Величайший

заговорщик, организатор бесчисленных злодейств, гений преступного мира — вот что это за человек! При этом он недосягаем для закона и огражден от какой-либо критики, ибо так умело ведет дела и так ловко держится в тени, что за слова, сейчас вами сказанные, мог бы привлечь вас к суду и взыскать годовую сумму вашей пенсии в возмещение морального ущерба. Он уважаемый ученый, автор работы по астрономии «Динамика астероида», в которой вознесся на такие высоты чистой математики, что в научном мире, говорят, нет специалиста, который способен ее прочесть и понять. Можно ли дурно говорить о таком человеке? Злостный хулитель и клеветник — вот в какой роли вы предстанете перед публикой. Он гений, Ватсон. И если его людишки со мной не расправятся, мы еще с ним потягаемся.

— Дай-то бог стать тому свидетелем! — сказал я. — Но вы говорили про Порлока.

— Ах да. Так называемый Порлок — звено в преступной цепи. И не очень-то крепкое звено, я бы даже сказал — единственное слабое место цепи.

— Но прочность всей цепи не превосходит прочности слабейшего из звеньев.

— Именно так, мой дорогой Ватсон! Отсюда значение Порлока. Под воздействием зачаточной

склонности к добру, подкрепляемой время от времени десятифунтовыми дотациями, он раза два снабдил меня полезной информацией, которая особенно ценна тем, что помогла предвосхитить и предотвратить злодейство. Не сомневаюсь, будь у нас ключ к шифру, мы прочли бы здесь сообщение именно такого рода.

Холмс разгладил листок на чистой тарелке. Я поднялся и увидел через его плечо следующую странную надпись:

534 II 13 127 36 31 4 17 21 41
ДУГЛАС 109 293 5 37 БЕРЛСТОУН
26 БЕРЛСТОУН 9 47 171

— Что это такое, Холмс?

— Очевидно, попытка сообщить некие секретные сведения.

— Но что проку в зашифрованном сообщении, если к шифру нет ключа?

— В данном случае, похоже, никакого.

— Почему вы говорите «в данном случае»?

— Потому, что существует множество шифров, которые я мог бы прочесть с той же легкостью, как читаю частные газетные объявления. Угадывать их смысл забавно и совсем не трудно. Но тут дело другое. Ясно, что это отсылка к словам на определенной странице в какой-то книге. До тех

пор, пока я не знаю, которая страница и в какой книге имеется в виду, я бессилен.

— Но при чем тут «Дуглас» и «Берлстоун»?

— Видимо, это дополнительные слова, которых нет на той странице.

— Почему же он не указал, в какой книге искать?

— Ваша природная осмотрительность, дорогой Ватсон, так восхищающая ваших друзей, тоже наверняка не позволила бы вам прислать шифрованное письмо и ключ к шифру в одном конверте. Попади он в чьи-то посторонние руки, и все пропало. Иначе говоря, для провала нужно, чтобы оба письма оказались в чужих руках. Сейчас как раз должна прибыть почта, и я буду чрезвычайно удивлен, если мы не получим с ней либо второе письмо, содержащее объяснения, либо же, что вероятнее, саму книгу.

Расчеты Холмса подтвердились, и по прошествии всего нескольких минут Билли, мальчишка, прислуживающий в доме, вручил нам ожидаемое почтовое отправление.

— Почерк тот же, — заметил Холмс, вскрывая конверт. — И на этот раз есть даже подпись. Смотрите-ка, Ватсон, дело продвигается.

Однако, проглядев письмо, он нахмурился.

— Надо же, какая досада! Боюсь, что наши ожидания не оправдались. Надеюсь, что мистер Порлок не пострадал. Послушайте, что он пишет: «Дорогой мистер Холмс! Больше я ничего не смогу прибавить. Слишком велика опасность — он подозревает меня. Мне это ясно. Он неожиданно явился ко мне, когда я как раз собирался вложить в уже подписанный конверт ключ к шифру. Я едва успел прикрыть его другими бумагами. Несдобровать бы мне, если бы он увидел адрес. Но я прочел подозрение в его взгляде. Пожалуйста, сожгите шифровку, вам она теперь бесполезна. Фред Порлок».

Несколько минут Холмс молчал, задумчиво глядя на огонь, тлевший в камине, и рассеянно скручивая письмо в трубочку.

— Вообще говоря, вполне возможно, что это ничего не значит, — проговорил он наконец. — Просто голос нечистой совести. Сознавая себя предателем, он мог вообразить, будто видит подозрение во взгляде того, второго.

— А второй, как я понимаю, это профессор Мориарти?

— Безусловно. Когда кто-то из этих людей говорит «он», всегда ясно, кого они имеют в виду. Для них существует только один «он».

— Но что он может им сделать?

— Гм, вопрос серьезный. Когда к тебе враждебно относится один из могущественнейших умов Европы, а значит, и все силы зла, стоящие за ним, открываются неисчислимые возможности. Во всяком случае, друг Порлок, как мы видим, перепуган не на шутку. Только сравните, как написано письмо, а как — надпись на конверте, сделанная, по словам самого писавшего, до нежданного прихода зловещего гостя. Адрес четкий и ясный. А в письме почерк неразборчивый.

— Но зачем ему было вам писать? Мог бы разорвать надписанный конверт, и дело с концом.

— Затем, что он опасался, как бы я не стал наводить справки и не навлек на него крупные неприятности.

— А, ну да, понятно, — согласился я.

Взяв в руки шифрованное письмо, я вгляделся в него повнимательнее.

— Надо же, какая досада! На этой бумажке, может статься, написана важная тайна, но проникнуть в нее — вне человеческих возможностей.

Шерлок Холмс отодвинул завтрак, до которого так и не дотронулся, и раскурил довольно зловонную трубку, которая была неизменным

спутником его глубоких раздумий.

— Ну, это еще как сказать, — проговорил он, откинувшись на спинку стула и уставясь в потолок. — Пожалуй, есть кое-какие обстоятельства, ускользнувшие от вашего макиавеллиевского ума. Рассмотрим вопрос в свете чистого разума. Во-первых, в шифровке указываются страницы некоей книги. Это послужит нам отправным пунктом.

— Не слишком ясный отправной пункт.

— Давайте попробуем его уточнить. Если подумать хорошенько, задача уже не покажется такой неразрешимой. Какие у нас имеются сведения об искомой книге?

— Никаких.

— Ну, ну, по-моему, не так уж все безнадежно. Записка начинается с группы цифр **534**, верно? Примем как рабочую гипотезу, что они означают номер страницы. Тем самым книга, которая нас интересует, становится не просто книгой, а книгой весьма толстой. Это уже кое-что. Что еще нам известно об этой толстой книге? Следом идет фигура из двух вертикальных штрихов с перекладинами, то есть римское II, не так ли? Что это, по-вашему, может значить, Ватсон?

— Глава вторая, надо полагать.

— Вряд ли. Согласитесь, если известна страница, номер главы несуществен. К тому же, если 534-я страница приходится всего лишь на вторую главу, первая глава получается противоестественно длинной.

— Тогда столбец!

— Отлично, Ватсон. Нынче утром вы затмеваете сами себя. Имеется в виду второй столбец, если я не заблуждаюсь. Итак, мы уже можем представить себе толстую книгу, напечатанную в два столбца, притом достаточно больших, поскольку одно слово в шифровке обозначено номером **293**. Это все, что нам способен подсказать разум?

— Боюсь, что да.

— О нет, вы к себе несправедливы. Еще один всплеск умственной активности, мой дорогой Ватсон, — еще одно озарение. Будь это редкая книга, Порлок послал бы ее мне. А он, как мы видим из письма, собирался, прежде чем его планы были нарушены, отправить только ключ к шифру. Отсюда следует, что раздобыть книгу, о которой идет речь, для меня, по его мнению, не составит труда. У него она есть, и у меня, по его понятиям, она тоже должна быть. Иначе говоря, Ватсон, это очень распространенная книга.

— Ваши рассуждения кажутся убедительными.

— Мы уже сузили поле наших поисков до одной весьма толстой книги, набранной в два столбца и имеющейся повсюду.

— Библия! — обрадованно воскликнул я.

— Прекрасно, Ватсон! Но я все-таки позволю себе заметить, что Библия не кажется мне той книгой, которая всегда под рукой у сообщников Мориарти. Да и к тому же Священное Писание издано в таком количестве различных изданий, что едва ли два экземпляра будут иметь одну и ту же нумерацию страниц. Тут имеется в виду книга, которая перепечатывается всегда в одном формате. Порлок знает наверняка, что его 534-я страница точно соответствует моей.

— Но таких книг очень немного.

— Вот именно. И в этом наше спасение. Мы должны искать одно из стабильных изданий, которые имеются у каждого.

— Железнодорожный справочник «Брэдшоу»?

— На это, Ватсон, можно кое-что возразить. Язык в «Брэдшоу» хоть и емкий, но весьма ограниченный. Его подбор слов вряд ли подойдет для составления обычных сообщений. «Брэдшоу» мы, пожалуй, исключим. По тем же соображениям нам не подойдет толковый словарь. Что же остается?

— Ежегодник?

— Правильно! По-моему, вы попали в самую точку. Ежегодник. Например, «Альманах Уитакера». Им пользуются все. Количество страниц подходящее. Печатается в два столбца. Правда, лексика в начальных статьях немного скуповата, но ближе к концу, если мне не изменяет память, он становится весьма болтлив. — Холмс взял «Альманах» с письменного стола. — Вот страница 534, второй столбец. Здесь большой абзац, посвященный ресурсам Британской Индии. Записывайте слова, Ватсон! Номер тринадцать — «Махараштра». Боюсь, начало не слишком обнадеживающее. Номер сто двадцать семь — «правительство». Это, по крайней мере, не бессмысленно, хотя к нам и к профессору Мориарти отношения как будто бы не имеет. Так, смотрим дальше. Что делает правительство Махараштры? Увы! Следующее слово — «щетина». Все кончено, мой дорогой Ватсон! Ничего не вышло!

Говорилось это весело и как бы шутя, но нахмуренные брови Холмса выдавали разочарование и досаду. Я, стыдясь собственной беспомощности, молчал и понуро смотрел на огонь.

Неожиданно Холмс подбежал к шкафу и вынул оттуда толстый том в желтой обложке.

— Послушайте, Ватсон, — воскликнул он, — сегодня только седьмое января, а у нас на столе уже новый ежегодник. Но вполне вероятно, что Порлок пользовался еще старым. Давайте-ка посмотрим, что нам предлагает страница 534-я? Номер тринадцать — «грозит». Это уже лучше. Номер сто двадцать семь — «опасность». Итак, «грозит опасность». — Глаза Холмса возбужденно горели, тонкие, нервные пальцы чуть дрожали, отсчитывая следующее слово. — «Возможно»! Ха-ха! Превосходно. Записывайте, Ватсон. «Грозит — опасность — возможно — случится — очень — скоро»... Дальше идет имя: «Дуглас». Затем: «богатый — загородный — сейчас — в — Берлстоун — убеждение — безотлагательно»... Ну что, Ватсон? Что вы скажете насчет чистого разума и его плодов? Я видел у зеленщика лавровый венок, надо бы послать за ним Билли.

Я с недоумением смотрел на текст, который сам же только что записал под его диктовку.

— Какой-то странный рваный способ выражать свои мысли, — заметил я.

— Напротив, очень изобретательно написано, — возразил Холмс. — Когда приходится все слова отыскивать в пределах одного столбца, их, конечно, в нужной форме не подберешь. Приходится

положиться на смекалку адресата. Но смысл послания совершенно ясен. Замышляется какое-то злодеяние против некоего Дугласа, проживающего в указанном доме, по-видимому, где-то в провинции, ибо сказано, что он богатый сельский джентльмен. Пишущий это письмо убежден — ближе «убеждения» он ничего не нашел — это дело безотлагательной важности. Вот что мы с вами в итоге получили. Неплохая работа, а?

Холмс все еще довольно потирал руки, когда Билли распахнул дверь и впустил к нам инспектора Макдоналда из Скотленд-Ярда.

В те годы, а дело происходило в конце 80-х, Алек Макдоналд еще не достиг той славы, какой пользуется по всей стране в наше время. Это был молодой, но уже успевший отличиться в нескольких трудных операциях полицейский. Долговязая худощавая фигура выдавала его недюжинную физическую силу, а крупная голова и живые глаза, поблескивавшие из-под мохнатых бровей, свидетельствовали об уме и смекалке. Нрава он был молчаливого, в действиях отличался четкостью и упорством и говорил с заметным шотландским акцентом.

Холмс дважды помог ему добиться крупного успеха по службе, сам довольствуясь только ин-

теллектуальным удовлетворением от решения сложной задачи. По этой причине Макдоналд питал к своему коллеге-непрофессионалу глубокое уважение и доверие и не стеснялся обращаться за советом, когда сталкивался с затруднениями. Посредственность не знает ничего выше себя, талант же признает гения с первого взгляда, а у Макдоналда доставало таланта и профессионализма, чтобы понимать, что нет ничего унизительного в обращении за помощью к человеку, чей дар и опыт не имеют себе равных во всей Европе. Холмс, не привыкший вступать с людьми в дружеские отношения, к долговязому шотландцу питал симпатию и всегда встречал его улыбкой.

— Вы с утра уже в трудах, мистер Мак, — сказал Холмс. — Желаю вам заслуженных успехов. Боюсь, вы опять столкнулись с каким-то злодейством?

— Если бы вы вместо «боюсь» сказали «надеюсь», мистер Холмс, это было бы, по моим понятиям, ближе к истине, — ответил, ухмыляясь, инспектор. — Самые первые часы в расследовании, как вам прекрасно известно, сэр, — часы золотые, но… но…

Инспектор вдруг смолк, с изумлением глядя на

лежащий на столе листок с записью расшифровки загадочного письма.

— «Дуглас»! — с недоумением прочитал он. — «Берлстоун»! Что это значит, мистер Холмс? Просто колдовство какое-то. Ради всего святого, откуда у вас эти имена?

— Вот из этого письма, которое мы тут с доктором Ватсоном расшифровывали. А в чем дело? Что-то не так?

Инспектор перевел взгляд с Холмса на меня и обратно.

— Только то, — растерянно выговорил он, — что мистер Дуглас, проживавший в своем имении Мэнор-хаус в Берлстоуне, был зверски убит этой ночью!

Глава 2
Шерлок Холмс рассуждает

Ради таких драматических моментов и жил мой друг Шерлок Холмс. Было бы преувеличением сказать, что поразительные слова инспектора Макдоналда потрясли или даже хотя бы взволновали его. В его уникальном характере не было ни грана жестокости, но от многократных столкновений с событиями подобного рода сердце его, бесспорно, покрылось коростой. Однако, хотя эмоции и притупились, рассудок отличала необычайная живость. Холмс нисколько не ужаснулся этому, казалось бы, мистическому совпадению; лицо его просто приняло выражение тихой, сосредоточенной заинтересованности, как у химика-экспериментатора, наблюдающего выпадение кристаллов в перенасыщенном растворе.

— Гм, забавно! — сказал Холмс.

— Вы даже не удивились?

— Удивиться не удивился, но заинтересовался, мистер Мак. С чего бы мне удивляться? Из заведомо надежного источника я получил известие, предупреждающее, что некоему лицу грозит

опасность. Проходит не более часа, и я узнаю, что угроза осуществилась, человек этот убит. Меня это заинтересовало, но, как вы справедливо заметили, не удивило.

Холмс в нескольких словах изложил инспектору обстоятельства, связанные с письмом и шифром. Макдоналд слушал, подперев ладонью подбородок и сведя вместе мохнатые рыжие брови.

— Я собираюсь сейчас же ехать в Берлстоун, — сказал он, когда Холмс договорил, — а к вам завернул спросить, не захотите ли вы и ваш друг ко мне присоединиться. Но из вашего рассказа, видимо, следует, что нам полезнее поработать в Лондоне.

— Отнюдь, — покачал головой Холмс.

— Но, черт возьми, Холмс, через день-два газеты будут полны «Берлстоунской загадкой», а какая же тут загадка, если в Лондоне находится человек, заранее знавший о готовящемся преступлении? Надо только его арестовать, и все дела.

— Вам не откажешь в логике, мистер Мак. Но как вы намерены найти этого типа?

Макдоналд покрутил в руках письмо.

— Место отправления — Камберуэлл. Это нам мало что дает. Имя отправителя, как вы говорите,

не настоящее. Да, исходных данных маловато. Но вы, кажется, говорили, что посылали ему деньги?

— Дважды.

— Каким образом?

— До востребования на Камберуэллское почтовое отделение.

— И даже не попытались взглянуть на того, кто их получает?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я всегда выполняю уговор. После получения первого письма я обещал, что не буду его выслеживать.

— Полагаете, за ним кто-то стоит?

— Несомненно.

— Тот профессор, про которого вы мне рассказывали?

— Именно!

Инспектор Макдоналд усмехнулся и, посмотрев в мою сторону, еле заметно подмигнул.

— Не скрою от вас, мистер Холмс, у нас в сыскной полиции считают, что вы немного свихнулись на этом профессоре. Я лично наводил справки. Судя по всему, это весьма уважаемый, высокообразованный и талантливый человек.

— Рад, что вы признаете за ним хотя бы талант.

— Ну а как же! Выслушав вас, я счел своим долгом с ним повидаться. Зашла речь о затмениях. Как это получилось, не помню. Но он достал рефлектор и глобус и в две минуты мне все объяснил. Да еще книгу дал почитать, правда, признаюсь, она оказалась мне не по зубам, хоть я и получил основательное шотландское образование. Этот человек удивительно похож на пресвитерианского проповедника, у него такое худое лицо, и седая шевелюра, и высокопарная речь. Прощаясь, он положил мне руку на плечо — прямо отец родной, благословляющий сына на встречу с жестоким, холодным миром.

Холмс ухмыльнулся.

— Здорово! — сказал он. — Великолепно! А скажите-ка, друг мой, эта приятная и трогательная беседа происходила у профессора в кабинете?

— Да.

— Красивая комната, верно?

— Очень красивая, мистер Холмс. Обставлена прекрасно.

— Вы сидели напротив его письменного стола?

— Точно.

— Солнечный свет падал на ваше лицо, а сам

он находился в тени?

— Вообще-то дело было вечером, но я помню, что свет лампы был направлен на меня.

— Именно. Вы случайно не заметили картину, висящую над головой профессора?

— Я обычно стараюсь замечать все, мистер Холмс. Наверно, от вас научился. Да, видел я эту картину: молодая женщина сидит, подперев рукой щеку, и искоса смотрит на вас.

— Это полотно работы Жана Батиста Грёза.

Инспектор постарался принять понимающий вид.

— Жан Батист Грёз, — продолжал Холмс, откинувшись на спинку стула и скрестив пальцы, — это французский живописец, расцвет которого приходится на вторую половину прошлого столетия, я имею в виду расцвет творчества, разумеется. Искусствоведение наших дней более чем подтвердило ту высокую оценку, которую ему дали современники.

Во взгляде инспектора явно проглядывала скука.

— Не лучше ли нам… э-э… вернуться… — забормотал он.

— Именно это мы и делаем, — оборвал его Холмс. — То, что я сейчас говорю, имеет непо-

средственное отношение к тому, что сами же вы назвали «Берлстоунской загадкой». Возможно, в этом и есть ее суть.

Макдоналд жалобно улыбнулся и посмотрел на меня, молча взывая о помощи.

— Я не поспеваю за вашими мыслями, мистер Холмс. Вы опускаете какие-то звенья, а я не могу перепрыгнуть через разрыв. Ну, какая, скажите на милость, может быть связь между давно умершим художником и убийством в Берлстоуне?

— В сыщицком деле любое знание — благо, — сказал Шерлок Холмс. — Даже такой прозаический факт, что в 1865 году картина Грёза «Девушка с ягненком» была продана на аукционе Портали за один миллион двести тысяч франков (что равняется более чем сорока тысячам фунтов), может подтолкнуть ваши мысли в нужном направлении.

Было видно, что толчок уже подействовал. Инспектор оживился, посмотрел с интересом.

— Осмелюсь напомнить вам, — продолжал Холмс, — что величину профессорского жалованья нетрудно узнать из любого надежного справочника, коих имеется несколько. Семьсот фунтов в год.

— Но как же тогда он мог приобрести…

— О том и речь. Как же он мог?

— Н-да, интересно, — сказал, задумавшись, инспектор. — Продолжайте, мистер Холмс. Вас слушать — одно удовольствие. Заслушаешься.

Холмс улыбнулся. Он всегда, как это свойственно настоящим артистам, радовался искреннему восхищению.

— А как же Берлстоун?

— Время еще есть, — ответил инспектор, покосившись на часы. — Кеб ждет у крыльца, и до вокзала Виктории мы доедем меньше чем за двадцать минут. Меня вот что интересует: помнится, вы говорили, мистер Холмс, что никогда не видели профессора Мориарти.

— Никогда.

— Тогда откуда вам известно убранство его комнат?

— Ну, это дело другое. Я три раза побывал в его квартире, дважды приходил в его отсутствие якобы по каким-то делам, сидел, ждал и, не дождавшись, уходил. А однажды… Впрочем, об этом случае не следует рассказывать детективу. Именно тогда я позволил себе взглянуть на бумаги, и результаты оказались самые неожиданные.

— Нашли что-то компрометирующее?

— Ни строчки. Это-то меня и удивило. Надеюсь,

теперь вам ясно насчет картины. Она свидетельствует о том, что ее владелец — человек весьма богатый. Но как он разбогател? Он не женат. Его младший брат работает начальником железнодорожной станции на западе Британии. Научная работа приносит ему семьсот фунтов в год. И однако, у него есть полотно Грёза.

— И значит?..

— По-моему, вывод напрашивается.

— То есть, что он имеет большие доходы, и, судя по всему, незаконные?

— Совершенно верно. Разумеется, у меня имеются и другие причины так полагать — с десяток тончайших нитей тянутся к центру паутины, где затаилось коварное, ядовитое существо. Я назвал полотно Грёза просто потому, что вы и сами его видели.

— Ну что ж, мистер Холмс. Признаю, что все это весьма интересно. Более того — поразительно. Но давайте все же уточним, если можно. Что является источником его доходов: мошенничество, фальшивые деньги, грабежи?

— Вы читали о Джонатане Уайльде?

— Имя вроде бы знакомое. Персонаж из какой-то книги? Я не высоко ставлю детективные романы, сыщики в них поступают самым стран-

ным образом, а почему, не объясняется. Их просто вдруг осеняет. Это не работа.

— Джонатан Уайльд — не сыщик и не персонаж из книги. Это чрезвычайно ловкий преступник, и жил он в XVIII веке, где-то в 1750-х годах.

— Ну, тогда он мне ни к чему. Я человек дела.

— Мистер Мак, самым полезным делом для вас было бы запереться у себя дома месяца этак на три и по двенадцать часов в сутки изучать историю преступлений. Все в мире повторяется. Джонатан Уайльд управлял лондонскими преступниками, продал им свои мозги за пятнадцать процентов комиссионных. Колесо описало полный круг, и снова показалась та же спица. Все это уже бывало прежде и будет впредь. Я сообщу вам некоторые факты о Мориарти, которые могут вас заинтересовать.

— Вы и так уже меня заинтересовали больше некуда.

— Случайно мне стало известно, кто является первым звеном в цепи, связывающей этого Наполеона преступного мира и сотню бывших кулачных бойцов, карманников, шантажистов и карточных шулеров. Начальником штаба у него полковник Себастьян Моран, такой же высокомерный, осмотрительный и недоступный для

полиции, как и Мориарти. Сколько, вы думаете, он ему платит?

— Рад был бы узнать.

— Шесть тысяч в год. Плата за мозги — принцип американского бизнеса. Я узнал это совершенно случайно. Премьер-министр получает меньше. Можете на основании этого судить о доходах Мориарти и размахе его деятельности. И еще одно: я приложил старания к тому, чтобы ознакомиться с некоторыми чеками, выписанными профессором в последнее время, обыкновенными, невинными чеками, которыми он оплачивал домашние расходы. Чеки выписаны на шесть разных банков. Это вам о чем-нибудь говорит?

— Довольно странно. И каков же ваш вывод?

— Он не хочет, чтобы пошли слухи о его богатстве. Никто не должен иметь полного представления о его доходах. Можете не сомневаться, у него десятка два банковских счетов, а основная часть капитала за границей, в «Дойче банке» или в «Лионском кредите». Когда-нибудь, когда у вас выберется свободный годик-другой, рекомендую вам плотнее заняться профессором Мориарти.

Видно было, что на инспектора Макдоналда рассказ Холмса произвел сильное впечатление, он слушал его разинув рот. Но вот он словно

очнулся, в нем снова пробудилась шотландская деловитость, вернувшая его к сиюминутным заботам.

— Ладно, с Мориарти можно пока подождать, — сказал он. — Вы нас тут совсем заговорили, мистер Холмс. На самом деле сейчас важно только то, что между профессором и преступным миром существует определенная связь. Это следует из предостережения, которое вы получили от некоего Порлока. А больше ничего полезного для нас не просматривается?

— Представить возможные мотивы убийства нетрудно. Как я понял из ваших слов, вы поначалу отнесли его к необъяснимым преступлениям. Но если принять гипотезу, что замысел его принадлежит профессору, возможны два мотива. Прежде всего, следует иметь в виду, что Мориарти правит своими людьми беспощадно. У него железная дисциплина. Наказание предусмотрено только одно — смерть. Вполне вероятно, что убитый, этот самый Дуглас, о чьей предстоящей гибели заранее знал один из приближенных главаря, чем-то не угодил Мориарти. Провинившегося настигает кара — факт, о котором станет известно всем, дабы боялись за свою жизнь.

— Что ж, мистер Холмс, одно предположение

мы выслушали.

— А вот другое. Заказное убийство. Это бизнес уважаемого профессора. В доме ничего не украдено?

— Насколько мне известно, нет.

— Это, разумеется, говорит в пользу второй гипотезы. Мориарти мог получить деньги вперед, а уж потом осуществить то, что от него требовалось. Но в любом случае разгадку следует искать на месте, в Берлстоуне.

— Так едем в Берлстоун! — воскликнул Макдоналд, вскакивая. — Бог ты мой! Сейчас позже, чем я думал. Джентльмены, могу дать вам пять минут на сборы, и ни секундой больше.

— Этого достаточно, — отозвался Холмс, поднимаясь, чтобы сменить халат на пальто. — А по дороге, мистер Мак, будьте любезны изложить мне все подробности дела.

«Всех подробностей» оказалось до обидного мало, но мы все же смогли убедиться, что случай интересный и, по-видимому, вполне заслуживающий вмешательства эксперта. Холмс, оживившись и потирая худые руки, жадно слушал скупой, но весьма интересный рассказ инспектора. Позади осталась череда скучных, бессодержательных недель, и вот наконец по-

явился подходящий объект для приложения тех редкостных способностей, которые — без применения — становятся в тягость. Ум Шерлока Холмса, подобно острой бритве, в бездействии тупел и покрывался ржавчиной.

Но раздался призыв к работе, и глаза его заблестели, всегда бледные щеки тронул теплый румянец, лицо осветилось изнутри горячим нетерпением. Холмс, весь подавшись вперед, внимательно слушал немногословный доклад Макдоналда о том, что нас ждет в Суссексе. Инспектор объяснил, что рассказ его основан на письменном донесении, доставленном ему в Лондон на рассвете с «молочным» поездом. Уайт-Мейсон, местный полицейский, — его добрый знакомый, и поэтому Макдоналд оказался оповещен о случившемся гораздо раньше, чем обычно поступают в Скотленд-Ярд подобные сведения из провинции, сопровождаемые просьбой о подмоге. Как правило, к тому времени, когда подключается столичный специалист, след уже остывает.

«Дорогой инспектор Макдоналд, — говорилось в записке, которую он нам зачитал. — В отдельном конверте посылаю вам официальное приглашение. Требуется ваша помощь. Телеграфируйте, на

каком поезде вы сможете приехать в Берлстоун, и я вас встречу или пришлю кого-нибудь, если сам буду занят. Случай просто невероятный. Не медлите ни мгновения! Если возможно, захватите с собой мистера Холмса: он найдет здесь нечто по своему вкусу. Можно было бы подумать, что все это устроено ради театрального эффекта, если бы не мертвое тело прямо посреди сцены. Совершенно поразительный случай, клянусь!»

— Ваш знакомый, похоже, неглупый человек, — сказал Холмс.

— Ваша правда, сэр, Уайт-Мейсон — человек толковый.

— Ну, а еще он что-нибудь пишет?

— Только, что сообщит подробности при личной встрече.

— Тогда как же вы узнали про мистера Дугласа и про то, что он был зверски убит?

— Эти сведения содержатся в официальном докладе. Там не сказано — «зверски», это не официальный термин. Но имя сообщается: Джон Дуглас. И говорится о повреждениях головы, выстрел был произведен в лицо из дробовика. Тревогу подняли незадолго до полуночи. И еще пишут, что тут несомненно убийство, но никто не задержан, и что вообще дело сопряжено с

некоторыми весьма странными и непонятными обстоятельствами. И это — все, что имеется в нашем распоряжении, мистер Холмс.

— Раз так, мистер Мак, мы, с вашего позволения, пока этим и удовлетворимся. Беда нашей профессии — соблазн выстроить необоснованные теории раньше времени. На данный момент, как я вижу, не подлежат сомнению только две вещи: мощный ум в Лондоне и труп в Суссексе. От нас же требуется нащупать все звенья цепи, которая их связывает.

Глава 3
Берлстоунская трагедия

Теперь я прошу у читателя позволения удалить со сцены свою незначительную персону и, воспользовавшись сведениями, полученными впоследствии, описать события, происшедшие в Берлстоуне до того, как мы туда прибыли. Только так я смогу рассказать о людях, замешанных в этой истории, и странной обстановке, в которой вершилась их судьба.

Деревня Берлстоун представляет собой группу фахверковых домов очень старой постройки. Расположенная на северной границе графства Суссекс, она столетиями сохранялась в первозданном виде. Но в последние годы ее живописный вид и красивые окрестности привлекли несколько вполне обеспеченных семейств, чьи виллы теперь тут и там выглядывают из лесных зарослей. Здешние леса, как считается, представляют собой южный край Уилдского леса, который, постепенно редея, доходит до северных меловых холмов. Для удовлетворения потребностей возросшего числа жителей как грибы выросли разные магазины, и, похоже, у некогда глухой

деревни появилась перспектива в недалеком будущем превратиться в современный городок. К тому же ближайший относительно крупный город, Танбридж-Уэллс, расположен милях в десяти к востоку, уже на территории графства Кент.

Примерно в полумиле от Берлстоуна посреди старинного парка, знаменитого огромными буками, расположена старая усадьба, часть которой датируется еще временами первого крестового похода, когда Гуго де Капус возвел оборонительную башню в центре своих владений, пожалованных ему Красным королем. В 1543 году башня сгорела, а закопченные тесаные угловые камни в эпоху короля Якова пошли на новое строительство, и из руин феодального замка поднялся краснокирпичный дом провинциального землевладельца.

До наших дней Мэнор-хаус с острыми коньками крыши и мелкими ромбовидными переплетами на окнах сохранился почти в том же виде, какой ему придали строители в самом начале XVII столетия. Из двойного крепостного рва внешний успел пересохнуть, и на его месте разбили прозаический огород. А вот внутренний, опоясывающий весь дом, сохранился, и хотя сильно обмелел, но все еще имеет в ширину добрых сорок футов. Ров

питал небольшой ручей, так что вода в нем, хоть и была мутной, никогда не загнивала и не источала вредных испарений. Окна нижнего этажа находились всего в футе от ее поверхности.

Единственный путь в дом вел через подъемный мост, железный механизм которого — цепи и лебедка — давно проржавел и не действовал. Однако последние обитатели Мэнор-хауса, люди деловые, все починили, и теперь подъемный мост был исправен, он не только теоретически мог подниматься, но его и на самом деле ежевечерне поднимали, а утром опускали. В результате возрождения сего феодального обычая Мэнор-хаус по ночам превращался в остров, что имело непосредственное отношение к загадочной трагедии, которой суждено было в скором времени привлечь внимание всей Англии.

До того как там поселились Дугласы, старый дом на протяжении нескольких лет стоял пустой и уже грозил разрушиться и превратиться в живописную развалину. Семья Дугласов состояла всего из двух человек: Джона Дугласа и его супруги. Дуглас был человек примечательный, как по внешности, так и характером. Лет около пятидесяти, на лице глубокие складки, подбородок упрямый, в усах седина, взгляд серых глаз

как-то по-особенному зорок, и весь он, статный, крепко сбитый, не утратил с возрастом ни грана молодой силы и энергии. Держался он со всеми дружелюбно и приветливо, но манеры его не отличались особым лоском, что выдавало его знакомство с жизнью гораздо более низких слоев общества, чем суссекский провинциальный свет. Но как бы то ни было, несмотря на то, что более просвещенные соседи поглядывали на Дугласа искоса, он скоро завоевал благосклонность прочих жителей деревни, щедро подписываясь на всевозможные общественные нужды и принимая участие в деревенских концертах, на которых, обладая превосходным, звучным тенором, всегда готов был спеть, если потребуется. Денег у него, судя по всему, было вдоволь, говорили, что он привез их с золотых приисков Калифорнии, и действительно, по его собственным словам и по словам жены, мистер Дуглас немало лет прожил в Америке. Помимо щедрости и общительности он обладал еще одним вызывающим почтение качеством — абсолютным бесстрашием. Не умея ездить верхом, появлялся на каждом охотничьем сборе и старался не отставать от лучших всадников, хотя случалось, падал с лошади и разбивался самым жестоким образом. Во время пожара в

доме священника он кинулся в горящее здание, чтобы спасти имущество, хотя местная пожарная бригада уже умыла руки и прекратила борьбу с разбушевавшимся пламенем. Так Джон Дуглас, владелец Мэнор-хауса, за пять лет завоевал всеобщее уважение.

Те, кому довелось познакомиться с его супругой, находили ее весьма приятной особой. Правда, согласно английским обычаям, поскольку новые соседи не привезли с собой никаких рекомендательных писем, визиты им нанесли не многие. Новую хозяйку усадьбы это как будто бы не особенно задело, она не отличалась общительностью и, судя по всему, с головой ушла в заботы о муже и домашние хлопоты. Известно было, что она англичанка, с мистером Дугласом познакомилась в Лондоне — он к тому времени уже овдовел. Миссис Дуглас была темноволосая красавица, высокая и стройная, муж превосходил ее годами лет на двадцать. Но было незаметно, чтобы разница в возрасте как-нибудь сказывалась на семейном согласии.

Впрочем, те, кто знал их ближе, порой чувствовали, что полной доверительности между супругами, по-видимому, все же нет; жена то ли не желала отвечать на расспросы о прошлом

мужа, то ли, что гораздо правдоподобнее, была не обо всем осведомлена. Кое-кто из более наблюдательных знакомых обратил внимание на то, что в миссис Дуглас иногда чувствовалась нервозность, ей определенно бывало не по себе, если муж где-нибудь задерживался позже обычного часа. В скучной деревенской жизни люди радуются любой пище для пересудов, и об этой слабости хозяйки Мэнор-хауса любили поговорить. Когда же произошло несчастье, эту ее особенность просто нельзя было незаметить, и в глазах соседей она обрела особое значение.

Был в Мэнор-хаусе и еще один человек, правда не постоянный жилец, а скорее гость, однако присутствовавший там как раз в те часы, когда произошли загадочные события, о которых чуть ниже. В результате он тоже оказался в центре всеобщего внимания. Речь идет о Сесиле Джеймсе Баркере, проживавшем в Хэмстеде в Хейлс-Лодже.

Рослую, широкоплечую фигуру Сесила Баркера привыкли видеть на главной деревенской улице, так как он был частым и желанным гостем в Мэнор-хаусе. Он возбуждал всеобщее любопытство, так как был единственным другом Дугласа из прошлой жизни. Что он англичанин,

не вызывало ни у кого сомнения; однако с его собственных слов стало известно, что познакомились они в Америке и поддерживали там весьма близкие отношения. Был он, судя по всему, человек далеко не бедный и, говорят, еще холостой.

Баркер был моложе Дугласа, лет сорока пяти, не больше, высокий, прямой, с широкими, развернутыми плечами, с бритым лицом кулачного бойца и твердым взглядом черных глаз, взглядом таким повелительным, что, казалось, мог, даже не пуская в ход кулаки, проложить дорогу во враждебной толпе. Баркер не участвовал в охоте на лис верхами и не ходил за болотной дичью с ружьем, но любил с трубкой в зубах гулять по окрестностям старой деревни и ездить в кабриолете с хозяином дома, а в его отсутствие — с хозяйкой, и любоваться живописными видами. «Приятный и щедрый джентльмен, — сказал о нем дворецкий Эймс. — Но, знаете ли, не хотел бы я очутиться у него поперек дороги». С Дугласом он держался сердечно и по-свойски и так же дружен был с его женой — эта дружба по временам сердила мужа настолько, что замечали даже слуги. Таков был третий, присутствовавший в доме к моменту, когда произошла трагедия.

Что до прочих обитателей усадьбы, то довольно

упомянуть важного, чопорного и всеведущего Эймса, а также миссис Аллен, румяную жизнерадостную особу, которая снимала с хозяйкиных плеч часть груза домашних забот. Остальные шестеро не имели никакого отношения к тому, что случилось там в ночь на 6 января.

Первый сигнал тревоги достиг местного полицейского участка, находившегося под началом сержанта Уилсона, в одиннадцать часов сорок пять минут. По ступеням взбежал невероятно взволнованный Сесил Баркер и принялся отчаянно звонить в колокольчик. «В Мэнор-хаусе произошло несчастье — убит Джон Дуглас», — задыхаясь, сообщил он полицейскому. И сразу же побежал обратно. Сержант Уилсон последовал за ним и в самом начале первого был уже на месте преступления, задержавшись только для того, чтобы сообщить начальству, что случилось что-то серьезное.

Он увидел, что подъемный мост опущен, в окнах свет, а все обитатели дома перепуганы и взволнованы. Бледные слуги жались друг к другу в холле, на пороге в ужасе ломал руки дворецкий. Один только Баркер сохранял присутствие духа — он отпер ключом дверь комнаты рядом с парадным входом и жестом пригласил сержанта

следовать за собой. В эту минуту прибыл доктор Вуд, толковый и энергичный врач из деревни, и трое мужчин вошли в комнату одновременно, за ними по пятам шел потрясенный дворецкий, который прикрыл за собою дверь, чтобы уберечь горничных от страшного зрелища.

Убитый лежал посередине комнаты на спине, руки и ноги его были раскинуты. На нем был розовый халат, надетый прямо на ночную рубаху. На босых ногах мягкие домашние туфли. Доктор, взяв со стола переносную лампу, опустился на колени. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что его услуги здесь не потребуются. Несчастный был страшно изувечен. Поперек его груди лежало странное оружие — дробовик со стволом, спиленным по самые спусковые крючки. Было ясно, стреляли из него, притом с близкого расстояния и прямо в лицо, так что череп разнесло на куски. Курки были связаны проволокой, чтобы выстрелили сразу оба ствола и сила заряда удвоилась.

Деревенский страж закона был испуган и подавлен огромной ответственностью, которая свалилась на него столь внезапно.

— Не будем ни к чему прикасаться, пока не прибудет начальство, — произнес он вполголоса,

с ужасом глядя на разбитую голову.

— Никто ничего не трогал, — сказал Сесил Баркер. — Могу поручиться. Все осталось точно в том виде, как было мною обнаружено.

— В котором часу это случилось? — спросил сержант, доставая блокнот.

— Ровно в половине одиннадцатого. Я еще не раздевался, сидел в своей комнате у камина и вдруг услышал выстрел. Не особенно громкий, словно с глушителем. Я сразу бросился вниз, думаю и полминуты не прошло, как я уже был здесь.

— Дверь была открыта?

— Да, распахнута. Бедный Дуглас лежал, как сейчас. На столе горела свеча в подсвечнике. Лампу зажег я, когда немного пришел в себя.

— Вы никого не видели?

— Нет. Я услышал, что по лестнице спускается миссис Дуглас, и выбежал, чтобы остановить ее и оградить от этого ужасного зрелища. Миссис Аллен, экономка, увела ее наверх. Появился Эймс, и мы вместе вошли сюда.

— Но ведь подъемный мост, как я слышал, на ночь поднимают?

— Да. Он и был поднят. Это я его опустил.

— Тогда убийца не мог отсюда выбраться.

Это совершенно невозможно! Выходит, мистер Дуглас застрелился сам.

— Мы тоже было так решили. Но взгляните! — Баркер отдернул штору: окно было распахнуто настежь. — И посмотрите на это! — Он опустил лампу и осветил кровавое пятно в форме подошвы, отпечатавшейся на деревянном подоконнике. — Кто-то, вылезая, наступил сюда.

— То есть этот человек перебрался через ров вброд?

— Именно.

— Тогда, если вы прибежали сюда через полминуты, он должен был в это время находиться в воде.

— Не сомневаюсь, что так и было. Если бы я только догадался сразу выглянуть в окно! Но оно, как вы видели, закрыто шторой, и я не подумал об этом. А потом, услышав шаги миссис Дуглас, я вышел, чтобы не допустить ее сюда. Слишком уж зрелище ужасное.

— Ужасное, — подтвердил доктор, разглядывая разбитую голову в луже крови. — Не видел ничего подобного со времени берлстоунского железнодорожного крушения.

— Но послушайте, — произнес сержант, чей медлительный здравомыслящий ум задержался

на открытом окне. — Вот вы говорите, что неизвестный ушел, перебравшись через ров вброд. Но как он вообще сюда попал, если мост был поднят?

— Да, это непонятно, — сказал Баркер.

— В котором часу его подняли?

— Без малого в шесть, — ответил дворецкий Эймс.

— Я слышал, его всегда поднимают, когда солнце садится, — сказал сержант. — Это будет ближе к половине пятого, а не без малого шесть, в это-то время года.

— У миссис Дуглас были к чаю гости, — пояснил Эймс. — Я не мог его поднять, пока они не ушли.

— Ну, тогда картина получается такая, — заключил сержант. — Если кто-то пробрался в дом извне — если, конечно, дело было именно так, — то он должен был перейти мост до шести и прятаться где-то здесь, пока, уже после одиннадцати, в комнату не пришел мистер Дуглас.

— Совершенно верно. Мистер Дуглас каждый вечер перед сном обходил дом, проверял печи и камины. За этим и сюда зашел. Убийца ждал здесь и застрелил его. Потом сам вылез в окно, а дробовик оставил. Так я себе все это представляю, другое не вяжется с фактами.

Сержант подобрал с полу карточку, лежащую рядом с убитым. На ней крупно и размашисто были начертаны чернилами две буквы, Д. и В., а снизу — число 341.

— А это что? — спросил он, протягивая карточку своим спутникам.

Баркер удивленно вздернул брови.

— Я ее не заметил, — сказал он. — Должно быть, оставлена убийцей.

— Д. В. 341. Что бы это могло означать?

Сержант крутил карточку в руке.

— Что такое Д. В.? Может, чьи-то инициалы? А что это около вас, доктор Вуд?

На коврике перед камином лежал основательных размеров рабочий молоток. Сесил Баркер указал на гвозди с медными шляпками, лежавшие в ящичке на каминной полке.

— Мистер Дуглас вчера перевешивал картины, — пояснил он. — Я видел, как он стоял на стуле и прибивал картину над камином. Отсюда и молоток.

— Давайте-ка оставим его на месте, — сказал сержант, растерянно почесывая затылок. — Чтобы разобраться с этим делом, боюсь, понадобятся лучшие умы уголовного розыска. Это дело для Скотленд-Ярда. — Подняв над головой лампу, он

стал медленно обходить комнату. — Эге, смотрите-ка! — взволнованно воскликнул он, отводя в сторону оконную штору. — В котором часу задергивают шторы?

— Когда зажигают лампы, — ответил дворецкий. — Теперь в четыре с чем-то.

— Здесь несомненно кто-то прятался. — Он посветил вниз, и стали видны грязные отпечатки подошв. — Должен признать, что этим подтверждается ваша теория, мистер Баркер. Выходит, убийца забрался в дом после четырех, когда шторы были уже задернуты, но до шести, когда подняли мост. Проскользнул в эту дверь, так как она рядом с входной и первая попалась ему на глаза. Больше ему негде было спрятаться, вот он и укрылся за шторой. Пока все как будто бы ясно. Вполне может быть, что он собирался ограбить дом; но мистер Дуглас случайно обнаружил его, тогда он его убил и сбежал.

— Я тоже так это себе представляю, — кивнул Баркер. — Однако мы зря теряем время. Не лучше ли выйти наружу и прочесать округу, пока он не успел убраться из здешних мест?

— Ближайший поезд проходит в шесть часов утра, так что по железной дороге он ночью уехать не может, — подумав немного, продолжил

сержант. — А если он в мокрой одежде пойдет пешком по дороге, на него почти наверняка кто-нибудь обратит внимание. И вообще, я не имею права покидать место преступления, пока меня не сменят. Думаю, и вы не должны уходить, пока мы тут не разберемся.

Доктор взял у него лампу и стал осматривать тело.

— Что означает этот знак? — спросил он. — Не связан ли он как-то с преступлением?

Рукав халата задрался, правая рука убитого обнажилась до локтя, и на ней виднелось отчетливо проступившее на бледной мертвой коже странное коричневое изображение: треугольник в круге.

— Это не татуировка, — определил доктор, приглядываясь сквозь очки. — Первый раз в жизни вижу такое. Ему когда-то выжгли на руке клеймо, как клеймят скотину. Что бы это могло означать?

— Что это означает, я не знаю, — ответил Сесил Баркер, — но за последние десять лет я много раз видел этот знак на руке Дугласа.

— И я тоже, — сказал дворецкий. — Всякий раз, как хозяин закатывал рукав, я видел у него этот знак. И не раз задумывался, что это такое.

— Ну, тогда, по крайней мере, ясно, что это клеймо не имеет отношения к убийству, — заключил сержант. — Хотя штука очень странная. В этом деле, за что ни возьмись, все странно. Ну, что еще?

Дворецкий, удивленно вскрикнув, указал на раскрытую ладонь убитого.

— С него сняли обручальное кольцо! — сдавленным голосом проговорил он.

— Что?

— Да, да! Хозяин всегда носил на мизинце левой руки гладкое золотое кольцо и сверху перстенек с необработанным камешком, а кольцо в виде змеи — на среднем пальце. Перстенек есть, и змейка есть, а обручальное кольцо пропало.

— Он прав, — сказал Баркер.

— То есть вы утверждаете, что обручальное кольцо было ниже, чем это, с камешком? — переспросил сержант.

— Да.

— В таком случае получается, убийца, или кто-то другой, сначала снял кольцо с камешком, которое вы называете перстеньком, потом снял обручальное кольцо, а потом кольцо с камешком надел обратно?

— Выходит, что так.

Деревенский страж закона обескураженно потряс головой.

— Сдается мне, чем скорее мы передадим это дело специалистам из Лондона, тем будет лучше. У нас есть и свой специалист, Уайт-Мейсон, он парень головастый, что тут ни случалось, он всегда добирался до сути. Уайт-Мейсон скоро прибудет к нам на помощь. Но думаю, все одно на этот раз нам без Лондона не обойтись. И скажу прямо, таким, как наш брат, деревенский полицейский, эдакое заковыристое дело не по зубам.

Глава 4
Тьма

В три часа утра из полицейского управления графства Суссекс на двуколке, запряженной взмыленным рысаком, примчался главный следователь, срочно вызванный в Берлстоун сержантом Уилсоном. «Молочным» поездом в пять сорок он отправил депешу в Скотленд-Ярд и в двенадцать лично встречал нас на местной железнодорожной станции. Уайт-Мейсон оказался спокойным, уверенным в себе румяным и довольно упитанным мужчиной в просторном твидовом костюме, на крепких кривых ногах, облаченных в гетры, и вообще гораздо больше походившим на небогатого фермера или вышедшего на покой егеря, да на кого угодно, только не на известного на весь Суссекс сотрудника здешнего уголовного розыска.

— Дело просто фантастическое, мистер Макдоналд, — несколько раз повторил он. — Стоит прессе пронюхать и смекнуть, чем тут пахнет, и газетчики налетят как мухи. Одна надежда, что управимся раньше, чем они нагрянут и затопчут все следы. Не припомню ничего подобного за всю

свою жизнь. Кое-какие обстоятельства, думаю, должны заинтересовать вас, мистер Холмс, и вас тоже, доктор Ватсон, медикам еще предстоит сказать тут свое слово. Остановиться вам придется здесь, в гостинице «Вествилл армс», больше негде, но я слышал, у них чисто и уютно. Слуга занесет ваши вещи. Сюда, пожалуйста, джентльмены.

Благодаря заботам хлопотливого следователя мы за десять минут разместились и устроились. Спустя еще десять минут мы уже сидели в гостиной и слушали сжатое сообщение обо всем, что тут произошло, уже изложенное в предыдущей главе. Макдоналд изредка вставлял слово; Холмс внимательно слушал. С его лица не сходило изумленное и восторженное выражение, он был похож на ботаника, рассматривающего редкий и драгоценный цветок.

— Поразительно! — произнес он, когда рассказ был окончен. — Совершенно поразительно. Не берусь припомнить ни одного такого же странного случая.

— Я ждал, что вы так скажете, мистер Холмс, — торжествуя воскликнул Уайт-Мейсон. — Мы тут в Суссексе от жизни не отстаем. Я описал вам, как все было вплоть до того момента между тремя и четырьмя часами ночи, когда я принял это

дело от сержанта Уилсона. Я чуть было не загнал лошадь, ей-богу. Но оказалось, ничего срочного. Мне, в общем-то, нечего тут пока предпринять. Сержант Уилсон разузнал все подробности, я их проверил, оценил, кое-что, совсем немного, добавил от себя.

— Что именно вы добавили? — живо заинтересовался Холмс.

— Во-первых, с помощью доктора Вуда подверг осмотру молоток. Никаких следов схватки на нем не обнаружилось. Я думал, если мистер Дуглас оборонялся этим молотком, он мог ударить им злоумышленника перед тем как выронить орудие из рук. Но молоток чист.

— Это, однако, ничего не доказывает, — возразил инспектор Макдоналд. — Известно много случаев убийства молотком, и при этом на молотке — никаких следов.

— Совершенно верно. Это не значит, что молоток не был использован в схватке. Но на нем могли оказаться пятна, и это бы нам помогло. Однако никаких пятен нет. Затем я осмотрел дробовик. Заряд в нем был с крупной дробью, и, как заметил сержант Уилсон, курки связаны проволокой, нажмешь один задний — и выстрелят оба ствола. Тот, кто применил такое приспособле-

ние, хотел стрелять наверняка. Обрез длиной не больше двух футов, его ничего не стоило спрятать под пальто. Фирма-изготовитель целиком не значится; но на ложе между стволами сохранились буквы П о к, а остальная часть отпилена вместе со стволами.

— Заглавное П с росчерком сверху, а О и К поменьше? — спросил Холмс.

— Совершенно верно.

— «Пенсильванская оружейная компания», известная американская фирма.

Уайт-Мейсон уважительно посмотрел на моего друга, точно скромный деревенский врач, взирающий на столичное медицинское светило, единым словом способное разрешить трудность, перед которой сам он спасовал.

— Очень полезное сведение, мистер Холмс. Вы несомненно правы. Прекрасно! Замечательно! Неужели вы держите в памяти имена всех оружейников мира?

Холмс только отмахнулся от столь праздного вопроса.

— Итак, очевидно, дробовик американский, — продолжил свои рассуждения Уайт-Мейсон. — Я где-то читал, что обрезы используются как оружие убийства в некоторых штатах Америки.

Так что у меня и без названия фирмы мелькнуло такое предположение. Стало быть, у нас есть некоторые основания считать, что человек, забравшийся в дом и убивший хозяина, — американец.

Макдоналд покачал головой.

— По мне так вы чересчур торопитесь с заключениями, — сказал он. — Я еще не вижу доказательств, что кто-то вообще забирался в этот дом.

— А открытое окно, пятно крови на подоконнике, странная визитная карточка, следы подошв в углу, дробовик?

— Все это могло быть инсценировано. Мистер Дуглас был американец или, во всяком случае, долго жил в Америке. И мистер Баркер тоже. Нет надобности привозить еще одного американца, чтобы получилось американское убийство.

— Дворецкий Эймс…

— А что он? Да и надежный ли он человек?

— Надежный, как скала, десять лет проработал у сэра Чарлза Чандоса. И у Дугласа пять, с того самого дня, как тот поселился в Мэнор-хаусе. Эймс никогда не видел в доме такого оружия.

— Обрез специально предназначен для того, чтобы его прятали. С отпиленными стволами он

поместится в любом ящике. Разве Эймс может поклясться, что такого дробовика в доме не было?

— Он, по крайней мере, не видел.

Макдоналд покачал упрямой шотландской головой.

— Нет, вы меня не убедили, что в дом кто-то проник. Да этого же просто не может быть! Это противоречит здравому смыслу! А каково ваше мнение, мистер Холмс?

— Изложите свои доводы, мистер Мак, — распорядился Холмс, словно судья на судебном заседании.

— Человек этот, если предположить, что он вообще существовал, не грабитель. Обручальное кольцо и карточка свидетельствуют о предумышленном убийстве по личным мотивам. Хорошо. Некто проник в дом с намерением совершить убийство. Он не мог не понимать, что уйти с места преступления ему будет нелегко, ведь дом окружен водой. Какое оружие, в таком случае, он должен был выбрать? Казалось бы, самое бесшумное. Тогда у него появлялась бы возможность после выстрела спокойно вылезти в окно и, перейдя ров вброд, скрыться. Это можно было бы понять. Но как понять, что он прихватил с собой оружие, которое стреляет очень громко, понимая,

что на выстрел со всех ног примчатся все, кто есть в доме, и что его вполне могут увидеть из окон, когда он будет переходить ров? Неужели в это можно поверить, мистер Холмс?

— М-да, соображения серьезные, — признал мой друг. — Чтобы вас опровергнуть, нужны веские доказательства. Позвольте поинтересоваться, мистер Уайт-Мейсон, был ли произведен немедленный осмотр противоположного берега рва на предмет обнаружения следов того, что кто-то вылезал из воды?

— Следов не было, мистер Холмс. Но тот берег представляет собой каменный уступ, на нем и не могло остаться никаких следов.

— Ни малейших признаков?

— Ни малейших.

— Так. Вы не будете возражать, мистер Уайт-Мейсон, если мы сию же минуту отправимся в усадьбу? Не исключено, что на месте удастся обнаружить еще какую-нибудь ценную мелочь.

— Я как раз собирался вам это предложить, мистер Холмс. Просто мне надо было сначала ввести вас в курс дела. Надеюсь, если что-то привлечет ваше внимание…

Уайт-Мейсон не договорил и вопросительно взглянул на сыщика-любителя.

— Мне уже приходилось сотрудничать с мистером Холмсом, — поспешил успокоить его инспектор Макдоналд. — Он соблюдает правила игры.

— Во всяком случае, те, что соответствуют моим взглядам, — с улыбкой уточнил Холмс. — Я берусь за расследование, чтобы способствовать торжеству правосудия и помочь работе полиции. Если я когда и прерывал сотрудничество с представителями власти, то лишь после того, как они прерывали сотрудничество со мной. У меня нет ни малейшего желания прославиться за их счет. Но при этом, мистер Уайт-Мейсон, я считаю себя вправе действовать своими методами и делиться результатами в свое время — когда работа сделана, и никак не раньше.

— Ваше присутствие — для нас большая честь, и мы будем рады сообщить вам все, что знаем, — сердечно заверил его Уайт-Мейсон. — Вы тоже пожалуйте с нами, доктор Ватсон, придет срок, и мы все надеемся попасть в вашу книгу.

Мы прошли между аккуратно подстриженными вязами по живописной деревенской улице, в конце которой высились два старых, замшелых каменных столба, поддерживавших нечто бесформенное и серое, некогда бывшее гераль-

дическим львом Берлстоунских Капусов. Дальше надо было идти по извилистой подъездной аллее, так густо засаженной дубами, как бывает только в английской сельской местности, потом аллея резко сворачивала и открывался вид на низкий длинный кирпичный дом времен Якова I; справа и слева, как заведено исстари, фасад завершался тисовыми купами. Мы подошли к деревянному подъемному мосту через широкий ров, под холодным зимним солнцем неподвижная вода в нем блестела, точно ртуть.

Три столетия пролетели над Мэнор-хаусом Берлстоуна, три столетия рождений и возвращений в отчий дом, деревенских праздников и охотничьих сборов. И вот теперь на эти благородные древние стены упала тень черного злодейства! Хотя где же и скрываться страшным тайнам, как не под старой островерхой крышей с нависающими карнизами? Глядя на углубленные окна, на длинный темный отражающийся в воде фасад, я подумал, что более подходящей декорации для свершившейся здесь трагедии и представить себе невозможно.

— Вон то окно, — указал Уайт-Мейсон, — первое справа от подъемного моста. Оно оставлено открытым, как было обнаружено ночью.

— Слишком узкое, пожалуй, в него человеку не пролезть.

— Значит, человек был не толстый. Это и без вашей дедукции понятно, мистер Холмс. Однако вы или я смогли бы протиснуться.

Холмс подошел к самой воде и посмотрел через ров. Потом обследовал каменный уступ, на котором мы стояли, и газон, начинавшийся там, где кончался камень.

— Я уже все обшарил, мистер Холмс, — сказал ему Уайт-Мейсон. — Тут нет никаких следов. Да и зачем бы ему оставлять следы?

— Совершенно верно. Незачем. Вода всегда такая мутная?

— Обычно она такая же, как сейчас. Течение приносит глину.

— А глубина тут большая?

— У берегов примерно фута два, а в середине три.

— Значит, мысль, что человек, переходя через ров, утонул, можно отбросить?

— Конечно, тут и ребенок не утонет.

Мы перешли мост. Открыл нам странного вида скрюченный сухонький старичок — дворецкий Эймс. Он был бледен и весь дрожал. В комнате, где произошло убийство, все еще дежурил местный

полицейский сержант, долговязый, печальный и исполнительный. Врач уже ушел.

— Есть какие-нибудь новости, сержант? — спросил Уайт-Мейсон.

— Нет, сэр.

— Тогда можете идти. Довольно с вас. Мы пошлем за вами, если понадобится. Дворецкий пусть ждет за дверью. Велите ему предупредить мистера Сесила Баркера, миссис Дуглас и экономку, что вскорости нам могут понадобиться их показания. А теперь, джентльмены, позвольте мне поделиться с вами мнением, которое сложилось у меня, а потом вы сможете составить свое.

Мне он внушал уважение, этот деревенский специалист. У него был приметливый цепкий глаз и здравый ум. Чувствовалось, что он далеко пойдет в своей профессии. Холмс выслушал его внимательно, не выказывая никаких признаков досады и нетерпения, которые обычно у него вызывали доклады официальных лиц.

— Что это, убийство или самоубийство, вот первый вопрос, встающий перед нами, не правда ли, джентльмены? Если предположить самоубийство, тогда мы должны допустить, что самоубийца начал с того, что снял обручальное кольцо и где-то его запрятал; затем спустился

из спальни в халате, натоптал грязными подошвами в этом углу, чтобы казалось, будто кто-то ждал его за портьерой, раскрыл окно, измазал подоконник кровью…

— Подобное предположение можно, безусловно, отбросить, — сказал Макдоналд.

— Я тоже так полагаю. Самоубийство исключается. В таком случае здесь совершено убийство. Требуется установить, кем совершено: посторонним человеком, пробравшимся в дом, или кем-то из домочадцев?

— Давайте послушаем ваше мнение.

— Обе версии содержат много неувязок, но либо та, либо эта справедлива. Предположим, преступление совершено одним или несколькими из домашних. Убийца спрятался в этой комнате, когда в доме стояла тишина, но никто еще не спал. Затем был произведен выстрел из необычного и очень громкого оружия как бы специально для того, чтобы оповестить всех в доме. О существовании в доме этого оружия никто прежде не знал. Маловероятное начало, вам не кажется?

— Да, пожалуй.

— Далее. Все показания сходятся на том, что от начала тревоги до того момента, когда все, кто был в доме, — не только мистер Сесил Баркер,

утверждающий, что прибежал первым, но и Эймс, и остальные, — оказались на месте преступления, прошло не больше минуты. Не станете же вы утверждать, что за это время преступник успел оставить грязные следы в углу, открыть окно, измазать кровью подоконник, снять кольцо с пальца убитого и так далее? Это невозможно!

— Вы рассуждаете очень логично, — сказал Холмс. — Я склонен с вами согласиться.

— В таком случае мы снова возвращаемся к версии, согласно которой это работа кого-то, кто проник в дом извне. По-прежнему остается много неувязок; но они не кажутся неразрешимыми. Некто пробрался в дом между половиной пятого и шестью, то есть после того, как начало смеркаться, и до подъема моста. В доме были гости, дверь оставалась незапертой, и ничто не могло помешать ему войти. Это мог быть обыкновенный вор, а мог быть человек, сводивший личные счеты с мистером Дугласом. А поскольку мистер Дуглас долго жил в Америке и оружие убийства, по-видимому, американское, последнее предположение представляется наиболее правдоподобным. Злоумышленник проскользнул в эту комнату, потому что она ближе всего к двери, и спрятался за портьерой. И простоял там

до половины двенадцатого, пока в комнату не вошел мистер Дуглас. Разговор между ними если и произошел, то очень краткий; миссис Дуглас утверждает, выстрел раздался через считаные минуты после того, как муж вышел из спальни.

— Об этом же свидетельствует и свеча, — заметил Холмс.

— Совершенно верно. Новая свеча обгорела не более чем на полдюйма. Вероятно, он поставил ее на стол до того, как в него выстрелили; иначе она бы упала на пол, когда упал он. Значит, на него напали не сразу. Когда прибежал мистер Баркер, свеча на столе горела, а лампа нет.

— Да, тут все ясно.

— Попробуем воспроизвести всю картину согласно этой версии. Мистер Дуглас входит в комнату. Ставит свечу на стол. Из-за портьеры выходит человек. В руках у него обрез. Бог весть зачем он требует у мистера Дугласа кольцо, и тот отдает его. После чего, то ли хладнокровно, то ли в последовавшей драке, Дуглас хватает валявшийся на коврике молоток и неизвестный убивает его выстрелом в лицо. Затем, бросив дробовик и эту странную карточку — Д. В. 341 — он вылезает в окно и перебирается вброд через ров в ту самую минуту, когда Сесил Баркер обнаруживает убито-

го. Как вам это, мистер Холмс?

— Очень интересно. Но не слишком убедительно.

— Господи! Это совершенно невероятно, но ведь и другие версии, какую ни возьми, еще невероятнее, — горячо возразил Макдоналд. — Убит человек, и кто бы ни был убийца, я легко могу доказать, что он действовал нелепо и необдуманно. Почему он не приготовил себе путь к отступлению? Зачем использовал дробовик, ведь ему было важно, чтобы никто ничего не услышал? Теперь, мистер Холмс, дело за вами. Подскажите что-нибудь, раз вы считаете версию мистера Уайта Мейсона неубедительной.

— Чтобы предложить свою версию, мистер Мак, — начал Холмс, опускаясь на колени возле убитого, — мне потребуются кое-какие дополнительные данные. Бог мой, как же изуродовано его лицо. Пригласите сюда, пожалуйста, дворецкого… Эймс, вам, как я понял, хорошо знакомо это чрезвычайно странное клеймо — треугольник в круге — на руке у мистера Дугласа?

— Да, сэр.

— Вы никогда не слышали, чтобы он что-то о нем рассказывал?

— Никогда, сэр.

— Должно быть, было очень больно, когда его ставили. Это ведь ожог. И посмотрите-ка сюда, Эймс, на пальце налеплен кусочек пластыря. Вы видели его днем, когда мистер Дуглас был жив?

— Да, сэр. Он порезался утром во время бритья.

— А прежде такое случалось?

— Исключительно редко, сэр.

— Любопытно, — покачал головой Холмс. — Это может быть простым совпадением, но может и служить признаком нервозности человека, узнавшего, что ему угрожает опасность. Эймс, ничего необычного вы в его поведении вчера не заметили?

— Я обратил внимание, что он был слегка возбужден, сэр.

— Ага! В таком случае, вполне вероятно, нападение было не совсем неожиданным. Это уже кое-что, не правда ли? Мистер Мак, не хотите ли сами снимать показания?

— Нет, мистер Холмс. Предпочту передоверить это вам.

— Ну что ж. Перейдем к карточке «Д. В. 341». Это кусок шершавого картона. Есть в доме такой картон, Эймс?

— Насколько мне известно, нет, сэр.

Холмс подошел к столу и провел на промока-

тельной бумаге черточки чернилами из каждой чернильницы.

— Писалось не здесь, — заключил он. — Писали черными чернилами, а в чернильницах фиолетовые. И перья здесь тонкие, а надпись сделана толстым пером и, судя по всему, заранее. Можете вы что-нибудь сказать о ней, Эймс?

— Нет, сэр.

— А вы, мистер Мак?

— Какое-то тайное общество…

— И у меня возникла та же мысль, — сказал Уайт-Мейсон.

— Что ж, примем это как рабочую гипотезу и посмотрим, продвинемся ли мы в своем расследовании. Итак, посланец некоего тайного общества пробирается в дом, выжидает, пока появится мистер Дуглас, чуть ли не сносит ему голову выстрелом из дробовика и уходит вброд через ров, оставив подле тела карточку, которая, когда о ней напишут газеты, даст знать остальным членам общества, что месть свершилась. Все логично. Но почему он выбрал такое шумное оружие?

— Вот именно.

— И зачем снял кольцо?

— Да, да.

— И почему до сих пор никого не задержали?

Сейчас уже третий час пополудни, и можно не сомневаться, что каждый полицейский на сорок миль в округе во все глаза высматривает неизвестного в мокрой одежде.

— Ваша правда, мистер Холмс.

— Если только он не затаился где-нибудь поблизости или не приготовил себе под камнем сухой одежды. И, однако же, до сих пор не задержали! — Холмс подошел к окну и стал рассматривать в лупу кровавое пятно на подоконнике. — Это несомненно отпечаток подошвы. Притом весьма широкой; здоровенная лапа, как говорится. Странно, потому что, насколько можно судить по грязному следу в углу, там отпечаталась нога более узкая. Впрочем, тот след очень нечеткий. А что это лежит под столиком?

— Гантели мистера Дугласа, — пояснил Эймс.

— Не гантели, а гантель. Здесь только одна. А куда подевалась другая?

— Не знаю, мистер Холмс. Возможно, она и была одна. Они мне уже давно на глаза не попадались.

— Одна гантель… — задумчиво повторил Холмс.

В эту минуту громко постучали. В приоткрывшуюся дверь заглянул высокий загорелый мужчина с умным бритым лицом. Я без труда

догадался, что это и есть Сесил Баркер, о котором уже был наслышан.

— Простите, что прерываю ваши консультации, — проговорил он, — но хочу сообщить вам последнюю новость.

— Задержали?

— К сожалению, нет. Но нашли велосипед. Убийца оставил его здесь. Пойдемте, я вам покажу. Всего в сотне шагов от входной двери.

На подъездной аллее мы увидели группу из трех или четырех конюхов и нескольких зевак. Они разглядывали велосипед, который вытащили из вечнозеленой изгороди, где он был запрятан. Велосипед был марки «Радж-Уитфорд», далеко не новый и сильно заляпанный грязью; как видно, на нем приехали издалека. Сзади под седлом висела сумка, в ней оказался гаечный ключ и масленка, но ничего, что указывало бы владельца.

— Было бы больше пользы, если бы велосипед был зарегистрирован и имел номера, — сказал инспектор. — Но спасибо и за то, что есть. Если мы не можем сказать, куда делся убийца, по крайней мере скоро выясним, откуда он приехал. Но, ради всего святого, с какой стати он оставил велосипед? На чем же он уехал? В этом загадочном деле

никакого проблеска, мистер Холмс.

— Да? — задумчиво произнес мой друг. — Ну, не знаю.

Глава 5
Действующие лица трагедии

— Вы все осмотрели в кабинете? — спросил Уайт-Мейсон, когда мы вышли в холл.

— Как будто бы все, — ответил инспектор, а Холмс молча кивнул.

— Тогда, может быть, вы хотите услышать показания кое-кого из домашних? Эймс, мы расположимся в столовой. Первым зайдите вы и расскажите все, что вам известно.

Рассказ дворецкого был простым и ясным и оставил впечатление неподдельной искренности. Он поступил сюда пять лет назад, как только Дуглас перебрался в Берлстоун. Эймс считал, что его хозяин — богатый джентльмен, составивший состояние в Америке. Он был, может быть, не так вежлив с прислугой, как его бывшие хозяева, но нельзя же требовать от жизни всего. Чтобы мистер Дуглас чего-то опасался, он никогда не замечал; наоборот, он не встречал в жизни человека бесстрашнее. Подымать на ночь мост хозяин распорядился просто потому, что так было заведено в этом доме раньше, а он старался поддерживать старинные обычаи.

Мистер Дуглас редко бывал в Лондоне и вообще почти не покидал Берлстоуна; но накануне того дня, когда совершилось преступление, он ездил что-то покупать в Танбридж-Уэллс. И Эймс потом обратил внимание, что он был чем-то взволнован, выказывал признаки беспокойства и раздражения, обычно ему несвойственные. Вчера вечером, когда раздался громкий звон колокольчика, Эймс находился в буфетной, расположенной в задней части дома, убирал там столовое серебро. Выстрела он не слышал, что, впрочем, естественно, так как буфетная и кухня отделены от остальной части дома длинным коридором с плотно закрывающимися дверьми. Экономка тоже услышала звон, вышла из своей комнаты, и они вместе поспешили в кабинет хозяина.

В холле Эймс увидел миссис Дуглас, спускающуюся по лестнице. Нет, она не спешила, и вид у нее был не встревоженный. Когда она сошла с последней ступени, из кабинета выбежал мистер Баркер. Он остановил миссис Дуглас и стал уговаривать ее вернуться в спальню.

— Ради всего святого, поднимитесь обратно к себе! — умолял он. — Бедный Джек убит! Вы ничем не можете помочь. Вернитесь к себе, ради

бога!

В конце концов мистер Баркер ее уговорил, и она ушла наверх. Хозяйка не плакала и даже не вскрикнула. Миссис Аллен, экономка, пошла с ней и осталась с хозяйкой в спальне. Эймс с мистером Баркером вошли в кабинет, там все было точно в том виде, как сейчас. Свеча в подсвечнике была погашена. Лампа горела. Они выглянули в окно, но стояла темная ночь, и ничего не было ни видно, ни слышно. Тогда они выбежали в холл, где Эймс повернул лебедку, опускающую мост. И мистер Баркер побежал в полицию.

Таков был в общем и целом рассказ дворецкого.

Показания миссис Аллен, экономки, подтверждали рассказ Эймса. Ее комната расположена ближе к господской части дома, чем буфетная, где находился мистер Эймс. Миссис Аллен уже собралась ложиться, когда раздался громкий звон колокольчика. Вообще-то она немного туговата на ухо. Наверно, потому и не слышала выстрела. Впрочем, до кабинета от нее далеко. Она помнит, что был какой-то шум, вроде бы звук захлопнувшейся двери. Но это было гораздо раньше. Когда мистер Эймс бросился в холл, она последовала за ним и увидела мистера Баркера, выходящего

из кабинета. На нем лица не было. Он остановил миссис Дуглас, которая спускалась по лестнице, и умолял ее вернуться в спальню, она ему что-то отвечала, но что, было не слышно.

— Уведите ее наверх! Побудьте с нею! — велел он миссис Аллен.

Ну, она и поднялась с ней в спальню и попыталась как-то утешить. Хозяйка была сильно взбудоражена, вся дрожала. Но спуститься больше не пыталась, сидела в халате у камина, спрятав лицо в ладони. Миссис Аллен пробыла у нее почти всю ночь. Что же до остальных слуг, то они все давно спали и узнали о случившемся только перед появлением полиции. Комнаты слуг расположены в противоположном конце здания, так что они, естественно, ничего не слышали.

При перекрестном допросе экономка ничего, кроме возгласов печали и удивления, добавить не смогла.

После миссис Аллен настал черед Сесила Баркера. По поводу событий минувшей ночи он мало что мог добавить к тому, что уже показал полицейским. Лично он был совершенно убежден, что убийца скрылся через окно. Об этом, по его мнению, неопровержимо свидетельствовало пятно крови на подоконнике. Да и не было у него

другого пути, поскольку мост был поднят. Куда делся убийца и почему бросил велосипед, он сказать затруднялся. А может быть, это и не его был велосипед. Утонуть во рве невозможно, глубина воды в нем нигде не превышает трех футов.

У него уже сложилась определенная теория касательно убийства. Покойник был не из болтливых, в его жизни были периоды, о которых он никогда не распространялся. Совсем еще юношей он эмигрировал в Америку. Там разбогател. Баркер познакомился с ним в Калифорнии, где они стали компаньонами-владельцами одного прииска, носившего название Бенито-Каньон. Дела шли превосходно; но неожиданно Дуглас продал свою долю и уехал в Англию. В то время он уже был вдовцом. Позднее Баркер тоже обратил в деньги свое имущество и перебрался на жительство в Лондон. Так они возобновили дружбу.

Дуглас всегда производил на него впечатление человека, над которым нависла некая угроза, его внезапный отъезд из Калифорнии и жизнь в Англии, в таком тихом месте, подтверждали это. Возможно, тайная организация, приговорившая его к смерти, наконец напала на его след. Случайно оброненные Дугласом слова навели его на такое предположение, хотя о чем именно

идет речь, что это за организация и за что она его преследует, он не знал. Баркер предполагал, что надпись на карточке имеет какое-то отношение к тайному обществу.

— Сколько лет вы знали Дугласа в Калифорнии? — спросил инспектор Макдоналд.

— Всего пять лет.

— Вы говорите, он был тогда холост?

— Он вдовел.

— Вам не известно, откуда была родом его первая жена?

— Слышал, будто бы из Германии. Я видел ее портрет. Удивительно красивая женщина. Умерла от тифа за год до нашего знакомства.

— А до Калифорнии в какой части Америки он жил, вы не знаете?

— Он говорил о Чикаго. Этот город был ему хорошо знаком, он там работал. Упоминал угледобывающие и железорудные районы. Ему довелось немало поездить по стране.

— Политикой он не интересовался? Не была ли та тайная организация политической?

— Нет, политика его нисколько не занимала.

— А с преступной организацией, на ваш взгляд, он мог быть связан?

— Ни в коем случае. Дуглас был честнейшим

человеком.

— Не замечали ли вы каких-либо странностей в его образе жизни в Калифорнии?

— Больше всего ему нравилось уединение и работа на нашем участке. Если была возможность, он старался избегать многолюдья. Это и натолкнуло меня на мысль, что его кто-то преследует. А когда он вдруг ни с того ни с сего внезапно уехал в Англию, я уже в этом не сомневался. По-видимому, он получил предостережение. В первую же неделю после его отъезда какие-то люди интересовались им.

— Что за люди?

— По виду довольно крутые парни. Человек шесть. Объявились неизвестно откуда и спрашивали, где такой-то. Я объяснил, что он уехал в Европу, а куда, не знаю. Сразу видно было, что они ищут его с недоброй целью.

— Это были американцы? Калифорнийцы?

— Что калифорнийцы, утверждать не берусь. Но американцы безусловно. Только не шахтеры. А кто такие, не знаю, я был рад, когда они убрались подобру-поздорову.

— Это было шесть лет назад?

— Скорее семь.

— А еще раньше вы пять лет были компаньона-

ми в Калифорнии. Так что дело это, по меньшей мере, одиннадцатилетней давности?

— Да.

— Серьезная, выходит, вражда, раз такой накал сохранялся все эти годы. И серьезные, должно быть, были меж ними счеты, которые ее породили.

— Мне кажется, она отбрасывала тень на всю его жизнь. Он постоянно о ней помнил.

— Но разве человеку, которому угрожает опасность и который об этом знает, не естественно было бы искать защиты у полиции?

— Возможно, это была такая опасность, от которой не защитишься. Должен еще вам сообщить, что он всегда ходил вооруженный, носил с собой револьвер. Но минувшей ночью он, на беду, спустился в кабинет в халате, а револьвер оставил в спальне. Наверно, посчитал, раз мост поднят, можно ничего не опасаться.

— Я хотел бы еще уточнить даты, — сказал Макдоналд. — Дуглас уехал из Калифорнии шесть с лишним лет назад. Вы последовали его примеру год спустя, так?

— Так.

— И он был женат вторым браком пять лет. Значит, вы возвратились в Англию как раз ко

времени его свадьбы.

— За месяц до нее. Я был у него шафером.

— А раньше вы были знакомы с миссис Дуглас?

— Нет, я не был в Англии десять лет.

— Но после свадьбы вы виделись часто.

Баркер бросил на инспектора сердитый взгляд.

— Я виделся с *Дугласом* весьма часто после свадьбы, — сказал он. — А если виделся и с нею, то невозможно общаться с человеком и не знаться при этом с его женой. Если вы воображаете, что есть какая-то связь…

— Я ничего не воображаю, мистер Баркер. Я обязан выяснить все, что может быть хоть как-то связано с расследуемыми обстоятельствами. Я не имел в виду ничего для вас оскорбительного.

— Выяснения бывают оскорбительны, — раздраженно заметил Баркер.

— Нам нужны только факты. В ваших же интересах и в интересах всех остальных, чтобы все было ясно. Мистер Дуглас вполне одобрял вашу дружбу с его женой?

Баркер побледнел и конвульсивно сцепил свои большие, мускулистые руки.

— Вы не вправе задавать подобные вопросы! Какое отношение это имеет к делу?

— Я должен повторить вопрос.

— Ну, а я отказываюсь отвечать.

— Это ваше право. Но, надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что ваш отказ сам по себе является ответом. Вы бы не стали отказываться, если вам нечего скрывать.

Минуту Баркер стоял, насупившись, сведя к переносице густые черные брови и напряженно думая. Потом, подняв голову, улыбнулся:

— Я понимаю, джентльмены, вы просто исполняете свой долг, и у меня нет права мешать вам в этом. Только попрошу вас не беспокоить миссис Дуглас; у нее и без того хватает огорчений. Могу сказать, что у покойного был всего один недостаток — он был ревнив. Он очень хорошо ко мне относился, невозможно лучше относиться к другу. И был предан жене. Ему хотелось, чтобы я сюда приезжал, он все время приглашал меня. И тем не менее, если мы с его женой увлекались каким-нибудь разговором или выказывали симпатию друг к другу, его захлестывала волна ревности, он срывался и мог наговорить бог знает что. Из-за этого я несколько раз давал себе слово, что больше никогда к ним не приеду, но потом получал от него такое покаянное, умоляющее письмо, что не отозваться было невозможно. Однако поверьте,

джентльмены, я и умирать буду — повторю: ни у кого на свете не было более любящей, верной жены. И не было друга надежнее, чем я!

Это было сказано горячо, с большим чувством, но инспектор Макдоналд все-таки спросил:

— Вам известно, что у покойного с пальца снято обручальное кольцо?

— Да, похоже на то, — сказал Баркер.

— Что значит «похоже на то»? Разве это не факт?

Баркер смущенно замялся.

— Говоря «похоже на то», я имел в виду, что он мог сам его снять.

— Все равно, то обстоятельство, что кольца нет, кем бы оно ни было снято, наводит на мысль, что его женитьба и теперешняя трагедия каким-то образом связаны между собой, вам так не кажется?

Баркер пожал широкими плечами.

— Не берусь объяснить, что означает исчезновение кольца, но если вы намекаете на то, что этим бросается тень на честь дамы… — Глаза его на мгновенье сверкнули, но он сразу же заметным усилием воли взял себя в руки. — …в таком случае вы на ложном пути.

— Кажется, у меня пока больше нет к вам вопросов, — холодно произнес Макдоналд.

— А мне хотелось бы получить одно небольшое уточнение, — вмешался Шерлок Холмс. — Когда вы вошли в комнату, там горела только одна свеча на столе, верно?

— Да.

— И при ее свете вы увидели, что случилось нечто ужасное?

— Именно так.

— Вы сразу же позвонили, призывая на помощь?

— Сразу же.

— И прибежали слуги?

— Минуты через две.

— И однако же, когда они вошли, оказалось, что свеча погашена, а горит лампа. Это удивительно.

Баркер какое-то время молчал в нерешительности.

— Не вижу тут ничего удивительного, мистер Холмс, — возразил он наконец. — Свеча давала очень мало света. Моей первой мыслью было, что нужно более яркое освещение. Лампа стояла на столе, и я ее зажег.

— А свечу задули?

— Совершенно верно.

Холмс ничего больше не стал спрашивать, и Баркер, переведя с него на меня многозначитель-

ный взгляд, в котором мне почудилось нечто вроде вызова, повернулся и вышел.

Несколько раньше инспектор Макдоналд отправил наверх записку, прося позволения у миссис Дуглас подняться к ней для снятия показаний, но получил ответ, что она будет разговаривать с нами в столовой. И вот теперь она вошла, высокая, красивая женщина лет тридцати, на удивление сдержанная, совсем не та рыдающая трагическая фигура, какой представлял ее себе я. Конечно, лицо было бледное и осунувшееся, что вполне естественно для того, кто перенес такой удар; но держалась она спокойно, и ее изящная рука, лежавшая на краю стола, была так же тверда, как моя. Миссис Дуглас обвела нас печальным, вопросительным, даже каким-то подозрительным взглядом. И вдруг коротко осведомилась:

— Вы выяснили что-нибудь?

Послышалось мне или в самом деле это было сказано скорее с опаской, чем с надеждой?

— Предприняты все необходимые шаги, миссис Дуглас, — ответил инспектор. — Не сомневайтесь, мы ничего не упустим.

— Не жалейте денег, — произнесла она ровным, невыразительным тоном. — Я хочу, чтобы было сделано все возможное.

— Вы могли бы сообщить нам что-нибудь, что бросит добавочный свет на это происшествие?

— Боюсь, что нет. Но все, что мне известно, — к вашим услугам.

— Мы слышали от мистера Сесила Баркера, что вы не видели… что вы так и не были в комнате, где произошла трагедия?

— Да. Он встретил меня на лестнице и отправил обратно. Умолял, чтобы я поднялась наверх и вернулась в свою комнату.

— Понятно. Вы услышали выстрел и сразу же пошли вниз.

— Я задержалась, чтобы надеть халат, и стала спускаться.

— Сколько времени прошло между тем, как вы услышали выстрел, и были остановлены на лестнице мистером Баркером?

— Думаю, минуты две-три. В такие мгновенья трудно отдавать себе отчет о времени. Он заклинал меня не идти дальше. Уверял, что я ничего не могу сделать. И миссис Аллен, экономка, отвела меня обратно наверх. Все это походило на страшный сон.

— Не могли бы вы нам сказать хотя бы приблизительно, как долго ваш муж пробыл внизу, до того как вы услышали выстрел?

— Нет. Он был в своей гардеробной, и я не слышала, когда он вышел. Он каждый вечер перед тем, как ложиться, обходил дом — опасался пожара. Насколько мне известно, это единственное, чего он в жизни боялся.

— Тут я хотел бы кое-что уточнить, миссис Дуглас. Вы познакомились с вашим мужем в Англии, не правда ли?

— Да. Мы поженились пять лет назад.

— Вам не приходилось слышать от него о каких-то событиях в Америке, которые могли навлечь на него опасность?

Миссис Дуглас ответила не сразу. Она задумалась, а потом сказала:

— Да. Я все время чувствовала, что над ним нависла какая-то угроза. Он не хотел со мной об этом говорить. Не из-за недостатка доверия, между нами были полное доверие и любовь, а потому, что оберегал меня от тревог. Он думал, что у меня будет тяжело на душе, если я буду все знать. Поэтому хранил молчание.

— Откуда же вы это знаете?

На миг лицо миссис Дуглас осветила улыбка.

— Неужели муж может носить в душе секрет, о котором не заподозрит любящая жена? Я знаю, потому что он отказывался рассказывать о неко-

торых событиях своей американской жизни. По нескольким словам, которыми он обмолвился. По тому, как он приглядывался к незнакомым людям. Я понимала, что у него есть могущественные враги, что ему кажется, будто они преследуют его, что он постоянно настороже. Это было совершенно ясно, и я годами трепетала от страха, стоило ему задержаться вне дома дольше обещанного.

— Можно поинтересоваться, — задал вопрос Холмс, — что это были за слова, которыми он обмолвился и которые вызвали ваши опасения?

— «Долина страха», — ответила хозяйка дома. — Он их произнес, когда я стала донимать его расспросами. «Я был в Долине страха. И до сих пор из нее не выбрался». «Неужели нам никогда не выбраться из Долины страха?» — спросила я его однажды, когда он был особенно мрачен. И он ответил: «Порой мне кажется, что никогда».

— Не могли же вы не поинтересоваться, что это за Долина страха, о которой он упомянул?

— Я спрашивала, но он мрачнел и качал головой. «Довольно того, что один из нас находится в ее тени, — говорил он. — Дай бог, чтобы эта тень никогда не пала на тебя». Это какая-то реальная долина, в которой он жил, и там с ним случилось что-то ужасное, в этом я не сомневаюсь. Но боль-

ше я ничего не знаю.

— А имен он никаких не называл?

— Называл одно, в бреду, когда поранился на охоте и у него был сильный жар. Это было три года назад. Тогда он часто повторял одно имя: Макгинти. Босс Макгинти. Он произносил его с ненавистью и даже с каким-то ужасом. Потом, когда он выздоровел, я у него спросила, кто это босс Макгинти и над кем он босс. А он ответил: «Слава богу, не надо мной», — и усмехнулся. Больше я ничего не смогла из него вытянуть. Но есть какая-то связь между этим боссом Макгинти и Долиной страха.

— Теперь вот еще что, — сказал инспектор Макдоналд. — Вы с мистером Дугласом познакомились в Лондоне, в пансионе, и там обручились, так? В вашем браке не было ничего таинственного, романтического?

— Было романтическое, как же не быть. Но таинственного ничего.

— У мистера Дугласа не было соперника?

— Нет. Я была совершенно свободна.

— Вы, конечно, слышали, что с его пальца исчезло обручальное кольцо. Вам это ни о чем не говорит? Если допустить, что некий враг из прежней жизни выследил его, добрался сюда и

совершил это преступление, зачем ему могло понадобиться его обручальное кольцо?

На мгновене мне определенно показалось, что на губах миссис Дуглас мелькнуло подобие улыбки.

— Не представляю себе, — ответила она. — Меня это чрезвычайно удивляет.

— Ну хорошо, не смею вас больше задерживать. Приносим извинения, что потревожили вас в такое время, — сказал инспектор. — В дальнейшем, разумеется, могут возникнуть еще вопросы; но мы, думаю, сможем задавать их вам по ходу дела.

Миссис Дуглас поднялась, и я опять перехватил брошенный на нас быстрый, испытующий взгляд. «Какое впечатление я на вас произвела?» — как бы спрашивала наша собеседница. Затем она поклонилась и вышла.

— Красивая женщина, очень красивая, — озабоченно проговорил Макдоналд, когда за ней затворились двери. — Этот Баркер дневал и ночевал у них в доме. Такой видный мужчина может оказаться привлекательным в глазах женщины. Он сам признался, что Дуглас ревновал к нему жену, а беспричинно или нет, мужу виднее. И эта история с кольцом. Тоже не отмахнешься.

Человек, способный снять обручальное кольцо с руки мертвеца… Что вы на это скажете, мистер Холмс?

Мой друг сидел, подперев щеки ладонями, погруженный в глубокую задумчивость. Потом встал, подошел к стене и дернул сонетку.

— Эймс, — обратился он к вошедшему дворецкому, — где сейчас мистер Сесил Баркер?

— Пойду узнаю, сэр.

Минуту спустя он вернулся и доложил, что мистер Баркер находится в саду.

— Вы не помните, Эймс, во что мистер Баркер был обут ночью, когда вы явились на его звонок?

— Помню, сэр. Он был в домашних туфлях. Я принес ему сверху сапоги, чтобы он мог сходить в полицию.

— А где сейчас его домашние туфли?

— Остались в холле под креслом.

— Благодарю вас, Эймс. Нам, как вы понимаете, необходимо разобраться, где следы мистера Баркера, а где человека, пробравшегося в дом.

— Конечно, сэр. Могу сказать, что подошвы туфель мистера Баркера, я заметил, были измазаны кровью. Да и мои тоже.

— Вполне естественно, учитывая, что тогда было в кабинете. Хорошо, Эймс, мы позвоним,

если вы нам еще понадобитесь.

Мы вернулись в кабинет. По пути Холмс захватил из холла стоявшую там пару мягких домашних туфель. Как справедливо отметил Эймс, подошвы были черны от крови.

— Странно, — пробормотал Холмс, поднеся их к окну и пристально разглядывая. — В высшей степени странно.

Быстрым кошачьим движением наклонился и поставил туфлю на кровавый отпечаток на подоконнике. След и подошва полностью совпали. Холмс, ничего не говоря, с торжествующей улыбкой оглянулся на коллег.

Инспектор пришел в страшное возбуждение. И заговорил, торопясь и волнуясь, отчего его шотландский выговор сразу стал заметнее, жесткий и резкий, как удар палкой по штакетнику:

— Да тут и сомнений быть не может! Это нога Баркера. Видите, какой широкий след? Шлепанцы ведь просторнее, сапоги гораздо уже. Помните, вы еще сказали «лапа»? Теперь понятно, откуда такая лапа. Но что сие означает, мистер Холмс?

— М-да, что это означает? — в задумчивости повторил мой друг.

Уайт-Мейсон, посмеиваясь и потирая руки от наплыва профессиональной гордости, сказал:

— Говорил я вам, что дело это необычайное? Вот видите!

Глава 6
Первые проблески

Трое сыщиков остались в Мэнор-хаусе уточнять всякие мелкие детали, а я отправился к нашему скромному пристанищу в деревенской гостинице. Я шел через живописный старинный сад среди вековых тисов, которым стрижкой были приданы разнообразные фантастические формы. Просторная лужайка с солнечными часами посредине была окружена живой изгородью — мирная, покойная картина, такая благодатная для раздраженных нервов.

Только здесь, в тишине, можно было на какое-то время забыть о полутемной комнате с распростертым на полу окровавленным мертвым телом. Но когда я обходил лужайку, стараясь впитать душой умиротворяющие веяния природы, случилось странное происшествие, вернувшее мои мысли к трагедии Мэнор-хауса и оставившее камень у меня на сердце.

Как я упомянул, в саду росли причудливые тисы, чем дальше от дома, тем гуще, постепенно превращавшиеся в плотную живую изгородь, за которой, скрытая от глаз со стороны дома, стояла

каменная скамья. Идя вдоль живой изгороди, я услышал голоса, сначала низкий мужской голос, потом в ответ прозвучал легкий женский смешок. Еще несколько шагов, изгородь кончилась, и я увидел скамью, а на ней миссис Дуглас и Баркера, увидел раньше, чем они заметили мое присутствие. Ее вид меня потряс. В столовой, разговаривая с нами, она казалась сдержанной и скромной. Теперь же она сбросила маску скорби, глаза сияли радостью жизни, губы улыбались какой-то шутке собеседника. А он сидел, уперев локти в колени и соединив ладони на уровне красивого, мужественного лица, и улыбался ей в ответ. В следующую секунду — но с опозданием как раз на эту секунду — они заметили меня и, снова приняв скорбный вид, быстро обменялись какими-то репликами, Баркер встал и пошел мне навстречу.

— Прошу прощения, сэр, я говорю с доктором Ватсоном?

Я поклонился, но холодно; полагаю, моя холодность ясно показала, какое они произвели на меня впечатление.

— Мы так и подумали, что это вы, ведь ваша дружба с мистером Шерлоком Холмсом всем известна. Не соблаговолите ли подойти к миссис

Дуглас, она хочет вам что-то сказать.

Я с хмурым видом последовал за ним. Перед глазами еще стояла страшная картина — окровавленный труп на полу кабинета. И вот, прошло всего каких-то несколько часов после трагедии, а жена и лучший друг весело смеются, спрятавшись за кустами в саду, который прежде принадлежал убитому. Я сдержанно поклонился вдове. В столовой я всей душой разделял ее горе. А теперь встретил ее жалобный взгляд безо всякого сострадания.

— Боюсь, вы считаете меня бессердечной? — произнесла она.

Я пожал плечами.

— Помилуйте, это меня не касается.

— Может быть, со временем вы поймете… Если бы вы только знали…

— Доктору Ватсону нет нужды ничего знать, — вмешался Баркер. — Как он сам сейчас заметил, его это ни в коей мере не касается.

— Совершенно верно, — подтвердил я. — С вашего позволения, я хотел бы откланяться.

— Одну минутку, доктор Ватсон! — жалобным голосом позвала меня миссис Дуглас. — Есть один вопрос, ответ на который надежнее всего получить от вас. А для меня это может иметь большое

значение. Вы лучше, чем кто-либо, знаете мистера Холмса и каковы его взаимоотношения с полицией. Если ему будет доверен некий секрет, обязан ли он непременно передать его полицейским детективам?

— Вот именно, — горячо подхватил Баркер. — Он сам себе господин или полностью заодно с ними?

— Не думаю, что я вправе обсуждать такие темы.

— Но я прошу… я умоляю вас, доктор Ватсон! Поверьте, вы очень поможете нам… мне… если разъясните истинное положение дел.

В голосе ее звучала такая искренность, что на минуту я забыл про то, что видел, и у меня осталось одно желание — выполнить ее просьбу.

— Мистер Холмс — независимый следователь, — ответил я. — Он сам себе хозяин и поступает так, как считает нужным. Однако, естественно, он имеет обязательства перед детективами, которые расследуют дело, и не станет скрывать от них ничего, что поможет привести преступника на скамью подсудимых. Больше мне нечего вам сказать, за прочими сведениями могу только адресовать вас к самому мистеру Холмсу.

С этими словами я приподнял шляпу и пошел

дальше своей дорогой, а они остались сидеть на скамье за живой изгородью. Сворачивая из-за кустов на аллею, я обернулся и увидел, что они серьезно что-то обсуждают, а так как при этом они смотрели мне вслед, было ясно, что предметом обсуждения служил наш разговор.

— Зачем мне нужны их секреты? — отмахнулся Холмс, когда я рассказал ему об этой встрече. Он провел весь день в Мэнор-хаусе, совещаясь с коллегами, и вернулся в гостиницу только к пятичасовому чаю, зверски проголодавшийся. — Не желаю слышать никаких признаний, Ватсон, от них одни неудобства, если дойдет до ареста за убийство с заранее обдуманными намерениями.

— Вы полагаете, что идет к этому?

Он был в исключительно веселом, добродушном настроении.

— Мой дорогой Ватсон, дайте только доем четвертое яйцо, и я изложу вам положение дел на данный момент. Не хочу сказать, что мы разобрались во всем полностью, до этого еще далеко, но когда удастся найти вторую гантель…

— Гантель?!

— Господи, Ватсон, неужели вы до сих пор не поняли, что решающим обстоятельством во всем этом деле является недостающая гантель? Ну,

ну, не огорчайтесь, ведь, между нами говоря, по-моему, ни инспектор Мак, ни местное светило криминалистики так еще и не осознали роль этой маленькой подробности. Одна гантель, Ватсон! Представляете себе упражнения с одной гантелью? Какие из этого могут последовать неприятности: одностороннее развитие мускулатуры, опасность искривления позвоночника. Ужасно, Ватсон, просто кошмар какой-то!

Холмс жевал поджаренный хлебец и с озорным блеском в глазах поглядывал на меня, упиваясь моим недоумением. Когда он ест с таким аппетитом, это означает, что он уверен в успехе.

Наконец Холмс закурил трубку и, усевшись у камина, стал не спеша рассказывать; это был даже не связный продуманный рассказ, а просто отдельные мысли вслух, предназначенные не столько слушателю, сколько самому себе.

— Ложь, Ватсон, полнейшая, вопиющая, бессовестная ложь — вот с чем мы сталкиваемся прямо на пороге. С этого надо начать. Все, что рассказал нам Баркер, — ложь. Но его показания подтверждает миссис Дуглас. Стало быть, она тоже лжет. Оба лгут, и притом согласованно. Встает вопрос: почему они лгут и какова правда, которую они скрывают? Давайте, Ватсон, попытаемся вместе

восстановить истину.

Откуда я знаю, что они лгут? Да ведь это очевидно, нам предлагается выдумка, шитая белыми нитками. Судите сами. Согласно их показаниям, в распоряжении убийцы была минута от силы, чтобы снять с пальца жертвы обручальное кольцо, поверх которого Дуглас носил еще перстень, потом надеть перстень обратно — зачем? — да еще положить рядом какую-то странную карточку. Я утверждаю, что все это невыполнимо.

Вы, быть может, захотите возразить, — хотя едва ли, я слишком высокого мнения о вашем уме, — что кольцо могло быть снято до того, как совершилось убийство. Свеча, как мы видели, горела совсем недолго, и значит, разговор был краток. Но Дуглас, насколько можно судить по отзывам, был далеко не такой человек, чтобы покорно расстаться со своим обручальным кольцом. Да и вообще, можно ли представить, чтобы он сам его отдал? Нет, нет, Ватсон, преступник довольно долго был наедине с убитым при свете зажженной лампы. На этот счет у меня нет ни малейших сомнений.

Однако смерть наступила от выстрела из дробовика. Следовательно, стреляли раньше, чем нам говорят. Но ошибиться тут невозможно. И стало

быть, мы имеем дело с заведомым сговором между двумя людьми, слышавшими выстрел, то есть между мужчиной Баркером и женщиной Дуглас. А если вдобавок я смогу доказать, что кровавый отпечаток на подоконнике оставлен Баркером с целью навести на ложный след полицию, согласитесь, что против него оказываются довольно весомые инкриминирующие факты.

Теперь спросим себя, когда же на самом деле совершилось убийство? До половины одиннадцатого слуги находились на господской половине, так что не раньше этого времени. Без четверти одиннадцать все ушли спать, за исключением Эймса, который находился в буфетной. Я после вашего ухода провел ряд экспериментов и убедился, что, как бы ни шумел в кабинете Макдоналд, мне за закрытой дверью буфетной ничего слышно не было.

Иное дело — комната экономки. Она находится недалеко от холла, и когда в кабинете громко крикнули, до меня донесся неясный голос. Звук выстрела становится глуше, если стреляют с близкого расстояния, как и было, без сомнения, в данном случае. Среди ночной тишины он должен был бы проникнуть в комнату миссис Аллен. Она, правда, по ее собственному признанию, глухова-

та, тем не менее она показала, что за полчаса до тревоги слышала звук, похожий на захлопнувшуюся дверь. За полчаса до тревоги — это и будет без четверти одиннадцать. Я совершенно убежден, что миссис Аллен слышала именно выстрел и это и есть истинное время убийства.

В таком случае нам надо установить, что делали Баркер и миссис Дуглас, при условии, что они не являются убийцами, в промежуток между десятью сорока пятью, когда спустились вниз на звук выстрела, и одиннадцатью пятнадцатью, когда позвонили и созвали слуг. Чем они были заняты и почему не позвонили сразу? Вот вопрос, стоящий перед нами; и когда мы дадим на него ответ, мы, безусловно, сделаем значительный шаг вперед к разгадке этой истории.

— Я и сам не сомневаюсь, что между этими людьми имеется определенное взаимопонимание, — сказал я. — Какой же надо быть бессердечной женщиной, чтобы через каких-нибудь несколько часов после убийства мужа слушать шуточки и смеяться!

— Вот именно. Она не выглядит образцовой женой. Как вы знаете, Ватсон, я не особенный поклонник женского пола, но мой жизненный опыт говорит, что редкая женщина позволила

бы словам другого мужчины встать между нею и мертвым телом мужа. И вздумай я когда-нибудь жениться, Ватсон, льщу себя надеждой, что сумел бы внушить моей жене довольно чувства, чтобы никакая экономка не увела бы ее прочь от моего распростертого за дверью трупа. Весь спектакль поставлен из рук вон плохо; самый тупой следователь не мог бы не обратить внимание на то, что в доме не слышно обычных звуков женского плача. Уже одного этого, на мой взгляд, довольно, чтобы заподозрить тайный сговор.

— Значит, вы полагаете, в убийстве повинны Баркер и миссис Дуглас?

— Какие невероятно прямолинейные вопросы вы задаете, Ватсон! — Холмс укоризненно покачал трубкой. — Они бьют навылет, как пули. Если бы вы спросили, считаю ли я, что миссис Дуглас и Баркер знают правду об убийстве и стараются ее скрыть, я бы без колебаний ответил: да. А вот насчет того, что вы предположили, у меня такой ясности нету. Давайте для начала рассмотрим трудности, с которыми мы сталкиваемся.

Предположим, что этих двоих людей связывает любовь и они надумали избавиться от того, кто стоит между ними. Предположение более чем смелое, так как осторожные расспросы слуг и зна-

комых этого отнюдь не подтверждают. Напротив, есть много свидетельств тому, что Дугласы были очень привязаны друг к другу.

— Этого не может быть, — возразил я: у меня перед глазами все еще стояло красивое смеющееся женское лицо.

— Ну, во всяком случае, они производили такое впечатление. Но допустим, что они чрезвычайно хитроумные любовники и сумели всех ввести в заблуждение, а сами решили убить мужа. Ему как раз угрожала какая-то опасность…

— Это мы знаем только с их слов.

Холмс задумался.

— Понимаю вас, Ватсон. Вы хотите построить теорию, по которой все, что они рассказывали, неправда. По вашей версии, не было ни скрытой угрозы, ни тайной организации, ни Долины страха, ни босса Мак-как-его-там, вообще ничего. Что ж, неплохой обобщающий прием. Посмотрим, к чему он нас приведет. Они это все придумали для объяснения убийства. И чтобы придать своему вымыслу правдоподобие, подбросили велосипед в парке в доказательство того, что в деле действительно замешан посторонний человек. Кровавое пятно на подоконнике свидетельствует о том же. И возле трупа карточка с непонятной надписью,

возможно изготовленная в доме. Все это согласуется с вашей гипотезой, Ватсон. Но дальше мы наталкиваемся на досадные упрямые подробности, которые никак не укладываются в эту картину. Зачем изо всех видов оружия — именно дробовик со спиленными стволами? Да еще американский? Как могли они быть уверены, что громкий выстрел не привлечет кого-нибудь из домашних? Ведь чистая случайность, что миссис Аллен не вышла узнать, кто это хлопнул дверью. Зачем вашей преступной паре понадобилось все это, Ватсон?

— Признаюсь, ответа я не знаю.

— Или вот еще. Если женщина и ее любовник, сговорившись, убивают мужа, станут ли они афишировать свою вину, демонстративно снимая с руки убитого обручальное кольцо? Вам это представляется правдоподобным, Ватсон?

— Нет.

— И еще. Если мысль о спрятанном в кустах велосипеде пришла в голову вам, значит, не имело смысла его там оставлять, любой самый тупоумный сыщик сообразит, что это сделано для отвода глаз.

— Вы совершенно правы, в этом не было смысла.

— Однако в любой последовательности событий должен быть какой-то смысл. Конечно, могут быть версии, высосанные из пальца, но разве свободный вымысел не рождает сплошь и рядом верное решение? Итак, предположим, что в жизни Дугласа была прискорбная, даже позорная тайна, из-за которой он и был убит неким мстителем, забравшимся в дом. По какой-то причине, какой именно, я, честно признаться, пока еще не понимаю, мститель забирает у своей жертвы обручальное кольцо. Может быть, он сводил с ним счеты, восходящие ко времени его первой женитьбы, и в связи с этим и взял кольцо.

Баркер и жена Дугласа прибегают в кабинет и застают там убийцу. Но ему удается их убедить, что любая попытка задержать его приведет к обнародованию неких отвратительных подробностей из жизни его жертвы. Они решают, что он прав, и позволяют ему уйти. С этой целью они, возможно, спустили, а потом снова подняли мост — ведь это делается совершенно бесшумно. Он уходит, но из каких-то соображений принимает решение пробираться дальше пешком, а не ехать на велосипеде. Свой велосипед он оставляет в кустах, чтобы его нашли не сразу, а только когда он будет уже далеко отсюда. До сих пор все в гра-

ницах возможного, не так ли, Ватсон?

— Д-да, безусловно, — согласился я.

— Надо постоянно держать в уме, что происшествие в Мэнор-хаусе — а что именно там произошло, мы до сих пор не знаем — было из ряда вон выходящим. Продолжая строить нашу гипотезу, предположим далее, что Баркер и миссис Дуглас — пара, кстати, не обязательно преступная — после ухода убийцы спохватываются, что оказались в положении, когда им нелегко будет доказать собственную невиновность. И чтобы обезопасить себя, принимают поспешные и довольно неудачные меры. Оставляют на подоконнике кровавый отпечаток туфли Баркера — в знак того, что преступник бежал этим путем. Они слышали выстрел; и они поднимают тревогу, но спустя полчаса после убийства.

— И каким же образом вы намерены все это доказать?

— Во-первых, если действительно убийцей был посторонний человек, а не кто-то из домашних, его можно будет выследить и арестовать. Это было бы самым убедительным доказательством. Ну, а если нет… что ж, возможности науки еще далеко не исчерпаны. Полагаю, вечер, проведенный в одиночестве на месте преступления, значитель-

но приблизит меня к решению загадки.

— Вечер в одиночестве!

— Я намерен отправиться туда прямо сейчас. Я уже обо всем договорился с достопочтенным Эймсом, у которого, между прочим, есть сомнения относительно Баркера. Проведу вечер в кабинете, посмотрим, не подействует ли его атмосфера на мои умственные способности. Уверен, духи места сего принесут мне озарение. Вы улыбаетесь, друг Ватсон? Что ж, посмотрим. Кстати, у вас при себе ваш большой зонт?

— Да, он здесь.

— Я позаимствую его у вас, если можно.

— Разумеется. Но разве это оружие? Если существует опасность…

— Ничего серьезного, мой дорогой Ватсон, иначе я бы безусловно просил вас о помощи. Но зонт я захвачу. В данную минуту я только жду возвращения наших друзей из Танбридж-Уэллса, куда они отправились, чтобы узнать, кому принадлежал найденный велосипед.

Инспектор Макдоналд и Уайт-Мейсон приехали уже затемно, но зато торжествуя: им удалось значительно продвинуть расследование.

— Я, признаться, сомневался, что в деле участвовал посторонний человек, — взволнованно

сказал Макдоналд. — Но теперь сомнений нет. Владелец велосипеда найден, и получен словесный портрет того, кого мы ищем! Это большой шаг вперед в нашем деле.

— Пожалуй, это уже начало конца, — подтвердил Холмс. — От души вас поздравляю.

— Я взял за точку отправления тот факт, что мистер Дуглас казался встревоженным с позавчерашнего дня, когда ездил в Танбридж-Уэллс. То есть он именно в Танбридж-Уэллсе узнал об угрожающей ему опасности. Ясно, что если какой-то человек приехал в Берлстоун на велосипеде, то приехал он из Танбридж-Уэллса. Мы прихватили с собой велосипед и принялись обходить все городские гостиницы. И управляющий гостиницы «Игл коммершиал» сразу же его признал. По его словам, велосипед принадлежит человеку по фамилии Харгрейв, который останавливался у них два дня назад. У него всех пожитков только и было что велосипед и небольшой саквояж. В регистрационной книге он записал, что прибыл из Лондона, но адреса не дал. Саквояж лондонского производства, и содержимое — английское, но сам этот человек явно американец.

— Ну-с, вижу, вы прекрасно поработали, пока я тут сидел с другом и строил теории! — радостно

воскликнул Холмс. — Вот что значит быть человеком действия, мистер Мак.

— Да уж, что верно то верно, мистер Холмс, — самодовольно отозвался инспектор.

— Но ведь все это укладывается в ваши теории, — вмешался я.

— Посмотрим, посмотрим. Рассказывайте дальше, мистер Мак. Не удалось ли выяснить, кто такой этот Харгрейв?

— Сведений так мало, что сразу видно, он всячески старался остаться инкогнито. Никаких бумаг или писем, никаких меток на одежде. На столике в его номере лежала развернутая велосипедная карта графства. Он выехал на велосипеде вчера утром после завтрака, и с тех пор о нем ни слуху ни духу.

— Это меня и удивляет, мистер Холмс, — заметил Уайт-Мейсон. — Если бы этот субъект хотел избежать огласки, ему надо было спокойно вернуться в гостиницу и сидеть тихо, изображая безобидного туриста. Он же понимал, что управляющий сообщит о его исчезновении в полицию и там заподозрят неладное.

— Да, казалось бы. Впрочем, его действия до сих пор, по крайней мере, себя оправдывали, ведь он все еще не задержан. А его словесный портрет?

Как он выглядел?

Макдоналд заглянул в записную книжку.

— В гостинице, похоже, к нему особенно не приглядывались. Однако швейцар, регистратор и горничная — все сходятся на том, что это мужчина лет пятидесяти, небольшого, пяти футов девяти дюймов или около того роста, волосы и усы с проседью, нос крючковатый, а выражение лица, по общему мнению, злобное и неприятное.

— Гм, если исключить выражение лица, в остальном получается очень похоже на самого Дугласа, — заметил Холмс. — Мужчина за пятьдесят, волосы и усы с проседью, и рост примерно такой же. Больше ничего?

— Был одет в плотный серый костюм и рыжее пальто, на голове мягкая кепка.

— А как насчет дробовика?

— Дробовик имеет меньше двух футов в длину. Приезжий вполне мог носить его в саквояже. Или даже за пазухой, под пальто.

— И какой свет, по вашему мнению, это проливает на убийство?

— Ну, знаете ли, мистер Холмс, — ответил Макдоналд. — Вот изловим его — в этом можете не сомневаться, я как получил словесный портрет, сразу же телеграфировал во всех направлениях,

— тогда и разберемся. Хотя и сейчас мы уже продвинулись довольно далеко. Известно, что два дня назад в Танбридж-Уэллс прибыл американец, назвавшийся Харгрейвом и имевший при себе велосипед и саквояж. В саквояже, по-видимому, лежал обрез; а из этого следует, что он приехал с целью убийства. Вчера утром он на велосипеде отправился к месту преступления, спрятав обрез под пальто. По пути в Мэнор-хаус его никто не заметил, но он мог ехать не через деревню, а по шоссе. В парке он первым делом спрятал велосипед в кустах, где таковой и был впоследствии обнаружен, и возможно, что и сам там затаился и вел наблюдение за домом, выжидая, когда мистер Дуглас выйдет в парк. Обрез — малоподходящее оружие для помещения, вероятно, убийца намеревался стрелять не в доме, где обрез в этом случае дает ряд преимуществ: из него не промахнешься, а выстрелы в охотничьих угодьях Англии — вещь самая обычная, никто и ухом не поведет.

— Ясно как день, — кивнул Холмс.

— Но мистер Дуглас так и не появился. Что делать? Убийца оставил велосипед в кустах и в сгущающихся сумерках приблизился к дому. Мост оказался опущен, вокруг ни души. Он решает рискнуть и войти в дом, придумав подходящий

предлог на случай, если попадется кому-нибудь на глаза. Но не попался. Нырнув в первую же дверь, он спрятался за портьерой и видел в окно, как подняли мост. Теперь у него оставался единственный путь к бегству — вброд через ров. Так он простоял до четверти двенадцатого, когда в комнату, это был кабинет, вошел мистер Дуглас. Убийца застрелил его и бежал. Сообразив, что велосипед многие видели и по нему его легко выследить, он оставляет его в кустах и каким-то иным способом добирается до Лондона или другого места, где у него уже было приготовлено укрытие. Ну, что вы на это скажете, мистер Холмс?

— Превосходно, мистер Мак. И вполне логично. Все вяжется с вашей версией. Однако я утверждаю, что преступление было совершено на полчаса раньше, чем показывают свидетели; миссис Дуглас и Баркер, по взаимному уговору, что-то скрывают; они помогли убийце скрыться, во всяком случае они вошли в кабинет, когда он еще находился там, и придали комнате такой вид, как будто он бежал через окно, между тем как в действительности они сами его выпустили, опустив мост. Вот так мне рисуется первая половина этого дела.

Оба полицейских покачали головами.

— Знаете ли, мистер Холмс, если правда такова, как вы говорите, то мы вместо одной загадки получили другую, — сказал инспектор.

— И притом более сложную, — добавил Уайт-Мейсон. — Миссис Дуглас никогда не была в Америке. Что же могло ее связывать с американским киллером?

— Вопросы, бесспорно, имеются, не отрицаю, — сказал Холмс. — Сегодня ночью я проведу эксперимент, и возможно мне удастся внести свой вклад в общее дело.

— Не можем ли мы быть вам полезны, мистер Холмс?

— Нет, нет! Темнота и зонт доктора Ватсона — больше мне ничего не нужно. И Эймс, верный Эймс, надеюсь, сделает для меня некоторые послабления. Признаюсь, я все время задаюсь одним и тем же вопросом: почему сильный, атлетически сложенный мужчина развивал свою мускулатуру с помощью такого противоестественного спортивного снаряда, как одна гантель?

Холмс возвратился со своего одинокого предприятия поздно вечером. Мы остановились в двухместном номере, лучшем в деревенской гостинице. К тому времени, когда он пришел, я уже

спал и с трудом проснулся.

— Ну как, Холмс, — пробормотал я сквозь сон, — обнаружили что-нибудь?

Он молча стоял надо мною со свечой в руке. Затем его долговязая фигура нагнулась ко мне, и я услышал шепот:

— Ватсон, вы не боитесь спать в одной комнате с умалишенным, с человеком, у которого размягчение мозгов, с идиотом, который ничего не соображает?

— Нисколько, — ответил я, окончательно пробудившись.

— Ну и слава богу, — проговорил Холмс; и больше в ту ночь меж нами не было сказано ни слова.

Глава 7
Разгадка

На следующее утро после завтрака мы застали инспектора Макдоналда и Уайт-Мейсона в тесном кабинете местного полицейского сержанта. Перед ними лежала груда писем и телеграмм, которые они сортировали. Три листка уже были отложены в сторону.

— Все выслеживаете неуловимого велосипедиста? — весело поинтересовался Холмс. — Каковы последние сведения?

Макдоналд сокрушенно указал на груду корреспонденции.

— Поступили сообщения, что его сегодня видели в Лестере, Ноттингеме, Саутгемптоне, Дерби, Ист-Хэме, Ричмонде и еще в четырнадцати разных местах. В трех из них — Ист-Хэме, Лестере и Ливерпуле — его даже задержали. Страна кишмя кишит беглецами в рыжих пальто.

— Ай-ай-ай, — сочувственно покачал головой Холмс. — А теперь, мистер Мак и мистер Уайт-Мейсон, я хочу дать вам совет. Соглашаясь присоединиться к вашему расследованию, я, если помните, оговорил себе право не делиться с

вами недоказанными версиями и разрабатывать свои идеи самостоятельно, до тех пор пока не удостоверюсь, что они верны. С другой стороны, я обещал, что буду вести честную игру, и мне думается, что нечестно стоять и смотреть, как вы тратите время и энергию на бесполезное занятие. В силу всего вышесказанного я пришел сюда к вам с советом — прекратите расследование.

Макдоналд и Уайт-Мейсон, выпучив глаза, недоуменно смотрели на своего знаменитого коллегу.

— Вы полагаете, что дело безнадежно?! — воскликнул инспектор.

— Я полагаю, что вы ничего не выясните. Но вовсе не считаю, что выяснить правду вообще невозможно.

— Но как же велосипедист? Он не выдуман. Мы располагаем его описанием. Что нам помешает его арестовать?

— Да, да, конечно. Он где-то существует, и мы его рано или поздно найдем. Но я не хочу, чтобы вы понапрасну тратили силы в Ист-Хэме или Ливерпуле. Уверен, есть более прямой путь к разгадке тайны.

— Вы чего-то недоговариваете, мистер Холмс. Это нечестно, — обиженно сказал инспектор.

— Вы ведь знаете мои методы, мистер Мак. Но я вам все открою при первой же возможности. Мне осталось удостовериться в своей правоте, и я передам доказательства в полное ваше распоряжение. Я слишком вам обязан и не мог бы поступить иначе, ибо за все годы работы не встречал дела интереснее.

— Это выше моего разумения, мистер Холмс. Мы виделись с вами вчера вечером, когда приехали из Танбридж-Уэллса, и вы тогда были в общем и целом согласны с нашими выводами. Что же такого произошло за ночь, от чего ваши взгляды полностью изменились?

— Что ж, могу ответить: минувшей ночью я провел несколько часов в Мэнор-хаусе.

— Ну и что там произошло?

— На этот вопрос я пока могу вам ответить лишь в самой общей форме. Кстати, я прочел краткий, но очень поучительный рассказ о старом «барском доме», приобретя его в местном табачном киоске за вполне умеренную цену в один пенс.

Холмс вынул из нагрудного кармана буклетик, украшенный скверной гравюрой с изображением Мэнор-хауса.

— Познакомиться с окружающей исторической

атмосферой, мой дорогой мистер Мак, иногда весьма полезно для следователя. Не раздражайтесь; уверяю вас, даже столь примитивный рассказ дает представление о том, что́ здесь было когда-то. Вот, к примеру. «Возведенный в пятый год царствования короля Якова I на месте еще гораздо более древнего строения Мэнор-хаус в Берлстоуне представляет собой один из прекрасно сохранившихся образчиков жилой архитектуры первой половины XVII века…»

— Вы потешаетесь над нами, мистер Холмс!

— Вот так так, мистер Мак! Впервые наблюдаю вас в раздражении. Ну хорошо, не буду читать все подряд, раз это вас так сердит. Упомяну только, что в 1644 году дом был захвачен парламентским отрядом во главе с полковником, что во время Гражданской войны в нем несколько дней скрывался Карл и что позднее усадьбу посетил второй из Георгов, и, полагаю, вы согласитесь, что с этим старинным зданием связаны некоторые весьма интересные обстоятельства.

— Несомненно, мистер Холмс. Но к нашему делу это не имеет никакого отношения.

— Отнюдь. Широта взгляда, дорогой мистер Мак, является одним из важнейших требований нашей профессии. Ассоциации идей, использова-

ние посторонних, казалось бы, сведений иногда бывают крайне полезны. Вы извините эти речи, их говорит человек, который, являясь всего лишь криминалистом-любителем, однако же превосходит вас годами, а возможно, и опытом.

— Что я первый признаю! — горячо подхватил инспектор. — Вы подходите к сути дела, понимаю. Но уж очень кружным путем.

— Ну ладно, оставим историю и перейдем к фактам. Как я уже упоминал, минувшей ночью я побывал в Мэнор-хаусе. Ни с Баркером, ни с миссис Дуглас я там не виделся. Не было необходимости их тревожить. Но я рад был узнать, что хозяйка дома не чахнет с горя и пообедала с аппетитом. Визит я нанес не ей, а почтенному мистеру Эймсу. Мы обменялись любезностями, и я, с его согласия, не испрашивая более ничьего одобрения, провел некоторое время один в кабинете.

— Что? Подле трупа? — воскликнул я.

— Нет, нет, там уже все приведено в нормальный вид. Я ведь получил ваше разрешение, мистер Мак. Комната в полном порядке, и я с большой пользой провел в ней четверть часа.

— Чем же вы там занимались?

— Чтобы не делать тайны из такого простого дела, отвечу: я искал недостающую гантель. Я все

время считал, что она имеет большое значение. И в конце концов я нашел ее.

— Где?

— Тут мы подходим к области недоказуемого. Еще минута — и обещаю, вы узнаете все, что известно мне.

— Что ж, мы вынуждены принять ваши условия, мистер Холмс, — отозвался инспектор. — Но когда вы заявляете, что следует прекратить расследование… Почему, скажите на милость, почему нам надо его прекращать?

— По той простой причине, мой дорогой, что вы не имеете ни малейшего представления о том, что́ именно расследуете.

— Мы расследуем убийство мистера Джона Дугласа, проживавшего в берлстоунском Мэнор-хаусе.

— Да, да, совершенно верно. Но не трудитесь искать неизвестного на велосипеде. Заверяю вас, он вам не поможет.

— А что же, по-вашему, надо делать?

— Отвечу, что вам следует делать, если вы согласитесь исполнить то, что я скажу.

— Должен признать, за всеми вашими странностями я всегда обнаруживал некий резон. Поэтому я согласен.

— А вы, мистер Уайт-Мейсон?

Деревенский детектив растерянно переводил взгляд с одного на другого.

— Ну, если инспектор находит подобную просьбу уместной, то и я не против, — ответил он наконец.

— Отлично! — сказал Холмс. — В таком случае предлагаю вам обоим прогуляться по свежему деревенскому воздуху. Говорят, вид на Уилд с вершины Берлстоунской гряды необыкновенно живописен. Пообедать можно будет в каком-нибудь придорожном заведении, хотя, не зная местности, не берусь порекомендовать вам, в каком именно. А вечером, усталые, но довольные…

— Шутить изволите! — воскликнул Макдоналд, вскакивая.

— Ладно, ладно, проведите день, как захотите, — сказал Холмс, миролюбиво похлопывая его по плечу. — Займитесь чем угодно, но вечером, перед тем как стемнеет, обязательно разыщите меня. Слышите, мистер Мак, — обязательно!

— Это уже меньше походит на бред сумасшедшего.

— Я дал вам отличный совет. Но настаивать не буду, лишь бы вы оказались на месте, когда будете мне нужны. А теперь, прежде чем мы

расстанемся, я хочу, чтобы вы написали записку мистеру Баркеру.

— Что писать?

— Я продиктую, если угодно. Готовы? «Дорогой сэр! Мне пришло в голову, что долг велит нам осушить ров в надежде на то, что…»

— Это невозможно, — возразил инспектор. — Я выяснял…

— Но, но, прошу вас, дорогой сэр, делайте, что я говорю.

— Ладно. Диктуйте дальше.

— «…в надежде на то, что отыщется что-нибудь имеющее касательство к нашему расследованию. Я обо всем договорился, завтра с утра явятся рабочие и приступят к работе по отводу ручья…»

— Немыслимо!

— «…по отводу ручья. Я решил предупредить вас заблаговременно». Теперь подпишитесь, и пусть это кто-нибудь доставит адресату около четырех. Мы же в это время сойдемся снова здесь. А до той поры каждый может делать, что хочет, ибо, уверяю вас, расследование замерло в решающей точке.

Уже вечерело, когда мы снова собрались все вместе. Холмс был серьезен, я сгорал от любопытства, вид обоих детективов выражал недоверчи-

вость и недовольство.

— Итак, джентльмены, — торжественно проговорил мой друг, — прошу вас теперь вместе со мной решить, обоснованны ли выводы, к которым я пришел. Вечер холодный, сколько продлится наша прогулка, сказать трудно; поэтому рекомендую всем одеться потеплее. Чрезвычайно важно, чтобы мы были на месте до того, как окончательно стемнеет. Так что, с вашего разрешения, выходим немедленно.

Мы дошли вдоль наружной ограды парка до того места, где в ограде оказался пролом. Здесь мы по очереди пролезли в парк и в сгущающейся темноте побрели вслед за Холмсом. Он привел нас к кустам прямо напротив входной двери Мэнорхауса и подъемного моста. Мост был опущен. Холмс присел на корточки за лавровым кустом; мы последовали его примеру.

— Ну, а теперь что? — ворчливым тоном спросил Макдоналд.

— Наберитесь терпения и постарайтесь не шуметь, — усмехнулся Холмс. — Ватсон утверждает, что я театральный режиссер реальной жизни. Во мне и вправду есть известная склонность к искусству и тяга к хорошо срежиссированным спектаклям. Согласитесь, мистер Мак, наша

профессия была бы скучной и унылой, не прибегай мы иногда к театральным эффектам при демонстрации наших достижений. Скупо сформулированное обвинение, небрежный шлепок по плечу арестованного — какая обидно плоская развязка! И наоборот, молниеносный проблеск мысли, хитрая ловушка, торжество самых смелых гипотез — разве не в этом гордость и оправдание нашего дела? В данный момент вы охвачены дрожью предвкушения, восторгом охотника. А испытали бы вы этот восторг, будь я точен и прозаичен, как расписание поездов? Немного терпения, мистер Мак, и вам все станет ясно.

— Что ж, будем надеяться, что торжество, гордость, оправдание и все прочее явятся до того, как мы окоченеем от холода, — с комической покорностью произнес лондонский детектив-инспектор.

И все мы мысленно с ним согласились: караулить пришлось долго, и холод был нешуточный. Пелена ночи медленно затягивала фасад старого дома. Из рва тянуло холодной гнилью. У нас уже зуб на зуб не попадал. Над подъездом горел фонарь, в окне кабинета виднелась зажженная лампа. Все остальное было темно и недвижно.

— Сколько нам еще тут сидеть? — не выдержал

наконец инспектор. — И вообще, чего мы ждем?

— Как долго это продлится, мне известно не лучше, чем вам, — не без раздражения отозвался Холмс. — Если бы преступники в своих действиях придерживались строгого расписания, это, несомненно, было бы удобнее. А чего мы ждем?.. Вот чего!

В эту минуту желтая лампа в кабинете вдруг померкла и тут же снова засияла, как если бы кто-то на мгновение заслонил ее. Окно, скрежеща петлями, отворилось, и мы увидели очертания мужской головы. Несколько минут мужчина настороженно вглядывался в темноту, словно желая удостовериться, что его никто не видит. Затем наклонился, и в ночной тишине послышался слабый всплеск. Судя по всему, человек шарил по дну рва каким-то предметом, который был у него в руке. В конце концов он рывком, точно удильщик, подцепивший рыбу, вытащил из воды какой-то довольно большой круглый предмет и втащил его в окно.

— Ну! — крикнул Холмс. — Вперед!

Мы вскочили и, ковыляя на застывших ногах, побежали вслед за Холмсом, который лихо промчался по мосту и зазвонил в колокольчик над дверью. Раздался звук отодвигаемых засовов, на

пороге возник недоумевающий Эймс. Холмс, не говоря ни слова, отстранил его, и мы вбежали в кабинет, где только что видели человека.

Желтым светом, который мы наблюдали снаружи, сияла настольная лампа, шагнув нам навстречу, ее поднял над головой Сесил Баркер. Она осветила грозный взгляд и твердые, решительные черты его бритого лица.

— Что это все значит, черт возьми? — громко воскликнул он. — Что вам здесь нужно?

Холмс быстро обвел глазами комнату и сразу подскочил к завязанному веревкой мокрому мешку, засунутому впопыхах под письменный стол.

— Вот это, мистер Баркер, этот узел с гантелью, который вы только что выудили со дна.

Баркер с изумлением уставился на Холмса.

— Откуда, черт подери, вам об этом известно?

— Оттуда, что я сам его здесь затопил.

— Вы? Вы затопили?

— Правильнее, наверно, было бы сказать подменил, — пояснил Холмс. — Вы ведь помните, инспектор, я с самого начала обратил внимание на отсутствие второй гантели. Но среди прочих дел вам было недосуг уделить этому внимание. Когда поблизости вода и отсутствует тяжелый

предмет, само собой напрашивается предположение, что здесь что-то было брошено в воду. Предположение достаточно правдоподобное и заслуживающее проверки. И вот, с помощью Эймса, который впустил меня в комнату, и ручки зонта, принадлежащего Ватсону, я накануне ночью выудил этот мешок и изучил его содержимое. Оставалось выяснить, кто его туда забросил. Было объявлено, что утром вода во рву будет спущена, и, как я и предполагал, тот, кто запрятал узел, поспешит, как только стемнеет, достать его оттуда. У нас по меньшей мере четыре свидетеля, видевших, кто именно воспользовался этой возможностью, так что, мистер Баркер, теперь слово за вами.

Шерлок Холмс положил мокрый мешок на стол под лампу и развязал веревку. Оттуда он извлек гантель, которую кинул в угол. Затем сапоги. «Американские, как видите», — Холмс указал на их носы. Следом за сапогами он выложил на стол устрашающе длинный нож в ножнах. И наконец достал свернутую в узел одежду: нижнее белье, носки, серый твидовый костюм и короткое рыжее пальто.

— Вещи вполне обычные, — заметил Холмс, — если не считать пальто, имеющее ряд инте-

ресных особенностей. — Он бережно поднял его к свету. — Вот, обратите внимание, внутренний карман удлинен таким образом, чтобы там свободно мог поместиться дробовик с отпиленным стволом. Под воротником ярлык с именем портного — «Нийл, мужская одежда, Вермисса, США». Я провел плодотворные полчаса в библиотеке местного священника и обогатил свои познания, выяснив, что Вермисса — небольшой процветающий поселок в одной из самых богатых углем и железной рудой долин Соединенных Штатов. Помнится, мистер Баркер, вы в своем рассказе как-то связывали угледобывающие области с первой женой мистера Дугласа, и поэтому вполне правдоподобным представляется, что буквы Д. В. на визитной карточке, найденной рядом с телом убитого, означают «Долина Вермиссы» и что эта долина, присылающая к нам своих убийц, и есть та самая Долина страха, о которой мы тут слышали. До сих пор все более или менее ясно. А теперь, мистер Баркер, не буду больше мешать вашему объяснению.

Потрясающе интересно было наблюдать за лицом Сесила Баркера, слушающего разъяснения великого детектива. Выражение гнева, удивления, испуга и нерешительности сменяли друг

друга с поразительной быстротой. В конце концов он укрылся за язвительной иронией.

— Вам так много известно, мистер Холмс, — усмехнулся он. — Может быть, расскажете еще что-нибудь?

— Несомненно я могу еще многое рассказать, мистер Баркер. Но уместнее было бы услышать все это из ваших уст.

— Вы так полагаете? Ну так вот, могу лишь сказать, что секрет, если здесь имеется секрет, принадлежит не мне, и не мне его выдавать.

— Если вы избираете такую линию, мистер Баркер, — тихо проговорил инспектор, — нам придется не спускать с вас глаз, пока не будет получен ордер на ваш арест.

— Можете, черт возьми, поступать, как вам заблагорассудится, — с вызовом ответил Баркер.

Было очевидно, что на этом можно поставить точку. Вид его каменного лица достаточно ясно свидетельствовал о том, что против воли его не заставит говорить peine forte et dure[5]. Выход из тупика предложил женский голос: миссис Дуглас, оказывается, слушала у приоткрытой двери. Теперь же она вошла и сказала:

---

[5] Примечания: 5
Никакое суровое наказание (франц.; прим. перев.).

— Довольно, Сесил, вы сделали все возможное. Как бы дело ни обернулось дальше, вы сделали достаточно.

— Достаточно и даже более чем достаточно, — мрачно кивнул Шерлок Холмс. — Всей душой сочувствую вам, мадам. И настоятельно советую вам поверить в разумность наших законов и добровольно открыться полиции. Должно быть, я сам виноват, что не воспользовался вашим намеком, переданным мне моим другом Ватсоном, но тогда у меня были все основания считать вас непосредственно замешанной в преступлении. Однако теперь я уверен, что это не так. Но многое еще остается неразъясненным, и я настоятельно рекомендую вам попросить мистера Дугласа, чтобы он сам все рассказал.

При этих словах Холмса миссис Дуглас издала возглас изумления, и мы с полицейскими тоже, так как в ту же минуту увидели в затемненном углу комнаты мужчину, вышедшего словно бы из стены и теперь шагнувшего на свет. Миссис Дуглас обернулась, и в следующее мгновение ее руки обвились вокруг его шеи. Баркер схватил его протянутую руку.

— Так будет лучше всего, Джек, — говорила его жена. — Я уверена, ты сам в этом убедишься.

— Да, да, мистер Дуглас, — подхватил Шерлок Холмс. — Вы несомненно убедитесь в этом.

Незнакомец смотрел на нас, растерянно моргая, что, врочем, естественно для человека, вышедшего из темноты на свет. У него было замечательное лицо: смелые серые глаза, густые коротко подстриженные седеющие усы, выступающий квадратный подбородок и улыбчивые губы. Он внимательно оглядел всех присутствующих, а затем, к великому моему изумлению, подошел ко мне и протянул какую-то тетрадь.

— Я слышал о вас, — сказал он. Выговор у него был не совсем английский и не совсем американский, но мягкий и приятный. — Вы у них за историка. Так вот, доктор Ватсон, у вас в руках никогда еще не было такой занимательной истории, готов поставить последний доллар, что это так. Изложите ее на свой лад; с такими фактами успех у публики обеспечен. Я просидел взаперти двое суток и при дневном свете, сколько его проникало в ту нору, записал, как все было. Записи к вашим услугам, вашим и ваших читателей. Вот вам история Долины страха.

— Но это дела прошлые, мистер Дуглас, — тихо сказал Шерлок Холмс. — А нас сейчас интересуют дела нынешние.

— Вы их узнаете, сэр, — ответил Дуглас. — Можно мне курить, пока буду рассказывать? Спасибо, мистер Холмс. Вы ведь и сами курящий, насколько я помню, вам понятно, каково это — сидеть двое суток с табаком в кармане, опасаясь выдать себя дымом. — Он облокотился о каминную полку и жадно затянулся сигарой, которой угостил его Холмс. — Я слыхал о вас, мистер Холмс. Но не предполагал, что доведется лично познакомиться. Можете мне поверить, прежде чем вы дочитаете эти записи, — он кивнул на тетрадь у меня в руке, — вы убедитесь, что о подобном еще никто не писал.

Инспектор Макдоналд смотрел на него с величайшим недоумением.

— Ну, знаете, ума не приложу, что же это получается, — произнес он наконец. — Ежели вы и есть мистер Джон Дуглас из Мэнор-хауса, что в Берлстоуне, то чью же смерть мы тут двое суток расследуем? И откуда вы вдруг взялись? Словно из-под пола выскочили, прямо как черт из табакерки.

— Ах, мистер Мак, — укоризненно произнес Холмс и погрозил ему пальцем. — Не захотели вы читать превосходное описание тайника, где прятался король Карл. В те годы люди если уж

прятались, то в таких местах, где все было надежно устроено заранее, а там, где прятались когда-то, можно спрятаться снова. Я-то сам не сомневался, что мы найдем мистера Дугласа под этой крышей.

— Да? И долго вы так над нами потешались, мистер Холмс? — сердито спросил инспектор. — Долго вы смотрели, как мы расшибаемся в лепешку, занимаясь поисками, которые, как вы отлично знали, были бессмысленными?

— Ни одной минуты, мой дорогой мистер Мак. Только минувшей ночью у меня сложилось представление об этом деле. А так как проверить все раньше нынешнего вечера было невозможно, я предложил вам и вашему коллеге устроить себе выходной день. Что еще я мог сделать? Когда я нашел во рву узел с одеждой, стало ясно, что убитый, обнаруженный в кабинете, не мог быть мистером Джоном Дугласом, а был, очевидно, велосипедистом из Танбридж-Уэллса. Это сомнения не вызывало. Но мне требовалось установить, где же мог находиться мистер Джон Дуглас, и вывод напрашивается сам: с согласия жены и при помощи друга он затаился в доме, где имеются условия, чтобы спрятаться в тайнике, и теперь он ждет, пока все уляжется и можно будет бежать

отсюда.

— Да, вы верно сообразили, — похвалил его Дуглас — Я хотел улизнуть от британской полиции, я ведь не знал, как у вас ко мне отнесутся, и в то же время это была возможность сразу и окончательно сбить этих псов с моего следа. За всю свою жизнь я не сделал ничего такого, чего бы мне пришлось стыдиться и чего не сделал бы опять. Можете меня не предостерегать, инспектор, я говорю правду и готов стоять на этом до последнего. Не буду утомлять вас долгим рассказом, вы все это прочтете сами. — Он указал на тетрадь у меня в руке. — История эта престранная. Но, коротко говоря, сводится вот к чему: есть люди, которые ненавидят меня, на что имеются свои причины, они готовы отдать последний доллар, чтобы до меня добраться. Пока я жив и пока живы они, в этом мире мне нет укрытия. Они гнались за мной из Чикаго до Калифорнии и изгнали меня из Америки; но здесь, женившись и обосновавшись в этом тихом уголке, я надеялся прожить остаток жизни в мире и спокойствии.

Жене я ничего не рассказывал. Зачем ее вмешивать? Она бы тогда не имела ни минуты покоя, ей бы всюду мерещилась опасность. Но кое о чем, думаю, она догадывалась, но до вчерашнего дня,

когда вы, джентльмены, с ней познакомились, она ни о чем не имела ясного представления. Вам она сообщила все, что знала. И Баркер тоже, ведь в ту ночь, когда все это произошло, мне некогда было вдаваться в объяснения. Но теперь ей известно все, и надо было мне, глупцу, давно ей довериться.

Так вот, джентльмены, накануне всех этих событий я был в Танбридж- Уэллсе и увидел на улице одного человека. Только мельком, но у меня наметанный глаз, и я сразу его узнал. Это был самый жестокий мой враг, он преследовал меня все эти годы, как голодный волк преследует оленя. Поняв, что мне грозит беда, я вернулся домой и приготовился. Думал, справлюсь в одиночку — о моем везении в семьдесят шестом в Штатах ходили легенды. Я не сомневался, что удача и теперь мне не изменит.

Весь следующий день я был настороже и из дому не выходил. И хорошо сделал, в парке он меня бы застрелил из своего дробовика прежде, чем я бы успел прицелиться. Когда мост был поднят — а у меня всегда на душе становилось легче, после того как поднимут мост, — я на время выкинул тревожные мысли из головы. Я и не предполагал, что он мог забраться в дом и поджидать меня тут.

Но когда вечером, уже в халате, я, как обычно обходя перед сном все комнаты, зашел в кабинет, сразу почуял неладное. Когда человек постоянно сталкивается с опасностью — а уж на мою-то долю ее выпало больше, чем кому-либо, — у него развивается нечто вроде шестого чувства. Я сразу почувствовал опасность, а потом увидел сапог под портьерой и все понял. Поставив свечу на стол, я подскочил к камину, где на полке лежал молоток, но этот человек уже бросился на меня, блеснул нож, я размахнулся и ударил молотком. Нож лязгнул об пол. Увернувшись, как угорь, этот тип отскочил за стол, выхватил из-за пазухи дробовик и взвел курки. Но я ухватился за ствол, прежде чем он успел выстрелить. Минуту или две мы с ним боролись, не выпуская из рук дробовика. Кто первым отпустит, тот, считай, убит.

Он рук не разжал. Но на какое-то мгновенье опустил вниз приклад. Кто нажал спуск, не знаю, возможно я. А может, мы просто слишком сильно его тряхнули. Так ли, эдак, но выпалили оба ствола, и прямо ему в лицо. А я стою и смотрю вниз на то, что осталось от Теда Болдуина. Я его узнал еще в городе, но теперь его бы и родная мать не признала. Я человек к смертям и ранам привычный, но и меня тут чуть не вывернуло.

Стою, держусь за край стола, и в это время вбегает Баркер. За ним, слышу, по лестнице спускается жена. Я подбежал к двери и не дал ей войти. Это зрелище не для женских глаз. Пообещал, что скоро поднимусь к ней. Сказал пару слов Баркеру — он и так с одного взгляда все понял, — и мы стали ждать. Но никто не показывался. Ясно было, что никто ничего не услышал.

Тут меня вдруг осенило. Блестящая мысль, я даже зажмурился. Рукав у убитого задрался, над запястьем обнажилось клеймо, знак ложи. Вот посмотрите. — Дуглас закатал рукав, и мы увидели у него на руке то же клеймо, что и на руке убитого. — Вид клейма надоумил меня. Он и ростом, и цветом волос походил на меня. А лицо у бедняги было неузнаваемо. Я принес сверху эти вещи, и за пятнадцать минут мы с Баркером обрядили его в мой халат и уложили так, как вы его увидели. А его одежду увязали в узел, сунули внутрь единственный груз, который попался под руку, и выбросили в окно. Карточка, которую он собирался положить на мой труп, оказалась лежащей у него под боком.

Мы надели на его пальцы мои перстни; но когда дошло до обручального кольца — он поднял свою мускулистую кисть, — сами видите, что

это невозможно. Обручального кольца я ни разу со дня свадьбы не снимал, и чтобы сделать это, понадобился бы напильник. Да и вряд ли бы я согласился с ним расстаться. Но даже и захоти я, ничего нельзя было поделать. Мы решили оставить все как есть. Я принес пластырь и заклеил его палец в том месте, где у меня сейчас надето кольцо. Вы дали маху, мистер Холмс: догадайся вы содрать пластырь, вы увидели бы, что никакой ранки под ним нет.

Вот такое дело. Если бы я смог отсидеться тут немного, а потом перебраться куда-нибудь, где ко мне бы присоединилась моя «вдова», появился бы шанс безмятежно дожить остаток жизни. Эти дьяволы не дали бы мне ни минуты покоя, но если бы они прочли в газетах, что Болдуин своей цели достиг, пришел бы конец моим мучениям. У меня не было времени растолковать все Баркеру и моей жене, но они поняли, что надо прийти мне на помощь. О здешнем тайнике мне было известно, и Эймсу, кстати сказать, тоже, но ему и в голову не пришло как-то связать его с этим происшествием. Я заперся, предоставив Баркеру все остальные заботы.

Как он действовал дальше, вы знаете. Он открыл окно и отпечатал на подоконнике кровавый

след, чтобы понятно было, как скрылся убийца, а уж затем принялся отчаянно звонить. Что было после, вам уже известно. А теперь, джентльмены, можете делать, что считаете нужным. Но я рассказал вам правду, всю правду, да поможет мне Бог! Что мне хотелось бы у вас узнать, это — как на меня посмотрит английский закон?

Последовало молчание, которое нарушил Холмс.

— Английский закон в основном справедливый закон. Больше, чем вам по справедливости полагается, вы от него не получите, мистер Дуглас. Но я хочу спросить у вас: каким образом тот человек узнал, где вы живете, как ему удалось проникнуть в ваш дом и спрятаться, чтобы напасть на вас?

— Об этом мне ничего не известно.

— Боюсь, история еще не окончена, — проговорил Холмс. Лицо его стало очень бледным и серьезным. — Вам могут встретиться враги пострашнее, чем английские законы и даже чем ваши преследователи из Америки. Полагаю, вы в большой опасности. Послушайте моего совета и не теряйте бдительности.

А теперь, мои долготерпеливые слушатели, я приглашаю вас последовать за мной из Берлстоуна в Суссекс и перенестись лет на двадцать

назад во времени и на тысячи миль к западу в пространстве, чтобы я мог развернуть перед вами повествование настолько необычайное и ужасное, что вам, возможно, трудно будет поверить в то, что так все оно и было. Не подумайте, что я начинаю новую историю, не доведя до конца предыдущую. Читайте дальше, и вы в этом сами убедитесь. А когда я перескажу со всеми подробностями те давние события и вы разгадаете тайну минувших лет, мы снова сойдемся вместе в квартире на Бейкер-стрит, где и найдем окончание этой удивительной истории.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
«Метельщики»

Глава 1
Он

Было 4 февраля 1875 года. Зима в тот год стояла суровая, и в ущельях Гилмертонских гор скопилось много снега. Однако железнодорожные пути постоянно расчищали паровым снегоочистителем, и вечерний поезд, связывающий длинный ряд шахтерских и железолитейных поселков, медленно подымался по крутому склону от Стэгвилла до Вермиссы, местного центра, расположенного в верхнем конце долины Вермисса. Оттуда железная дорога начинала спуск к Бартонской переправе, Хелмдейлу и дальше в сельскохозяйственное графство Мертон. Дорога одноколейная, но у каждого разъезда, а их там много, на запасных путях стояли составы из платформ, груженных углем и железной рудой — свидетельства таящихся в земле богатств, которые привлекли грубый народ и кипучую жизнь в этот прежде совершенно необжитой угол Соединенных Штатов Америки.

Это был действительно медвежий угол. Могли ли первопроходцы, некогда прошедшие здесь, предполагать, что цветущие прерии и зеленые

заливные луга будут цениться гораздо дешевле, чем эти сумрачные места, где одни только черные скалы и лесные заросли? По обоим склонам длинной извилистой долины над темными, труднопроходимыми лесами виднелись голые вершины гор, белые снега и острые утесы. По этой-то долине и полз сейчас местный поезд.

В длинном переднем вагоне, где ехали человек двадцать-тридцать пассажиров, только что зажгли лампы. Большинство из сидевших были рабочие, возвращавшиеся домой в Вермиссу после трудового дня в нижней части долины. Из них человек десять, судя по почерневшим лицам, были шахтерами. Они сидели тесной группой, курили и негромко переговаривались, поглядывая на двоих, расположившихся по другую сторону от прохода. Форменная одежда и бляхи на груди выдавали в них полицейских.

Помимо них в вагоне ехало несколько женщин из рабочих семей и два или три господина почище, очевидно местные лавочники, да еще молодой мужчина, сидевший отдельно в углу. Именно он нас сейчас и интересует. Давайте приглядимся к нему как следует, он стоит того.

Невысокий румяный молодой человек лет тридцати. Большие умные серые глаза, весело

и заинтересованно поблескивают за стеклами очков. Сразу можно сказать, что он прост и общителен и стремится быть в дружбе со всеми, что у него быстрый ум и всегда наготове приветливая улыбка. Но если приглядеться попристальнее, нельзя не обратить внимание на твердую линию скул и плотно сжатые губы — признаки, свидетельствующие о том, что за приятной наружностью этого темноволосого ирландца таится сила, способная оставить добрый или недобрый след в любом сообществе, куда бы он ни попал.

После нескольких реплик, обращенных к ближайшему углекопу, который в ответ лишь бурчал что-то нелюбезное, молодой путешественник погрузился в молчание и стал смотреть в окно на окружающий ландшафт.

Невеселая это была картина. В сгущающемся сумраке здесь и там на склонах гор мерцали красные горнила. Справа и слева темнели высокие груды шлака и отвалов, а над ними к небу уходили копры угольных шахт. Проплывали мимо тесные группы бедных дощатых хижин, в них только-только начинали зажигаться окна. И на всех остановках, которые встречались тут чуть не на каждом шагу, в ожидании толпились темноликие жители здешних мест.

Угледобывающий и железоплавильный район Вермиссы — отнюдь не курорт. Здесь повсюду видны знаки суровой и беспощадной борьбы за существование, здесь делается грубая работа, и делают ее грубые люди.

Молодой человек смотрел на эту мрачную землю с выражением страха и в то же время любопытства, свидетельствовавшим о том, что все это было для него внове. По временам он доставал из кармана толстый конверт, вынимал из него письмо и сверялся с ним, оставляя на полях какие-то заметки. Один раз он вытащил откуда-то сзади из-за пояса предмет, которому, казалось бы, не место в руке такого благовоспитанного пассажира. Это был флотский револьвер самого большого калибра. Когда он повернул оружие к свету, в магазине блеснули медные кружки гильз: револьвер был полностью заряжен. Владелец поспешил вернуть его на место в потайном кармане, но сидевший напротив рабочий заметил револьвер.

— Эге, приятель, — сказал тот, — ты, я вижу, при полном снаряжении.

Молодой человек смущенно улыбнулся.

— Да, — ответил он. — Там, откуда я еду, такие игрушки бывают иногда кстати.

— И где же это?

— Я держу путь из Чикаго.

— А здесь раньше не бывал?

— Нет.

— Может статься, что она тебе и здесь понадобится.

— Вот как? Неужели?

— А ты разве не слышал, что здесь делается?

— Особенного ничего не слышал.

— Да? А я думал, шум на всю страну. Ну ничего, скоро услышишь. Что тебя сюда привело?

— Мне сказали, что тут для желающих всегда есть работа.

— А ты член союза?

— Как же, конечно.

— Тогда, думаю, работу ты получишь. Друзья здесь есть?

— Пока нет. Но есть возможность ими обзавестись.

— Интересно, что за возможность?

— Я принадлежу к Высокому Ордену Свободных Работников. Его ложи имеются во всех городах и поселках, а где есть ложа, там я найду друзей.

Эти слова произвели на собеседника странное действие. Он опасливо оглянулся на других пассажиров. Углекопы по-прежнему о чем-то тихо

переговаривались. Двое полицейских дремали. Рабочий пересел на скамейку рядом с молодым человеком и протянул ему руку.

Они обменялись рукопожатием.

— Я и так вижу, что ты не обманываешь, — сказал рабочий. — Но лучше все-таки удостовериться.

Он поднял правую руку и тронул правую бровь. Приезжий сразу же тронул левой рукой левую бровь.

— Темные ночи неприютны, — произнес рабочий.

— Да, для путника в чужой стороне, — подтвердил приезжий.

— Ну вот и все. Я — брат Сканлан, 341-я ложа в Вермиссе. Рад приветствовать тебя в наших краях.

— Благодарю. Я — брат Джон Макмердо, 29-я ложа Чикаго, мастер — Дж. Х. Скотт. Для меня большая удача — сразу же встретить брата.

— Нас вообще-то тут довольно много. Нигде в Соединенных Штатах наш орден так не процветает, как в долине Вермиссы. Однако такие парни, как ты, всегда нелишние. Но как могло быть, что проворный молодец вроде тебя не нашел работы в Чикаго?

— Работы у меня было вдоволь, — ответил Макмердо.

— Тогда почему ты оттуда уехал?

Макмердо кивком указал на двух полицейских и улыбнулся.

— Вот кому было бы интересно это узнать, — сказал он.

Сканлан сочувственно покачал головой.

— Попал в переплет?

— Еще в какой.

— Исправительные работы?

— И все остальное.

— Неужто за убийство?

— Не время об этом разговаривать, — сказал Макмердо, явно раскаиваясь, что наболтал лишнего. — У меня были причины уехать из Чикаго, и пока с тебя довольно. Кто ты такой, чтобы расспрашивать меня?

Его серые глаза угрожающе блеснули за стеклами очков.

— Ладно, приятель, я ничего худого тебе не желаю. Братья не будут к тебе хуже относиться, что бы за тобой ни числилось. Куда же ты направляешься?

— В Вермиссу.

— Это через две остановки. Где думаешь оста-

новиться?

Макмердо опять вынул большой конверт и поднес к тусклой керосиновой лампе.

— Вот адрес: «Джейкоб Шафтер, Шеридан-стрит». Это пансион, его рекомендовал мне один знакомый в Чикаго.

— Не знаю. Вермисса вообще не мой район. Я живу в Хобсон-Пэтч, сейчас как раз моя остановка. Но дам тебе один совет, прежде чем мы расстанемся. Если у тебя будут неприятности в Вермиссе, ступай прямо в Дом Союза и спроси босса Макгинти. Он — мастер Вермисской ложи, и в здешних местах ничего не делается без одобрения Черного Джека Макгинти. Пока, приятель! Встретимся как-нибудь вечером в ложе. И помни мои слова: возникнут сложности, обратись к боссу Макгинти.

Сканлан вышел из вагона, и Макмердо вновь предался своим мыслям. Наступила ночь, за окном то и дело вспыхивали огни железоплавильных печей, перед которыми мелькали черные тени под ритмичное сопровождение лязга и грохота.

— Это, думаю, похоже на ад, — раздались рядом слова.

Макмердо обернулся и увидел, что один из

полицейских проснулся и смотрит в окно на огненную пустыню.

— А я лично думаю, — отозвался второй, — что не похоже на ад, а он самый и есть. И очень будет удивительно, если у адских огней найдутся дьяволы свирепее некоторых наших знакомцев. А вы, молодой человек, приезжий?

— Допустим. И что из того? — хмуро отозвался Макмердо.

— Только то, мистер, что я бы посоветовал вам осторожнее выбирать себе друзей. На вашем месте я бы не начинал с Майка Сканлана и его компании.

— Какое тебе, черт подери, дело до того, кто мои друзья? — рявкнул во всю глотку Макмердо, и все в вагоне повернули головы в их сторону, привлеченные завязавшейся перебранкой. — Разве я обращался к тебе за советом? Я что, похож на простака, которого надо водить за ручку? Подожди, пока тебя спросят, а со мной, клянусь Богом, тебе придется ждать долго.

Он выпятил подбородок и оскалил зубы, словно рассвирепевший пес.

Полицейские, двое добродушных здоровяков, были явно поражены тем, как яростно он огрызнулся в ответ на их попытку завязать разговор.

— Не обижайся, приезжий, — сказал один. — Это простое предостережение для твоего же блага, ведь ты, по собственному признанию, новый человек в здешних местах.

— Да, в здешних местах я человек новый, но с такими, как вы, хорошо знаком! — с холодной яростью в голосе прорычал Макмердо. — Гляжу, вы всюду одинаковы: ко всем суетесь с непрошеными наставлениями.

— Не иначе как мы скоро с тобой встретимся, — с ухмылкой заметил один полицейский. — Ты, я вижу, не простая птица.

— Да, мне тоже так сдается, — подхватил второй. — Очень возможно, что нам еще доведется с тобой увидеться.

— Я вас не боюсь, не воображайте! — крикнул Макмердо. — Меня зовут Джек Макмердо. Поняли? Если я вам понадоблюсь, найдете меня у Джейкоба Шафтера на Шеридан-стрит в Вермиссе. Я, как видите, от вас не прячусь. Будь то днем или ночью, я всегда готов смотреть вашему брату в глаза, так и знайте!

Среди углекопов послышался ропот сочувствия и восхищения бесстрашием приезжего. А двое полицейских пожали плечами и возобновили разговор между собой.

Через несколько минут поезд подъехал к тускло освещенной платформе, и пассажиры двинулись к выходу; Вермисса была самой крупной станцией на этой линии. Но когда Макмердо, подняв кожаный саквояж, приготовился уже шагнуть во тьму, с ним вдруг заговорил один из углекопов.

— Ну, друг, чтоб мне провалиться, лихо ты разделался с фараонами, — уважительно сказал он. — Одно удовольствие было тебя послушать. Дай-ка я поднесу твой саквояж и заодно покажу дорогу. Мне по пути, я прохожу мимо Шафтера, идучи домой.

Они спустились с платформы, провожаемые дружными пожеланиями доброй ночи. Макмердо не успел еще ступить на здешнюю землю, как уже сделался в Вермиссе знаменитостью.

Окрестности города были ужасны; но сам город Вермисса производил еще более гнетущее впечатление. Когда едешь по длинной извилистой долине, открываются виды, полные сумрачного величия: высоко вверх взлетают огромные языки пламени, в небе плывут черные клубы дыма, и крутые груды отвалов громоздятся по обе стороны от железнодорожной колеи монументами силе и усердию человека. Город же — воплощение безобразия и убожества. Широкая дорога разбита

колесами бессчетных экипажей и превратилась в жуткое месиво из грязного снега. Тротуары узки и неровны. Многочисленные газовые фонари служат лишь для того, чтобы освещать длинный ряд деревянных домишек с выходящими на улицу грязными, захламленными террасками.

Правда, ближе к центру появляются магазины с ярко освещенными витринами, а также салуны и игорные дома, где углекопы спускают свои немалые заработки.

— Вот это Дом Союза, — указал провожатый на один из салунов, вознесшийся почти до уровня солидной гостиницы. — Здесь хозяином Джек Макгинти.

— А что он за человек? — спросил Макмердо.

— Ты что же, ничего не знаешь про здешнего босса?

— Откуда же мне знать, когда я, как ты слышал, здесь человек новый?

— Ну, я думал, его имя известно по всей стране. О нем часто писали в газетах.

— По какому поводу?

— Да по поводу тех дел, — ответил его спутник, понизив голос.

— Каких дел?

— Господи боже, мистер, странный же ты че-

ловек, не сочти за обиду. В здешних местах ты о других делах не услышишь, как только о «метельщиках».

— О «метельщиках» я, сдается мне, что-то читал в Чикаго. Это банда убийц, верно?

— Тсс! Молчи, не то расстанешься с жизнью, — сдавленным голосом проговорил углекоп, застыв на месте и испуганно глядя на Макмердо. — У нас тут долго не проживешь, если будешь открыто говорить такие вещи. Многих забили до смерти за меньшие прегрешения.

— Но мне ничего не известно. Я только повторил, что напечатано в газетах.

— Я не говорю, что напечатанное в газетах — неправда. — Углекоп нервно осмотрелся вокруг, вглядываясь в темноту, словно опасался, что там затаилась опасность. — Если те, кто лишают людей жизни, — убийцы, то тут их хватает. Но смотри, приезжий, не произнеси в этой связи имени Джека Макгинти. До него доходит каждый шепот, а он не из тех, кто пропустит такое мимо ушей. А вот и дом, который ты искал, стоит в глубине, отступя от улицы. Его владелец, старый Джейкоб Шафтер, слывет в этом городе за честного человека.

— Спасибо, — сказал Макмердо и, пожав но-

вому знакомцу руку, поволок свой саквояж по дорожке, которая вела к крыльцу жилого дома. Остановившись у двери, он громко постучал.

Дверь сразу же открылась, и он увидел совсем не того, кого ожидал. На пороге стояла молодая девушка редкостной красоты. Красота ее была германского типа: белокурые волосы, и в контраст им пара темных бархатных глаз. Она с недоумением взглянула на незнакомого человека и залилась смущенным румянцем. На фоне ярко освещенной прихожей она показалась ему прекраснейшей картиной, какую только довелось ему в жизни видеть, тем более восхитительной в сравнении с окружающим уродством и мраком. Прелестная фиалка, расцветшая на груде черных отвалов, не поразила бы его сильнее. Онемев, он стоял перед нею и хлопал глазами, так что молчание нарушила в конце концов она.

— Я думала, это отец, — проговорила она с милым, еле заметным немецким акцентом. — Вы к нему? Он ушел в город. Я жду его с минуты на минуту.

Макмердо продолжал восторженно смотреть на нее. Она смешалась и вынуждена была опустить глаза перед этим нахальным посетителем.

— Нет, мисс, — ответил он наконец, — мне не

к спеху повидаться с ним. Ваш дом мне рекомендовали как место, где я мог бы поселиться. Я полагал, что он мне подойдет, а теперь убедился, что не ошибся.

— Быстро же вы принимаете решения, — с улыбкой заметила она.

— Любой, у кого есть глаза, потратил бы не больше времени, — ответил он.

Она рассмеялась комплименту.

— Войдите, сэр, — пригласила она. — Я мисс Этти Шафтер, дочь мистера Шафтера. Моей матери нет в живых, и дом веду я. Вы можете до прихода отца посидеть в гостиной у печки… А вот и он! Так что вы обо всем договоритесь, не откладывая.

По дорожке к дому шел грузный пожилой человек. Макмердо встретил его и объяснил свое дело. Ему дал этот адрес некто Мерфи, который, в свою очередь, получил его еще от кого-то. Старый Шафтер не возражал. Новый жилец принимает все условия, и, похоже, денег у него куры не клюют. Так что сговорились, что за семь долларов в неделю, плата вперед, он получает кров и стол.

Так Макмердо, беглец от правосудия (по собственному признанию), поселился в доме у Шафтеров, и это был первый шаг, повлекший за собой длинный и мрачный ряд событий, которые

завершились в далекой заморской стороне.

Глава 2
Мастер лжи

Макмердо был из тех, у которых что задумано, то и сделано. Где бы он ни появлялся, это скоро становилось известно всем. Не прошло и недели, как он сделался в доме Шафтера самым главным постояльцем. Помимо него там жили еще человек десять-двенадцать, но это были скромные десятники или простые приказчики из магазинов, не чета молодому ирландцу. По вечерам, когда все сходились вместе, его шутка всегда была самой быстрой, разговор — самым занимательным, песня — самой красивой. Он был настоящей душой общества и притягивал к себе людей. Но при этом мог вдруг, как тогда в поезде, прийти в бешенство, отчего окружающие смотрели на него с уважением и даже опаской. К тому же не упускал случая выразить презрение служителям закона, чем одних восхищал, а другим внушал тревогу.

Макмердо с первого же дня, не скрывая своего восхищения красотой и изяществом дочери хозяина, дал всем понять, что она завладела его сердцем. Поклонник он был не из робких. Назавтра после приезда он объявил Этти, что любит ее,

и в дальнейшем без конца это повторял, какие бы возражения она ни пыталась выдвигать.

— Кто-то другой? — восклицал он в ответ на ее слова. — Тем хуже для этого другого. Пусть поостережется! Неужто я пожертвую счастьем всей моей жизни, моей мечтой из-за какого-то другого человека? Можешь говорить «нет» сколько тебе вздумается, Этти, все равно настанет день, когда ты скажешь «да», а я еще молод, подожду.

Он был опасный ухажер, владевший искусством сладких ирландских речей. И еще было в нем что-то от бывалого человека, посвященного в какие-то тайны, а это всегда возбуждает у женщины интерес, переходящий в конце концов в любовь. Он рассказывал про живописные долины своего родного графства Монахан, про далекий зеленый остров, чьи пологие холмы и сочные луга особенно прекрасны, когда представляешь их себе, находясь среди заснеженных, засыпанных угольной пылью улиц.

Живал он и в больших городах Севера, в Детройте, в лагерях мичиганских лесорубов, наконец в Чикаго, где работал на лесопилке. Дальше шли намеки на какую-то романтическую историю, на какие-то удивительные происшествия в этом огромном городе, настолько необыкновенные и

тайные, что о них и рассказывать нельзя. С грустью вспоминал он о вынужденном внезапном отъезде, о бегстве в незнакомый мир, приведшем его в эту сумрачную долину. А Этти слушала, и темные ее глаза блестели состраданием и жалостью, которые быстрее и естественнее всего перерождаются в любовь.

Макмердо устроился на место бухгалтера, ибо был человеком образованным. Служба отнимала у него почти весь день, так что он не нашел еще времени побывать у мастера местной ложи Высокого Ордена Свободных Работников. Но ему напомнили об этом упущении: однажды вечером в салун Шафтера зашел Майк Сканлан, член ложи, с которым он познакомился в поезде. Сканлан, узколицый, низкорослый, чернявый и нервный, был как будто бы рад встрече. После пары стаканов виски он заговорил о цели своего прихода.

— Послушай, Макмердо, — сказал он. — Я запомнил твой адрес и вот решил зайти. Ты, оказывается, до сих пор не явился к мастеру ложи. Почему не идешь к боссу Макгинти?

— Некогда было. Работу искал.

— Для чего другого, может, и некогда, а для него у тебя всегда должно быть время. Ну, знаешь, и

глупец же ты, что не явился в Дом Союза назавтра же после приезда и не внес свое имя в списки! Если вздумаешь пойти против него, то… в общем, нельзя этого, вот и все.

Макмердо слегка удивился.

— Я уже два года член ложи, но первый раз слышу про такие строгие порядки.

— В Чикаго, может, и не такие строгие.

— Но ведь орден-то тот же самый!

— Думаешь?

Сканлан остановил на нем долгий многозначительный взгляд. В нем было что-то зловещее.

— А разве нет?

— Подожди с месяц, сам узнаешь. Слышал, ты потом, когда я сошел, разговаривал с полицейским патрульным?

— А ты откуда узнал?

— Да так, слух прошел. В этом районе все становится известно, и плохое, и хорошее.

— Ну да, верно. Сказал ищейкам, что я о них думаю.

— Богом клянусь, ты Макгинти придешься по вкусу!

— А что, он тоже ненавидит полицию?

Сканлан расхохотался.

— Ступай повидайся с ним, парень, — сказал он,

направляясь к выходу. — Не то он не полицию, а тебя возненавидит! Послушайся дружеского совета и отправляйся прямо сейчас.

Случилось так, что в тот же вечер Макмердо получил еще один такой же совет. По-видимому, внимание, которое он оказывал Этти, стало сильнее бросаться в глаза, и ситуация наконец прояснилась для медленно соображающего немца; но как бы то ни было, старый Шафтер поманил к себе молодого человека, привел в отдельную комнатку и без околичностей перешел к сути.

— Мне кажется, мистер, тебе приглянулась моя Этти. Это правда, или я ошибаюсь?

— Да, это правда, — ответил молодой человек.

— Ну так вот, хочу тебе сразу сказать, что из этого ничего не получится. Тебя уже опередили.

— Она говорила.

— И можешь поверить, она говорила правду. А сказала ли она тебе, кто он?

— Нет. Я спрашивал, но она не захотела ответить.

— Ага, еще бы! Негодница! Небось боялась тебя отпугнуть.

— Отпугнуть? Меня? — Макмердо моментально вспыхнул.

— Да, да, приятель! Его испугаться не стыдно.

Это сам Тедди Болдуин.

— И кто же он такой, черт побери?

— Главарь «метельщиков».

— «Метельщиков»? Я уже о них слышал. «Метельщики» то, «метельщики» се, только и разговоров, и всегда вполголоса. Чего вы тут все боитесь? Кто они такие, эти «метельщики»?

Хозяин пансиона понизил голос, как и все, кто говорил об этом страшном обществе.

— «Метельщики», — произнес он, — это и есть Высокий Орден Свободных Работников!

Молодой человек удивленно вздернул брови.

— Но я и сам член этого ордена.

— Ты? Я бы никогда не взял тебя постояльцем, если бы знал это, предложи ты мне хоть сто долларов в неделю.

— Чем плох этот орден? Его цели — помощь ближним и установление доброго товарищества. Так написано в уставе.

— Не знаю, может, где-нибудь еще у него и такие цели, но не здесь.

— А что здесь?

— Здесь это общество убийц, вот что.

Макмердо недоверчиво рассмеялся.

— Как ты можешь это доказать? — спросил он.

— А чего тут доказывать? Пятьдесят человек

убитых — это не доказательство? Как насчет Милмена и Ван-Шорста, и семейства Николсонов, и старика Хайема, и малыша Билли Джеймса, и всех остальных? Доказывай ему. Разве в этой долине есть хоть один мужчина, хоть одна женщина, которые бы этого не знали?

— Послушай, — строго сказал Макмердо, — я требую, чтобы ты взял свои слова обратно, или же приведи серьезные доказательства. Либо то, либо это — прежде чем я выйду отсюда. Поставь себя на мое место. Я новый человек в этом городе. Я состою членом ордена, за которым не знаю ничего худого. Его дела известны в Соединенных Штатах, и это только добрые дела. Я собираюсь вступить в местную ложу, и вдруг ты мне говоришь, что мой орден и тайное общество убийц под названием «Метельщики» — одно и то же. Я жду извинения или же объяснения, мистер Шафтер.

— Могу только повторить то, что и так знают все, мистер. Боссы ордена и боссы «метельщиков» — одни и те же лица. Не угодишь одним, тебя покарают другие. Нам здесь слишком часто приходилось в этом убеждаться.

— Это все разговоры. Мне нужны доказательства!

— Поживешь тут дольше, получишь сколько

угодно доказательств. Хотя я забыл, ты же сам из их числа. И скоро сделаешься таким же, как все они. Но придется тебе искать другое жилище, мистер. Я не могу оставить тебя здесь. Хватит с меня того, что один из этих злодеев приходит сюда и ухаживает за моей Этти, и я не осмеливаюсь выставить его вон. Но чтобы еще и жилец у меня такой был?! Так что ты ночуешь у меня последний раз!

Макмердо одновременно получил отказ от пансиона и был отлучен от любимой девушки. В тот же вечер, застав ее в гостиной одну, он сообщил ей горестную новость.

— Твой отец дал мне сроку до завтрашнего утра, — пожаловался он. — Я бы не стал особенно печалиться, если бы лишился просто комнаты, но дело в том, Этти, что, хотя я знаю тебя только неделю, ты — светоч моей жизни, и жить без тебя я не могу.

— Тише, мистер Макмердо, не говорите так! — оборвала его девушка. — Разве я не сказала, что вы опоздали? За меня сватается другой, и если я и не дала ему согласия тут же выйти за него замуж, то и больше ничьего предложения принять не могу.

— А если бы я был первым, Этти, мог бы я рас-

считывать?

Этти закрыла лицо ладонями.

— О, если бы только ты был первым! — всхлипнув, проговорила она.

В тот же миг Макмердо упал перед ней на колени.

— Заклинаю тебя Богом, Этти, ни слова больше об этом! — воскликнул он. — Неужели ты хочешь погубить свою и мою жизнь ради того, чтобы выполнить то обещание? Послушай своего сердца, красавица!

И он сжал ее белую руку своими смуглыми ладонями.

— Скажи, что согласна быть моей, и мы вместе отстоим свое право!

— Но не здесь.

— Здесь, здесь!

— Нет, Джек! — Он уже обнял ее. — Здесь это невозможно. Ты не можешь увезти меня отсюда?

На минуту на лице его отразилась борьба.

— Нет, дорогая, об этом не может быть и речи.

— Но почему нам нельзя уехать?

— Нет, Этти, я не могу уехать.

— Почему?

— Я никогда не смогу смотреть людям в глаза, если буду чувствовать, что был изгнан. Да и чего

нам бояться? Разве мы не свободные люди в свободной стране? Раз ты любишь меня, а я тебя, кто посмеет встать между нами?

— Джек, ты не знаешь. Ты слишком недолго здесь пробыл. Ты не знаешь Болдуина. И Макгинти с его «метельщиками».

— Да, не знаю. Но я не боюсь их! — ответил Макмердо. — Мне приходилось жить среди грубых людей, и вместо того, чтобы бояться их, я добивался того, что они боялись меня, всегда, милая моя Этти! Если эти люди, как утверждает твой отец, совершают здесь, в долине, где их отлично знают по именам, преступление за преступлением, почему же никто из них не привлекается к суду? Ответь-ка мне на это, дорогая!

— Да потому, что никто против них не осмеливается свидетельствовать. Ему потом и месяца не прожить. И еще потому, что всегда найдется кто-нибудь, кто будет утверждать, что обвиняемый в это время находился за тридевять земель от места преступления. Неужели ты об этом не читал, Джек? Я думала, про здешнее положение пишут все газеты Америки.

— Кое-что читал, не спорю. Но думал, это просто так, больше сочиняют. Может, у этих людей есть причина для таких действий? Может, они

— жертвы несправедливости и не имеют другого способа постоять за себя?

— Ради бога, Джек, я не могу это слышать! Точно так говорит и он.

— Болдуин? Он именно так рассуждает?

— Да. И потому он мне так отвратителен. Ах, Джек, теперь я могу сказать тебе правду. Я его терпеть не могу, но и боюсь. Боюсь за себя, а еще больше за отца. Знаю, с нами случится большая беда, вздумай я отказать ему. Вот почему я стараюсь держать его на отдалении полуобещаниями. Но если бы ты согласился уехать со мной отсюда, мы бы захватили с собой отца и жили бы до скончания века свободные от власти этих дурных людей.

Снова на лице Макмердо отразилась борьба, и снова он остался тверд, как гранит.

— Ни малейшего вреда не случится с тобой, Этти, ни с тобой, ни с твоим отцом. А что до дурных людей, вдруг ты решишь, что я такой же, как они, если не хуже?

— Нет, нет, Джек! Тебе я во всем доверяю.

Макмердо горько рассмеялся.

— Боже милосердный! А ведь ты меня совсем не знаешь! Ты, чистая душа, даже представить себе не можешь, что сейчас творится у меня в душе.

Но смотри-ка, кто это пришел?

Дверь распахнулась, и вразвалку, по-хозяйски в салун вошел молодой парень, красивый, развязный, одного примерно возраста и роста с Макмердо. Из-под широкополой черной фетровой шляпы, которую он, входя, даже не потрудился снять, на красивом лице с орлиным носом свирепо и властно сверкнули ледяные глаза, устремленные на сидящую у печи пару.

Этти всполошилась, вскочила.

— Рада видеть вас, мистер Болдуин, — проговорила она. — Вы нынче раньше, чем мы ожидали. Проходите и присаживайтесь.

Болдуин, уставя руки в боки, разглядывал Макмердо.

— Кто такой? — буркнул он.

— Это мой друг, мистер Болдуин, наш новый постоялец. Мистер Макмердо, позвольте вам представить мистера Болдуина.

Мужчины хмуро кивнули друг другу.

— Возможно, мисс Этти говорила вам о наших с ней отношениях? — сказал Болдуин.

— Я так понял, что никаких отношений между вами нет.

— Вы так поняли? Теперь, может быть, поймете иначе. Я сообщаю вам, эта барышня — моя, а

вам представляется возможность убедиться, что сейчас прекрасная погода для прогулки.

— Благодарю, но у меня нет настроения сейчас гулять.

— Нет настроения? — В злобных глазах Болдуина зажегся огонек бешенства. — Может, вы в настроении подраться, мистер Постоялец?

— А вот это пожалуйста! — вскочил на ноги Макмердо. — С превеликим удовольствием.

— Ради бога, Джек! О, ради всего святого! — в отчаянии воскликнула бедная Этти. — О, Джек, Джек! Он тебя изувечит!

— Ах, он, оказывается, уже Джек? — Болдуин выругался. — Вот до чего дошло!

— Тед, умоляю, не сердись! Ради меня, Тед, если ты меня хоть когда-нибудь любил, прояви благородство и снисхождение!

— Я думаю, Этти, если бы ты ушла и оставила нас самих уладить это дело, мы бы быстро разобрались, — спокойно заметил Макмердо. — А, может быть, вы, мистер Болдуин, согласились бы выйти со мной прогуляться? Погода прекрасная, и поблизости за поворотом есть неплохая открытая площадка.

— Я разделаюсь с тобой, не замарав рук, — отозвался его противник. — Ты еще пожалеешь, что

переступил этот порог!

— Зачем же откладывать?

— Я сам выберу время, мистер. Ты мне не указ. Видал вот это? — Он вдруг отвернул обшлаг и обнажил на руке выше запястья странный знак, похожий на клеймо: круг и в нем треугольник. — Знаешь, что это такое?

— Не знаю и знать не хочу!

— Ничего, узнаешь, за это я ручаюсь. Притом скоро. Возможно, мисс Этти кое-что тебе объяснит. А что до тебя, Этти, ты приползешь ко мне на коленях — слышишь, моя милая? На коленях! И я назначу тебе наказание. Что посеяла, то и пожнешь, уж я об этом позабочусь!

Свирепо взглянув на девушку, он повернулся на каблуках, и мгновенье спустя за ним с шумом захлопнулась входная дверь. Макмердо и Этти минуту стояли молча. Потом она обвила его шею руками.

— О, Джек, ты такой храбрый! Но все равно, выхода нет, тебе надо бежать! Сегодня же, Джек, до наступления ночи! Это единственная надежда. Не то он явится с другими, чтобы тебя убить, я прочла это в его страшном взгляде. Ты бессилен один против дюжины, да еще за ними босс Макгинти и вся их могущественная ложа!

Макмердо расцепил ее руки, поцеловал ее и бережно усадил обратно в кресло.

— Успокойся, моя красавица, успокойся! Не дрожи и не волнуйся за меня. Я ведь и сам Свободный Работник. Сейчас я пойду и втолкую это твоему отцу. Может, я не лучше их. Так что не делай из меня святого. Может, теперь ты и меня возненавидишь, после того как я тебе признался?

— Возненавидеть тебя, Джек? Никогда, пока я жива! Я слышала, что повсюду в мире не считается зазорным принадлежать к братству Свободных Работников, но только не здесь. За что же я стала бы ненавидеть тебя? Но если ты тоже Свободный Работник, Джек, почему бы тебе не пойти и не заключить союз с боссом Макгинти? Поспеши, Джек, не теряй ни минуты!

— Я и сам так думаю, — сказал ей Макмердо. — Пойду прямо сейчас и все улажу. А ты скажи отцу, что нынче я ночую здесь, а завтра утром съеду.

В салуне у Макгинти всегда было полно народу: здесь любила собираться вся грубая публика города. Простецкие, шутливые замашки Макгинти, которые были на самом деле маской, многое скрывающей от глаз, вызывали у этих людей симпатию. Но они его еще и боялись, боялись и в городе, и во всей тридцатимильной долине

Вермиссы, и по обе стороны от перевала, и одного этого страха было довольно, чтобы наполнить народом его салун; ибо никто не отваживался, выказав неуважение, потерять его благосклонность.

К тому же он был большим городским начальником, муниципальным советником и главой комитета по дорожному строительству, избранным на эти должности благодаря голосам головорезов, рассчитывавших на его благодарность. Поборы и налоги в городе были огромные; общественные работы заброшены; отчеты с помощью подкупленных аудиторов подделывались, а перепуганным гражданам оставалось лишь отдавать то, что у них открыто вымогали, и держать язык за зубами из опасения худшего.

Вот каким образом бриллиантовые булавки в галстуке Макгинти год от года становились все огромнее, золотые цепи поперек жилетки — все весомее и сами жилетки — все наряднее. Да и салун его все расширялся, пока не занял чуть ли не всю сторону Центральной площади.

Макмердо распахнул двери салуна и стал пробираться через толпу, сквозь табачный дым и спиртной дух. Салун был ярко освещен, и висящие по стенам большие зеркала в золоченых рамах

многократно отражали и усиливали это сияние. За широкой, обитой медью стойкой суетились несколько барменов в белых рубахах, смешивая и подавая напитки теснящимся посетителям. А у конца стойки, привалившись животом и пожевывая торчащую изо рта сигару, стоял крупный, широкоплечий мужчина, который мог быть только самим достославным боссом Макгинти, — эдакий темноликий великан, по самые глаза заросший смоляной бородой и с густой черной гривой до плеч; смуглостью он походил на итальянца, а черные мертвенно-матовые глаза, к тому же еще косящие, придавали ему поистине зловещий вид. В остальном же его наружность — могучий рост, правильные черты и простецкие замашки — вполне соответствовала той шутливой панибратской манере, которую он для себя избрал. Вот, сказал бы всякий при взгляде на него, честный, прямодушный малый, у которого наверняка доброе сердце, как бы ни были грубы и безыскусны его речи. Но когда человек встречал взгляд этих мертвенных черных глаз, такой глубокий и неумолимый, хотелось спрятаться, забиться в угол, ибо возникало ощущение, что перед тобой — само воплощение зла.

Присмотревшись к нему, Макмердо стал спо-

койно, работая локтями, пробираться туда, где в окружении свиты, раболепно смеявшейся над малейшей шуткой всемогущего босса, стоял Макгинти. Серые глаза молодого гостя бесстрашно глядели навстречу черному взгляду хозяина, уже заприметившего его приближение.

— Что-то, парень, мне твое лицо вроде бы незнакомо.

— Я здесь человек новый, мистер Макгинти.

— Не настолько новый, чтобы не знать, как правильно ко мне обращаться.

— Это советник Макгинти, молодой человек, — услужливо подсказал голос из толпы.

— Простите, советник. Я незнаком со здешними обычаями. Но мне рекомендовали повидать вас.

— Что ж, вот он я, и ты меня видишь. Ну и как я тебе?

— Пока еще рано судить. Если ваша душа так же велика, как ваше тело, и так же прекрасна, как лицо, то лучшего и желать не приходится, — ответил Макмердо.

— Ах ты черт! Ишь как его ирландский язык хорошо подвешен! — воскликнул хозяин, еще не решивший, то ли посмеяться вместе с дерзким гостем, то ли изобразить оскорбленное достоинство. — Стало быть, мою внешность ты

одобряешь?

— Ясное дело, — ответил Макмердо.

— И тебе рекомендовали меня повидать?

— Да.

— А кто же это тебе рекомендовал?

— Брат Сканлан из 341-й ложи в Вермиссе. Пью за ваше здоровье, советник, и за наше будущее близкое знакомство.

Он поднес к губам стакан и осушил его.

Макгинти, внимательно за ним наблюдавший, вздернул лохматые черные брови.

— О, вот оно, что, — проговорил он. — Тут надо будет кое в чем удостовериться, мистер…

— Макмердо.

— Н-да, удостовериться, мистер Макмердо; потому что в нашем краю мы не принимаем людей просто так и не всему, что нам говорят, верим. Зайдем сюда на минуту.

Макгинти провел его в комнату за стойкой, где вдоль стен рядами стояли бочки. Он плотно закрыл дверь и уселся на одну из бочек, задумчиво пожевывая сигару и разглядывая гостя своими неприятно-загадочными глазами. Минуты две оба молчали. Макмердо спокойно выдержал его взгляд. Внезапно Макгинти пригнулся, и в руке у него оказался далеко не игрушечный револьвер.

— Слушай меня, шутник, — проговорил он. — Если увижу, что ты с нами игры играешь, тебе не поздоровится.

— Странное приветствие мастера ложи Свободных Работников новоприбывшему брату, — с достоинством произнес Макмердо.

— Последнее тебе надо еще доказать, — отозвался Макгинти. — И моли Бога о спасении, если тебе это не удастся! Где тебя принимали?

— В двадцать девятой ложе, город Чикаго.

— Когда?

— 24 июня 1872 года.

— Кто там мастер?

— Джеймс Х. Скотт.

— Кто районный руководитель?

— Бартоломью Уилсон.

— Гм. Чешешь гладко. Что ты делаешь здесь?

— Работаю, как и вы, только зарабатываю поменьше.

— На ответы ты скор.

— Да, я всегда был скор на слова.

— А на дела?

— Кто близко меня знал, всегда считали меня быстрым на руку.

— Что ж, мы тебя испытаем, и может статься раньше, чем ты думаешь. Что ты слышал о здеш-

ней ложе?

— Слышал, что надо быть мужчиной, чтобы вступить в нее.

— Твоя правда, Макмердо. Почему ты уехал из Чикаго?

— На этот вопрос я вам не отвечу!

Макгинти вздернул брови. Он не привык, чтобы с ним так разговаривали, и оживился.

— Почему ты не хочешь отвечать?

— Потому что брат брату не должен лгать.

— Значит, правда такова, что сказать страшно?

— Это уж понимайте как хотите.

— Послушай, парень, не могу же я как мастер ложи принять к нам человека, прошлого которого не знаю.

Макмердо взглянул на него в замешательстве. А потом вынул из внутреннего кармана истертую газетную вырезку.

— А вы не донесете?

— Я оботру руку о твою рожу за такие слова! — вспыхнул Макгинти.

— Вы правы, советник, — смиренно признал Макмердо. — Приношу извинения. Ляпнул, не подумав. Знаю, с вами мне ничего не угрожает. Взгляните на эту вырезку.

Макгинти скользнул глазами по заметке, где сообщалось, что в первую неделю 1874 года в салуне «Озерный» на Маркет-стрит, в Чикаго, был застрелен некий Джонас Пинто.

— Твоя работа? — уточнил он, возвращая газетный листок.

Макмердо кивнул.

— За что же ты его?

— Я помогал дяде Сэму чеканить доллары. Может быть, в моих золото было не такой высокой пробы, как у него, но вид они имели такой же и изготавливать их было дешевле. А этот тип Пинто помогал мне их толкать…

— Толкать?

— Да, запускать в обращение. А потом заявил, что донесет на меня. Может, он и донес, не знаю, я не стал дожидаться, что будет, просто застрелил его и подался в угольные края.

— Почему в угольные?

— Читал в газетах, что там не особенно смотрят, кто да что.

Макгинти рассмеялся.

— Так ты чеканил фальшивую монету, убил человека, а потом приезжаешь сюда и думаешь, что тебе будут рады?

— Да, думаю, что будут, — подтвердил Мак-

мердо.

— Что ж, ты далеко пойдешь. Скажи-ка, ты и теперь можешь нашлепать долларов?

Макмердо вынул из кармана горсть монет.

— Эти филадельфийский монетный двор не прошли, — похвастал он.

— Ну да? — На своей большой и волосатой ладони Макгинти поднял монеты к лампе. — Ей-богу, не видно подделки. Похоже, ты будешь у нас ценным собратом! Нам не помешает парочка таких ребят, брат Макмердо. А то иначе нас быстро прижмут к стенке, если сами не навалимся на тех, кто на нас давит.

— Готов навалиться вместе со всеми.

— Вижу, ты не из пугливых, не сдрейфил, когда я наставил на тебя пушку.

— Опасность грозила не мне.

— А кому же?

— Вам, советник. — Макмердо достал из бокового кармана своей тужурки взведенный револьвер. — Я все время держал вас на мушке. Думаю, мой выстрел не отстал бы от вашего.

— Ну и ну! — Макгинти покраснел от злости, но потом разразился хохотом. — Ей-богу, давно у нас не появлялись такие лихие молодчики. Наша ложа, похоже, еще будет гордиться тобой…

А тебе какого черта здесь надо? Пяти минут не могу поговорить с джентльменом с глазу на глаз, тут же лезут!

В дверях топтался смущенный бармен.

— Прошу меня простить, советник, но там пришел Тед Болдуин. Говорит, ему срочно необходимо вас видеть.

Сообщение это было излишним, ибо из-за плеча слуги уже высунулось свирепое лицо самого Болдуина. Он оттолкнул растерянного бармена и захлопнул у того перед носом дверь.

— Значит, вот оно как? — Он бросил на Макмердо яростный взгляд. — Ты, стало быть, опередил меня? Советник, мне надо сказать вам пару слов насчет этого типа.

— Вот и говори при мне! — крикнул ему Макмердо.

— Я буду говорить когда мне удобно и при ком захочу.

— Ай-ай-ай, — произнес Макгинти, вставая с бочки. — Куда же это годится? К нам явился новый брат. Разве так полагается его привечать, а, Болдуин? Протяни руку и давайте миритесь.

— Ни за что! — взревел Болдуин.

— Я предлагал ему драться, если он считает, что я нанес ему обиду, — сказал Макмердо. — Готов

на кулаках, а не хочет на кулаках, согласен на любые другие условия. Предоставляю вам, советник, рассудить нас, как и положено мастеру ложи.

— А что же между вами?

— Юная леди, которая вправе выбирать.

— Нет, не вправе!

— Между двумя членами ложи, полагаю, она имеет право выбора, — вынес решение босс.

— Значит, вот каков ваш суд?

— Да, Тед Болдуин, таков мой суд, — повторил Макгинти грозно. — Не думаешь ли ты его оспорить?

— Вы готовы предать того, кто стоял за вас пять лет, ради чужака, которого видите первый раз в жизни? Джек Макгинти, мастер ложи — звание не пожизненное, и, клянусь Богом, когда придет срок нового голосования…

Как тигр набросился советник на Болдуина. Огромная ручища сомкнулась у того на горле и повалила злосчастного на бочки. Охваченный бешенством, Макгинти совсем задушил бы его, если бы не вмешался Макмердо.

— Спокойнее, советник, бога ради, спокойнее, не надо так! — произнес он, оттаскивая разъяренного босса.

Макгинти разжал пальцы, и Болдуин, потря-

сенный, судорожно хватая ртом воздух и весь содрогаясь, как человек, только что заглянувший в глаза смерти, приподнялся и сел на бочке.

— Ты уже давно напрашивался на это, Тед Болдуин, вот и получил! — крикнул Макгинти. Его широкая грудь вздымалась и опадала. — Уж не возомнил ли ты, что если меня не выберут мастером, место достанется тебе? Там посмотрим, это ложе решать. А пока я здесь главный, никому не позволю поднимать голос против меня и оспаривать мой суд.

— Я не против вас, — прохрипел Болдуин, ощупывая шею.

— Ну и ладненько! — воскликнул босс весело и по-свойски, как ни в чем не бывало. — Мы опять добрые друзья, и дело с концом.

Он снял с полки бутылку шампанского.

— Предлагаю тост примирения, принятый в нашей ложе, — продолжал он, разливая вино в три высоких стакана. После этого, как вы знаете, все обиды забываются. Итак, левую руку мне на шею, Тед Болдуин, и я спрашиваю тебя: в чем обида, сэр?

— Тучи собрались, — отозвался Болдуин.

— Но они всегда расходятся.

— И в том я клянусь!

Они осушили свои стаканы, и та же церемония была повторена между Болдуином и Макмердо.

— Ну вот, — проговорил Макгинти, потирая руки. — Вражда забыта. Кто вспомянет, с тем разберется ложа, а у нас с этим делом строго, брат Болдуин знает, и ты тоже, брат Макмердо, живо в этом убедишься, если вздумаешь лезть на рожон.

— Да нет, я не из таких, — ответил Макмердо и протянул руку Болдуину. — Я скор на ссору, но скор и на примирение. Говорят, это все моя горячая ирландская кровь. Что прошло, то забыто, я больше зла на тебя не держу.

Болдуину ничего не оставалось, как пожать протянутую руку, уж слишком грозен был взгляд босса. Но по хмурому выражению его лица было видно, как мало подействовали на него мирные слова Макмердо.

Советник хлопнул того и другого по плечу.

— Эх! — воскликнул он. — Уж эти мне барышни! Надо же, из-за одной и той же юбки повздорили двое моих парней! Вот незадача, черт подери. Но тут уж пусть сама красотка решает, в обязанности мастера ложи, слава богу, это не входит. У нас и без женщин забот выше головы. Ты принимаешься в ложу 341, брат Макмердо. У нас свои обычаи,

отличные от чикагских. В субботу вечером мы устраиваем сходку, приходи, и о тебе узнает вся долина.

Глава 3
Вермисса, ложа 341

На следующий день после всех этих событий Макмердо перебрался от старого Джейкоба Шафтера в дом вдовы Макнамары на самой окраине города. Тогда же в Вермиссу по своим делам переехал Сканлан, с которым они познакомились еще в поезде, и они поселились вместе. Больше жильцов в доме не было, а хозяйка, добродушная старуха-ирландка, не докучала им своим вниманием; так что они получили свободу слова и дела, так высоко ценимую теми, у кого есть общие секреты.

Шафтер настолько смилостивился, что позволил Макмердо когда угодно приходить есть в его салун, и отношения его с Этти вовсе не были прерваны, а наоборот становились все теснее и ближе с каждым днем.

На новом месте Макмердо чувствовал себя настолько в безопасности, что решился достать и установить свой монетный чекан и под страшной клятвой о неразглашении показал его кое-кому из собратьев по ложе. Каждый из гостей уносил в кармане образцы фальшивых монет, так умело

подделанных, что сбывать их было легче легкого. Собратья не переставали дивиться, почему, владея таким искусством, Макмердо не гнушался обыкновенной работы; но всякому, кто задавал подобный вопрос, он объяснял, что отсутствие законного заработка очень скоро привлекло бы к нему внимание полиции.

Впрочем, один полицейский все-таки напал на его след, но по воле случая это принесло молодому авантюристу гораздо больше пользы, чем вреда. Макмердо почти каждый вечер бывал в салуне Макгинти, не упускал случая поближе познакомиться с «ребятами» — так шутливо называли друг дружку члены банды, державшей в страхе город. Лихие ухватки и бесстрашные речи завоевали ему общую любовь, а отточенное мастерство, с которым он однажды отделал кулаками противника во время общей свалки в баре, внушили этой грубой публике глубокое к нему уважение. Но вскоре он вознесся в их глазах еще выше.

Однажды поздно вечером, когда в салун набилось полно народу, открылась дверь, и вошел человек в темно-синем мундире и фуражке — шахтовый полицейский. Это специальное подразделение стражей порядка, которое совместно

содержали железнодорожные власти и владельцы шахт в помощь муниципальной полиции, совершенно беспомощной перед организованным бандитизмом, терроризировавшим весь район. При его появлении все примолкли; на вошедшего со всех сторон устремились любопытные взгляды. Но в Соединенных Штатах кое-где отношения между преступниками и полицией весьма своеобразны, и сам Макгинти, стоящий за прилавком, не выказал ни малейшего удивления тем, что у него в салуне объявился такой клиент.

— Мне неразбавленного виски, на улице лютый холод, — сказал полицейский. — Мы, кажется, до сих пор не встречались, советник?

— Вы, стало быть, новый капитан? — откликнулся Макгинти.

— Я самый. Мы надеемся, что вы, советник, и другие видные горожане помогут нам в деле поддержания закона и порядка в этом городе. Капитан Марвин мое прозвание.

— Мы бы лучше управились без вашего вмешательства, капитан Марвин, — холодно отозвался Макгинти. — У нас в городе есть своя полиция, и в привозном товаре никто не нуждается. Вы ведь просто платное орудие капиталистов, вас наняли бить дубинками и расстреливать из ружей ваших

неимущих сограждан.

— Ну, ну, не будем спорить, — добродушно ответил полицейский. — Полагаю, каждый исполняет свой долг, как его понимает.

Он осушил свой стакан и, собравшись уходить, повернулся к дверям, но тут заметил Макмердо, который, насупившись, стоял неподалеку.

— А, привет! — воскликнул капитан Марвин. — Старый знакомый!

Макмердо попятился.

— Я никогда не был в дружбе ни с тобой, ни с каким другим чертовым фараоном, — процедил он сквозь зубы.

— Знакомый — не всегда друг, — ухмыльнулся полицейский капитан. — Но ты — Джек Макмердо из Чикаго, ты ведь не будешь этого отрицать.

Макмердо пожал плечами.

— Я и не отрицаю. Уж не воображаешь ли ты, что я стыжусь своего имени?

— Возможно, на то у тебя есть причина.

— Ты на что намекаешь? — прорычал Макмердо, сжав кулаки.

— Ну, ну, Джек, меня на горло не возьмешь. Я работал в чикагской полиции до того, как попал в этот угольный погреб. И чикагского мошенника узнаю с первого взгляда.

У Макмердо вытянулось лицо.

— Неужто ты тот самый Марвин из чикагского централа?

— Я самый. Тедди Марвин к вашим услугам. Мы там не забыли, как был застрелен Джонас Пинто.

— Я в него не стрелял.

— Не стрелял? Надежные показания незаинтересованного свидетеля, а? Во всяком случае, его смерть пришлась тебе очень кстати, иначе бы тебя упекли за фальшивую монету. Ну да ладно, кто старое помянет… Между нами говоря (это я тебе сообщаю не по долгу службы), собрать против тебя доказательств не удалось, так что можешь хоть завтра возвращаться в Чикаго.

— Мне и здесь хорошо.

— Дело твое. Я тебе намекнул, а ты будешь неблагодарный пес, если не скажешь за это спасибо.

— Что ж, думаю, ты говоришь по доброте душевной, так что спасибо, — не слишком любезно отозвался Макмердо.

— От меня никто слова не услышит, пока я буду знать, что ты живешь честно, — сказал капитан. — Но, клянусь Богом, если ты опять свернешь с прямого пути, тут уж не взыщи! Ну, доброй тебе ночи. И доброй ночи вам, советник.

Полицейский покинул салун, но он успел создать образ героя. О подвигах Макмердо в далеком Чикаго ходили в Вермиссе слухи и раньше. Сам он на все вопросы с улыбкой отмалчивался, как человек, не рвущийся к славе. Но теперь то, о чем шептались, получило официальное подтверждение. Завсегдатаи бара столпились вокруг, чтобы пожать ему руку. Отныне он стал своим в их среде. Он умел пить не пьянея; но в тот вечер, не окажись друг Сканлан поблизости, чтобы довести его до дому, ночевать бы герою, с которым каждый непременно хотел выпить, под стойкой.

В субботу вечером Макмердо был представлен ложе. Он рассчитывал, что его примут сразу, без лишних церемоний, поскольку он уже прошел инициацию в Чикаго, но не тут-то было: в Вермиссе были свои правила, которыми здесь очень гордились, и каждый вновь поступающий обязан был пройти через определенный обряд. Собрание происходило в просторном помещении Дома Союза, специально предназначенном для этих целей. Здесь расположились около шестидесяти членов ложи; но это были далеко не все Свободные Работники Вермиссы, потому что в долине имелись и другие ложи по ту сторону перевала, и на серьезное дело из любой из них отбирались

люди, так что преступление совершали не местные, а посторонние. В общей сложности по всему угледобывающему району их было разбросано не менее пятисот.

Собравшиеся расселись в пустом зале за длинным столом. Рядом стоял второй стол, уставленный бутылками и стаканами, и кое-кто из сидящих уже озирался на них в предвкушении выпивки. Макгинти восседал на почетном месте. На голове у него, едва прикрывая всклокоченные черные кудри, была плоская шапочка из черного бархата; с плеч свисал лиловый шарф, наподобие епитрахили, так что он был похож на жреца, свершающего некий дьявольский ритуал. По правую и по левую руку от него расположились братья, занимающие в ложе более или менее высокие должности, среди них виднелось жестокое красивое лицо Теда Болдуина. На каждом был либо шарф, либо бляха — знак той или иной должности.

В основном это были люди в годах, но имелись и юнцы от восемнадцати до двадцати пяти лет, умелые и всегда готовые выполнить приказания командиров. В чертах старших уже отчетливо проявилось их свирепое звериное нутро; но, глядя на открытые молодые лица рядовых членов

ложи, трудно было представить, что видишь, в сущности, беспощадных убийц с исковерканными душами, что здесь гордятся своим кровавым искусством и с глубоким почтением взирают на того, кто славится как специалист по «чистой работе», так у них это называлось.

У этих страшных людей почиталось доблестью и заслугой вызваться на дело против кого-то, кто в жизни не причинил им ничего худого, кого они подчас до того и в глаза не видели. Совершив преступление, они пускались в спор, чей именно удар оказался смертельным, и, веселясь и веселя остальных, изображали предсмертные вопли и корчи жертвы.

Поначалу такие дела творились под покровом некоторой тайны, но к тому времени, к которому относится данный рассказ, все цинично проделывалось в открытую, так как закон перед ними оказался бессилен: во-первых, никто не отваживался свидетельствовать против них в суде; во-вторых, к их услугам имелось сколько угодно верных людей, готовых показать все, что им ни потребуется; и в-третьих, в их распоряжении был полный сундук денег, откуда можно было черпать средства для оплаты лучших адвокатов в стране. За десять долгих лет торжества

беззакония не был вынесен ни один обвинительный приговор, и единственную опасность для этих убийц представляли только сами жертвы, которым нет-нет да удавалось даже в неравной схватке оставить кровавый след на теле кого-нибудь из нападавших.

Макмердо предупредили, что ему предстоит пройти испытания. Но в чем они будут состоять, никто не объяснил. И вот теперь двое дюжих парней ввели его в прихожую. За дощатой перегородкой раздавались голоса собравшихся. Раз или два он уловил свое имя — очевидно, обсуждалась его кандидатура. Наконец, из зала в прихожую вышел страж с золотой и зеленой лентами через плечо.

— Мастер ложи распорядился, чтобы ему связали руки, завязали глаза и ввели, — объявил он.

Втроем они сняли с него сюртук и, закатав рукав рубахи на правой руке, связали руки выше локтей. На голову надели колпак из черной материи, закрывший всю верхнюю половину лица так, чтобы ему ничего не было видно. В таком виде его ввели в зал собрания.

Под колпаком было темно и душно. Слышались какие-то шорохи и голоса. Потом, словно издалека, раздался голос Макгинти:

— Джон Макмердо, ты уже являешься членом древнего Ордена Свободных Работников?

Он слегка поклонился.

— Твоя ложа — номер 29, Чикаго?

Он опять поклонился.

— Темные ночи неприютны, — произнес голос.

— Да, для приезжего в чужой стороне, — отозвался он.

— Тучи собираются.

— Да, близится гроза.

— Ну как, братья, вы удовлетворены? — послышался вопрос мастера ложи.

Раздался общий гул согласия.

— Мы видим, брат, по твоим знакам и отзывам, что ты один из нас, — сказал Макгинти. — Но да будет тебе известно, что в этом графстве и в других графствах в здешнем краю имеются свои правила и свои обязанности, поэтому нам требуются надежные люди. Ты готов подвергнуться испытаниям?

— Готов.

— Храбрый ли ты человек?

— Да.

— Сделай шаг вперед, чтобы доказать это.

При этих словах он почувствовал, как два острия надавили ему на глаза, так что казалось,

сделать шаг вперед, значило лишиться обоих глаз. Однако он взял себя в руки и решительно шагнул навстречу опасности. Два острия мгновенно исчезли. Послышался тихий гул одобрения.

— Да, он храбр, — сказал голос. — Ты способен переносить боль?

— Не хуже других, — ответил Макмердо.

— Испытайте его!

Он еле удержался от того, чтобы не заорать: его оголенную правую руку пронзила страшная боль. Он едва не лишился сознания, но прикусил губу, сжал кулаки и не показал виду.

— Могу вытерпеть и больше, — выговорил он.

На этот раз все шумно зааплодировали. Так великолепно у них еще никто не выдерживал вступительного испытания. Его шлепали по спине, сорвали колпак с головы. Он стоял среди поздравляющих, хлопал глазами и улыбался.

— Еще одно, последнее слово, брат Макмердо, — сказал Макгинти. — Ты уже дал клятву хранить тайну и верность, понимаешь ли ты, что расплата за ее нарушение — неотвратимая и немедленная смерть?

— Да, — ответил Макмердо.

— И ты принимаешь власть того, кто будет над

тобой мастером, что бы ни случилось?

— Да.

— Тогда от имени ложи 341 в Вермиссе я приветствую тебя и приглашаю разделить ее привилегии. Вино на стол, брат Сканлан, и выпьем за нашего достойного брата!

Новому брату вернули сюртук, но прежде чем надеть его, он осмотрел свою правую руку, причинявшую ему сильную боль. На коже выше запястья горел круг и в нем треугольник — след, прожженный железным клеймом. Кое-кто из соседей по столу завернули рукава и показали ему такие же клейма.

— Оно есть у нас у всех, — сказал один. — Но не все выказали такую стойкость, как ты, когда его получали.

— Пустяки, — отмахнулся Макмердо; но на самом деле рука страшно болела.

Когда было выпито вино по случаю приема нового члена, приступили к насущным делам ложи. Макмердо, знакомый только с простыми чикагскими делами, слушал, развесив уши и испытывая глубокое изумление, которое он старался не показывать.

— Первый пункт в повестке, — начал Макгинти. — Читаем письмо от мастера Уиндла из графства

Мертон, ложа 249. Вот что он пишет: «Дорогой сэр! Надо кое-что предпринять с Эндрю Рэем из компании ‘Рэй и Стермаш, местные шахтовладельцы’. Ваша ложа, как помнится, задолжала нам услугу за услугу, ведь к вам прошлой осенью были направлены два брата по делу участкового полицейского. Пришлите двоих крепких ребят, пусть доложатся казначею нашей ложи Хиггинсу, адрес которого вам известен. Он укажет, когда приступать и где. Ваш брат по свободе Дж. У. Уиндл, М. Л. О. Св. Р.». Уиндл ни разу не отказывал нам, если мы просили прислать одного-двух человек, так что и нам не пристало отказывать ему в просьбе. — Макгинти умолк и обвел помещение тусклыми злыми глазами. — Ну, кто вызовется на это дело?

Подняли руки несколько парней. Мастер ложи оглядел всех, одобрительно ухмыляясь.

— Ты пойдешь, Тигр Кормак. Если управишься так же ловко, как прошлый раз, будешь молодцом. И ты, Уилсон.

— У меня нет револьвера, — пожаловался доброволец, совсем еще зеленый юнец.

— Это твой первый выход, верно? Рано или поздно каждому надо принять крещение кровью. Славное будет начало. Ну а револьвер тебя

дожидается. На место вам следует явиться в понедельник, времени будет достаточно. А по возвращении вас ждет самый горячий прием.

— А вознаграждение на этот раз полагается? — спросил Кормак, темнолицый, грубый парень, получивший за зверский нрав прозвище Тигр.

— Вознаграждение ни при чем, — ответил Макгинти. — Это дело чести, и, может быть, когда вернешься, на дне общего ящика найдется несколько лишних долларов.

— А в чем он виновен, этот человек? — задал вопрос юный Уилсон.

— Ну, это уж не твоего ума дело — интересоваться, в чем он виновен. Его приговорили в 249-й ложе. А нас это не касается. От нас, раз они просят, требуется только привести приговор в исполнение. И кстати сказать, на той неделе к нам прибудут двое из мертонской ложи, чтобы обделать одно дельце в наших местах.

— Кто такие? — поинтересовался один из присутствующих.

— Лучше не знать. Кто ничего не знает, тот и показать ничего не сможет, и никакого вреда из этого не произойдет. Но люди они надежные и работу, коли берутся, делают чисто.

— Давно пора! — воскликнул Тед Болдуин.

— Тут народ совсем от рук отбился. Вот только на прошлой неделе десятник Блейкер рассчитал троих наших людей. Он давно напрашивается и теперь получит по заслугам.

— Получит — что? — шепотом осведомился у соседа Макмердо.

— Как что? Заряд дроби! — расхохотался тот. — Нравятся тебе, брат, наши методы?

Криминальная душа Макмердо уже прониклась духом этого подлого сборища, членом которого он теперь стал.

— Нравятся вполне, — ответил он. — Подходящие методы для человека с характером.

Кое-кто из сидевших поблизости, услышав эти слова, громко выразил одобрение.

— В чем дело? — крикнул черногривый мастер ложи с другого конца стола.

— Да вот, наш новый брат, сэр, одобряет наши методы.

Макмердо тут же вскочил и провозгласил:

— Хочу сказать, достопочтенный мастер, если потребуется исполнитель, я почел бы за честь быть избранным для дела!

Все радостно загудели.

— Выдвигаю предложение, — произнес сидевший рядом с председателем секретарь Харрауэй,

похожий на сивобородого стервятника, — чтобы брат Макмердо повременил, покуда ложа не сочтет нужным прибегнуть к его услугам.

— Ну да, я это и говорю: отдаю себя в ваши руки, — отозвался Макмердо.

— Твой срок придет, брат, — сказал ему председатель. — Мы взяли тебя на заметку как добровольца и верим, что ты еще отличишься в наших краях. У нас тут есть одно небольшое дельце, и ты можешь принять в нем участие, коль будет охота.

— Я лучше подожду чего-нибудь посерьезнее.

— Ну, все равно, можешь прийти к ночи, посмотришь своими глазами, за что мы стоим. Об этом позже. А пока, — он заглянул в повестку дня, — собрание еще должно обсудить два или три пункта. Во-первых, вопрос к казначею: что у нас на банковском счете? Надо назначить пенсию вдове Карнауэя. Он погиб, выполняя работу для ложи, и наша обязанность позаботиться о том, чтобы вдова не испытывала нужды.

— Джим получил пулю в лоб месяц назад при попытке убить Честера Уилкокса в поселке Марли-Крик, — пояснил Макмердо сосед.

— В настоящее время на счете сумма немалая, — доложил казначей, заглядывая в банковскую

книжку. — Фирмы не скупились на взносы. «Макс Линдер и К°» выплатили пять сотен за то, чтобы их оставили в покое. «Братья Уокеры» прислали сотню, но я взял на себя смелость вернуть ее назад и потребовать пятьсот. Если до среды ответа не будет, у них может выйти из строя подъемный механизм. В прошлом году нам пришлось спалить их дробилку, чтобы они заговорили по-другому. Внесла ежегодный взнос Западная угольная компания. Так что у нас на руках сейчас достаточно, чтобы расплатиться по всем обязательствам.

— А как насчет Арчи Суиндона? — спросил кто-то.

— Этот продал дело и покинул наши края. Оставил записку, старая скотина, что лучше свободным мести улицы в Нью-Йорке, чем владеть шахтой под властью банды вымогателей. Пусть благодарит Бога, что успел смыться, прежде чем мы получили эту записку. Надо думать, в эту долину он больше носа не сунет.

С противоположного председательскому конца стола поднялся пожилой бритый мужчина с добрым лицом и широким лбом.

— Мистер казначей, — обратился он к докладчику, — можно спросить? Кто приобрел собственность этого человека, которого мы заста-

вили покинуть здешние места?

— Да, брат Моррис. Она была куплена Железнодорожной компанией штата и графства Мертон.

— А кто купил шахты Тодмена и шахты Ли, попавшие на рынок таким же образом в прошлом году?

— Та же компания, брат Моррис.

— А кем приобретены чугуноплавильные заводы Мэнсона, Шумана, Ван Деера и Атвуда, которые тоже были вынуждены закрыть свои предприятия в последние годы?

— Эти заводы были скуплены Вест-Гилмертонской компанией «Дженерал Майнинг компани».

— Я не понимаю, брат Моррис, — вмешался председатель, — какое нам дело, кто их купил, ведь из здешних краев они их не вывезут?

— Со всем моим уважением позвольте заметить, досточтимый мастер ложи, думаю, для нас это имеет большое значение. Вот уже десять долгих лет мы постепенно выживаем отсюда мелких предпринимателей. И каков результат? Их сменяют крупные компании, вроде Железнодорожной или «Дженерал айрон», чьи директора живут в Нью-Йорке или Филадельфии и недоступны нашим угрозам. Мы, правда, можем собирать дань с местных управляющих, но это приведет только

к тому, что их отзовут и взамен пришлют других. Кроме того, мы ставим себя в опасное положение. Люди маленькие не могут причинить нам вреда, у них нет на это ни денег, ни влияния. Если мы не будем выдаивать их досуха, они останутся в нашей власти. Но стоит этим компаниям-гигантам раскусить, что мы мешаем им получать законные доходы, и они не пожалеют ни денег, ни усилий, чтобы выследить нас и привлечь к суду.

После этой зловещей речи за столом воцарилась тишина, собравшиеся испуганно переглядывались. Члены ложи ощущали себя такими всемогущими и неуязвимыми, что мысль о возможной расплате просто не приходила им в голову. Теперь же похолодели все, включая самых безрассудных.

— Мое мнение, — продолжал оратор, — нам следует уменьшить давление на малых предпринимателей, ибо в тот день, когда будет изгнан последний из них, могуществу нашей организации придет конец.

Неприятные истины никого не радуют. Моррис сел. Раздались сердитые возгласы. И тут с нахмуренным челом поднялся Макгинти.

— Брат Моррис, — произнес он, — ты всегда брюзжишь и каркаешь. До тех пор пока члены

этой ложи стоят друг за друга, нет такой силы в Соединенных Штатах, которая бы нас одолела. Разве мало было судебных процессов, когда мы могли в этом убедиться? Думаю, что крупные компании тоже придут к выводу, что выгоднее платить, чем драться. Ну а теперь, братья, — он снял черную шапочку и шарф, — вопросы на сегодня исчерпаны, осталось только одно маленькое дельце, о котором успеется, когда будем расходиться. Настало время гармонии и братских возлияний.

Странно устроен человек. В зале сидели люди, для которых убийство — привычное дело, которые без тени сожаления лишали жизни ничем перед ними не провинившегося отца семьи, не задумываясь о судьбе бедной вдовы и малых деток, — и тем не менее, слыша горестную, заунывную песню, они были способны проливать слезы. У Макмердо был неплохой тенор, он уже и так завоевал расположение ложи, но теперь он потряс души братьев балладами «Я жду у калитки, Мэри» и «На берегу Аллан-реки», и все прониклись к нему безоговорочной симпатией.

Так вышло, что новичок в первый же вечер стал одним из самых популярных членов ложи, которому будущее сулило славную карьеру и

высокие посты. Однако, чтобы добиться видного положения в ложе, одного всеобщего расположения было мало, требовалось еще кое-что, в чем ему пришлось убедиться прежде, чем окончился вечер. Бутылка с виски несколько раз обошла братьев по кругу, народ разгорячился и был готов на все, когда мастер ложи снова встал и обратился к присутствующим с еще одной речью.

— Ребята, — сказал он, — в нашем городе есть один человек, который давно напрашивается, чтобы его научили хорошим манерам, и сделать это должны вы. Я имею в виду Джеймса Стейнджера из «Вестника». Опять он разинул на нас пасть, читали?

В подтверждение поднялся гул голосов, кто-то выругался. Макгинти вынул из жилетного кармана листок.

— «Закон и порядок», вот как он озаглавил свое сочинение. «В краю угля и железа правит страх. Прошло двенадцать лет с тех пор, как первые убийства показали нам, что в нашем городе орудует преступная организация. С того времени злодеяния не прекращались, а только умножались, пока не достигли такого размаха, что мы стали позорищем цивилизованного мира. Неужели для этого наша великая страна зовет

к себе чужеземцев, спасающихся от европейского деспотизма? Чтобы они здесь стали сами тиранить людей, давших им приют, чтобы беззаконие и терроризм воцарились под священной сенью звездного флага свободы и чтобы здесь установился такой же режим, как в какой-нибудь умирающей восточной монархии? Люди эти нам известны. Организация их имеет официальный общественный статус. Доколе же мы будем ее терпеть? Неужели нам всю жизнь...» Ну и так далее, довольно слушать эту мерзость! — Председатель швырнул газету на стол. — Вот как он о нас пишет! Я спрашиваю вас, что мы ему ответим?

— Убьем его! — раздался хор свирепых голосов.

— Я протестую, — произнес брат Моррис, человек с бритым лицом и широким лбом. — Говорю вам, братья, мы слишком жестоко правим в этой долине, еще немного, и люди объединятся для самозащиты, чтобы нас уничтожить. Джеймс Стейнджер — старый человек, почитаемый и в городе, и в районе. Его газета отстаивает интересы всех уважаемых жителей Вермиссы. Если этот человек будет убит, по всему штату поднимется возмущение, и дело кончится нашей гибелью.

— И как же это они навлекут на нас гибель, мистер Мое-Дело-Сторона? — крикнул ему Мак-

гинти. — Кто это сделает? Полиция? Так ведь половина полицейских у нас на содержании, а вторая половина перед нами трепещет. Или, может быть, присяжные заседатели и городской судья? Но разве этот способ уже не испробован? И что выходило?

— В городе есть судья Линч, он может взяться за это дело, — сказал брат Моррис.

Его слова были встречены взрывом негодования.

— Да мне довольно пошевелить мизинцем, — возразил Макгинти, — и две сотни людей явятся сюда и очистят город вплоть до самых окраин. — Он вдруг грозно нахмурил свои лохматые черные брови и продолжил громким голосом: — Слушай меня, брат Моррис! Я уже давно к тебе приглядываюсь. Ты не боец и норовишь погасить боевой пыл в остальных. Смотри, настанет для тебя черный день, когда твое имя появится в повестке нашего схода, и сдается мне, дело к тому идет.

Моррис побледнел как смерть, и, должно быть, колени у него подогнулись, потому что он упал на стул. Дрожащей рукой поднеся ко рту стакан, он сделал несколько глотков, прежде чем смог ответить:

— Приношу извинения, досточтимый мастер

ложи, тебе и всем братьям за то, что наговорил лишнего. Я верный член нашей ложи, вы все знаете это, и только беспокойство о благе ложи побудило меня произнести такие тревожные речи. Но я больше доверяю твоему мнению, досточтимый мастер, чем своему собственному, и даю слово, что больше это не повторится, таких речей вы от меня не услышите.

Мастер ложи выслушал эти покаянные слова, и его насупленное чело разгладилось.

— Ну и прекрасно, брат Моррис. Мне и самому было бы жаль, если бы пришлось дать тебе урок. Пока я сижу в этом кресле, наша ложа останется крепко спаянной. А вам, ребята, — обратился он к сидящим за столом, — скажу, что действительно, если Стейнджер получит по заслугам, будет столько шума, что это не в наших интересах. Журналисты такой народ, стоят стеной друг за друга, и все газеты в штате подымут крик, чтобы вызвать сюда войска и полицейские силы. Так что пусть он просто получит серьезное предостережение и прочувствует хорошенько, чем тут пахнет. Берешься это организовать, брат Болдуин?

— А как же! — горячо воскликнул молодой человек.

— Сколько тебе понадобится людей?

— Полдюжины да еще двое — стоять на стреме. Пойдешь ты, Гауер, и ты, Мэнсел, и ты, Сканлан, и оба Уиллоуби.

— Я обещал новому брату, что он примет участие, — сказал председатель.

Тед Болдуин бросил взгляд на Макмердо, ясно показывающий, что он ничего не забыл и ничего не простил.

— Пожалуйста, пусть и он идет, если хочет. Этого будет довольно. Чем скорее приступим к делу, тем лучше.

Свободные Работники с шумными возгласами, с гоготом и обрывками песен гурьбой ринулись в бар. Там уже было полно посетителей. А маленький отряд, назначенный на дело, выскользнул наружу и двинулся по улице, однако не вместе, а врассыпную, чтобы не привлекать внимание. Ночь была холодная, на усеянном звездами морозном небе сиял полумесяц. Собрались во дворе большого дома. Окна дома были ярко освещены, между окнами на стене блестели золотые буквы вывески: «Вермисский вестник». Изнутри доносился лязг работающей печатной машины.

— Эй, ты, — обратился Болдуин к Макмердо, — останешься стоять внизу у входа, следи, чтобы обратный путь был свободен. Ты и с тобой Артур

Уиллоуби. Остальные — за мной. Не беспокойтесь, ребята, у нас есть десяток свидетелей, что мы сейчас выпиваем в «Юнион-баре».

Была уже почти полночь, на пустынной улице лишь редкий гуляка плелся домой после поздней попойки. Болдуин толкнул дверь редакции, и все побежали вверх по лестнице. Макмердо и еще один «свободный работник» остались сторожить у порога. Сверху послышались крики о помощи, топот, грохот опрокидываемых стульев. На площадку выбежал седоволосый мужчина.

Его тут же схватили, по ступеням к ногам Макмердо скатились очки. Удар, глухой стон. Мужчина упал ничком, полдюжины палок обрушились на его спину. Его длинные ноги дергались под ударами. Потом помощники Болдуина отступились, и только он один с дьявольской ухмылкой продолжал орудовать палкой, норовя угодить редактору по голове, которую тот напрасно пытался прикрыть локтями.

— Ты же его убьешь. Брось палку, — крикнул Макмердо, отталкивая его от лежащего.

Болдуин изумленно оглянулся.

— Ты? Чтоб тебе провалиться! Ты же новенький в ложе — а ну, отойди!

Он замахнулся палкой, но Макмердо выхватил

из кармана револьвер.

— Сам отойди! — крикнул он. — Я выстрелю тебе в физиономию, если посмеешь ко мне прикоснуться! А что до ложи, то разве мастер не запретил его убивать? Ты же бьешь так, чтобы убить.

— А что, он правду говорит, — сказал один из «свободных работников».

— Эй! Убегаем! — крикнул тот, кто вместе с Макмердо караулил внизу. — На улице зажигаются окна, и через несколько минут против нас будет весь город.

Действительно, на улице слышались крики, а в нижнем коридоре собралась группа печатников и наборщиков, готовясь вступить в драку. Преступники, бросив на лестничной площадке недвижное тело своей жертвы, кубарем скатились вниз и со всех ног помчались по улице. Очутившись в Доме Союза, одни поспешили смешаться с толпой посетителей и шепотом доложили боссу, что все сошло как нельзя лучше. Другие же, и Макмердо в том числе, свернули в переулки, а затем кружными путями добрались к себе домой.

Глава 4
Долина страха

Проснувшись наутро, Макмердо не мог не вспомнить все подробности своего вступления в 341-ю ложу. Голова болела от избыточных возлияний, клейменая рука воспалилась и распухла. Обладая собственным незаконным источником дохода, Макмердо мог позволить себе иногда не появляться на работе. Без спешки позавтракав, он остался дома и все утро писал длинное письмо другу. Потом развернул газету «Вермисский вестник». Взгляд его упал на специальную колонку, вставленную в последнюю минуту: «Налет на редакцию «Вестника». Главный редактор серьезно пострадал». Дальше следовало краткое изложение событий, которые ему были известны лучше, чем автору заметки. Кончалась она так:

«Теперь дело в руках полиции; однако едва ли можно ожидать, что усилия полицейских увенчаются бóльшим успехом, чем в предыдущих случаях. Кое-кто из налетчиков был опознан, и есть все основания для обвинительного приговора. Но вина за это злодеяние лежит, разумеется, на преступной организации, которая уже давно

подчинила себе всю округу и против которой так решительно выступила наша газета. Многочисленные друзья мистера Стейнджера будут рады узнать, что, несмотря на жестокие побои и полученные ранения головы, жизнь его вне опасности».

Ниже сообщалось, что для охраны редакции приглашен полицейский наряд, вооруженный винчестерами.

Макмердо положил газету и попытался раскурить трубку, держа огонь в дрожащей после вчерашних излишеств руке. В это время в дверь постучали, и хозяйка принесла ему записку, только что доставленную с посыльным мальчишкой. Записка была без подписи и содержала всего несколько строк:

«Мне надо поговорить с Вами, но лучше не у Вас дома. Вы найдете меня у мачты на Миллеровом холме. Приходите, если можете, прямо сейчас, у меня имеется сообщение, которое Вам будет важно узнать, а мне важно сообщить».

Удивленный Макмердо прочитал записку два раза подряд и ничего не понял. Кто ее написал и что это значит? Будь она написана женской рукой, он бы мог усмотреть тут начало одной из тех интрижек, которые были хорошо ему знакомы

по прошлой жизни. Но писал мужчина, притом образованный. Наконец, после некоторых колебаний, Макмердо принял решение выяснить, в чем дело.

На Миллеровом холме в самом центре города раскинулся городской парк. Летом это было любимое место отдыха горожан, но в зимнюю пору он заброшен и неприютен. С холма открывался широкий вид не только на хаотически раскиданные, закопченные городские строения, но и дальше, на долину с разбросанными там и сям шахтами и заводами, от которых почернели снега на ее склонах, и на обступившие ее с обеих сторон лесистые горы с белыми вершинам.

Макмердо шагал по узкой обсаженной кустами дорожке, которая привела его к заколоченному на зиму ресторану, превращавшемуся летом в центр народного гулянья. Рядом высился флагшток, а под ним стоял человек в надвинутой на лицо шляпе и в пальто с поднятым воротником. Он повернулся навстречу идущему, и Макмердо узнал брата Морриса, который накануне вечером навлек на себя гнев мастера ложи. Они сошлись и обменялись условными знаками.

— Я хотел кое о чем поговорить с вами, мистер Макмердо, — произнес старший, и по его неуве-

ренному тону можно было понять, что дело, о котором он намеревается говорить, очень деликатное. — Спасибо, что вы пришли по моему зову.

— Почему вы не поставили на записке свое имя?

— Из осторожности, мистер. В наше время нельзя предугадать, как что может аукнуться. И неизвестно, кому можно доверять, а кому нет.

— Но собратьям-то по ложе можно доверять.

— Нет, совсем не всегда! — горячо возразил Моррис. — Все, что мы говорим, даже что думаем, становится известно этому субъекту, Макгинти.

— Послушайте, — остановил его Макмердо, — я только накануне вечером, как вам хорошо известно, дал клятву верности мастеру нашей ложи. Вы что же, хотите, чтобы я ее нарушил?

— Если вы так на это смотрите, — сокрушенно проговорил Моррис, — то, значит, я напрасно затруднил вас просьбой встретиться со мной. Весьма сожалею. Плохо наше дело, если два свободных гражданина не могут высказать друг другу то, что думают.

Глядя ему в лицо, Макмердо произнес уже не столь воинственно:

— Я ведь говорил только о себе. Я, как вы знаете,

в этих краях человек новый и в здешних делах еще не слишком разбираюсь. Так что не мне судить да рядить, но если вы желаете чем-то поделиться со мной, я с готовностью вас выслушаю.

— А потом донесете боссу Макгинти! — горько усмехнулся Моррис.

— Нет, тут вы ко мне несправедливы! — воскликнул Макмердо. — Сам я верен ложе и об этом сказал вам прямо. Но я был бы жалким подлецом, если бы вздумал повторить кому-нибудь то, что сказано мне доверительно. Дальше меня это никуда не пойдет, хотя предупреждаю, может статься, что ни сочувствия, ни помощи вы от меня не получите.

— Я уже больше не жду ни того, ни другого, — сказал Моррис. — Возможно, я рискую жизнью, говоря с вами. Но как бы ни были вы развращены — а вчера вечером мне показалось, что вы скоро станете не лучше остальных, — но все-таки вы новичок и ваша совесть не успела еще так задубеть, как у этих людей. Вот почему я решил поговорить с вами.

— Ну так говорите.

— Если вы предадите меня, да падет проклятье на вашу голову!

— Я же сказал, что не предам.

— В таком случае хочу спросить: приходило ли вам хоть на минуту в голову, что, вступая в Чикаго в Общество Свободных Работников, вы становитесь на дорогу, которая приведет вас к преступлению?

— Если можно это называть преступлением, — ответил Макмердо.

— Можно ли! — воскликнул Моррис, и голос его дрогнул. — Значит, вы еще мало видели, если у вас это вызывает сомнение. Разве не преступление было совершено вчера, когда человека, годящегося вам в отцы, избили так, что кровь текла у него по седым волосам? Как вы это назовете, если не преступлением?

— Кое-кто сказал бы, что это война, — ответил Макмердо. — Война двух классов, война без правил, в которой каждый сражается как может.

— А вы готовы были к этому, когда вступали в Чикаго в Общество Свободных Работников?

— Нет, признаюсь.

— И я не был к этому готов, когда вступал в Филадельфии. У нас был просто клуб взаимопомощи и место встречи друзей. Но потом я узнал про Вермиссу — да будет проклят тот час, когда я впервые услышал это имя! — и решил перебраться сюда ради лучшей жизни! Бог мой! Лучшей

жизни! Жена и трое детей приехали со мной. Я открыл торговлю галантерейными товарами на Маркет-сквер, и поначалу дело пошло хорошо. Но стало известно, что я член Общества Свободных Работников, и меня заставили вступить в здешнюю ложу, как вы вступили прошлой ночью. У меня на руке выжжено клеймо позора и еще худшее клеймо — на сердце. Я попал во власть подлого злодея, запутался в сетях преступлений. Что я мог сделать? Каждое мое возражение рассматривалось как измена, вы сами это видели вчера. Уехать я не могу, все, чем я владею на земле, это моя лавка. Если я выйду из ложи, меня наверняка убьют, и что тогда станется с женой и детьми? О господи, как все ужасно, ужасно!

Он закрыл лицо руками. Грудь его содрогалась от беззвучных рыданий.

Макмердо пожал плечами.

— У вас не хватает боевого духа для такой работы, это дело не для вас, — сказал он.

— У меня есть совесть и есть вера. А эти люди превратили меня в преступника. Меня выбрали для одного темного дела. Я знал, что со мной будет, если откажусь. Может быть, я трус. Может быть, мысль о жене и детях лишает меня храбрости. Словом, я согласился. И никогда, до

смертного часа, этого не забуду. Дом стоял на отшибе в двадцати милях отсюда, за перевалом. Меня поставили сторожить у двери, как тебя вчера. Остальные вошли в дом. А когда вышли, их руки были по локоть в крови. Когда мы отъезжали, из дома доносились рыдания ребенка — это заходился в плаче пятилетний мальчик, на глазах у которого убили отца. Я чуть не потерял сознание от ужаса, но надо было выглядеть веселым и улыбаться. Ведь я знал, что в противном случае в следующий раз они выйдут с окровавленными руками из моего дома и плакать по своему отцу будет мой маленький Фред. Но я уже был преступник, соучастник убийства, навсегда погибший для этого мира и для мира иного. Я добрый католик, но патер, услышав, что я — «метельщик», не пожелал со мной разговаривать, я отлучен от моей церкви. Вот так обстоит дело со мной. Но я вижу, что и вы встали на ту же дорогу, и я спрашиваю вас: чем это все кончится? Готов ли вы стать еще одним хладнокровным убийцей или можно что-то сделать, чтобы положить этому конец?

— А что тут сделаешь? — прервал молчание Макмердо. — Не собираетесь же вы донести?

— Боже упаси, — ответил Моррис. — Одна

мысль об этом стоила бы мне жизни.

— И то хорошо, — сказал Макмердо. — Думаю, просто вы человек слабодушный и все преувеличиваете.

— Преувеличиваю? Поживи тут подольше, сам убедишься. Посмотри на долину. Видишь, как дым из сотни труб тучей навис над домами? Вот так же, только еще чернее и ниже, висит над людьми туча убийств. Вермисса — Долина страха, Долина Смерти. Ужас днем и ночью царит в сердцах. Подожди немного, молодой человек, и ты все увидишь своими глазами.

— Хорошо, я сообщу вам свое мнение, когда присмотрюсь получше, — спокойно отозвался Макмердо. — А вот что ясно уже сейчас: здешняя жизнь — не для вас, чем скорее вы продадите свою лавку, пусть хоть за десятую долю настоящей цены, тем будет для вас лучше. О том, что вы мне говорили, от меня никто не узнает; но если доносчиком окажетесь вы, клянусь Богом!..

— Нет, нет! — горячо воскликнул Моррис.

— Ладно, оставим это. Я запомню все, что услышал от вас, и как-нибудь на досуге об этом подумаю. Я понимаю, вы желаете мне добра. Ну а теперь я пойду домой.

— Еще одно слово, прежде чем ты уйдешь, — за-

держал его Моррис. — Нас могли видеть вместе. И могут спросить, о чем мы разговаривали.

— Верно! Хорошо, что вы об этом подумали.

— Я предлагал тебе место бухгалтера в моем магазине.

— Да, а я отказался. Об этом и шла у нас речь. Ну, всего доброго, брат Моррис, и желаю вам в будущем перемены к лучшему.

В тот же вечер Макмердо, погруженный в размышления, сидел с трубкой у печки в своей комнате, как вдруг дверь распахнулась и проем заполнила мощная фигура босса Макгинти. Обменявшись с хозяином условными знаками, он уселся против него и молча устремил на него твердый взгляд, который тот встретил взглядом не менее твердым.

— Я не из тех, кто является с визитами, брат Макмердо, — произнес он наконец. — Мне хватает дел с теми, кто является ко мне. Но на сей раз я решил изменить своему правилу и посетить тебя в твоем доме.

— Я горжусь, что вижу вас здесь, советник, — приветливо отозвался Макмердо, ставя на стол бутылку виски. — Я не ожидал такой чести.

— Как рука? — справился босс.

Макмердо поморщился.

— Забыть себя не дает, — ответил он. — Но дело того стоит.

— Дело стоит того для тех, кто хранит верность и не сходит с прямой дороги, заботясь о благе ложи. Про что вы толковали с Моррисом нынче утром на Миллеровом холме?

Вопрос прозвучал совершенно неожиданно, хорошо, что у Макмердо был готов на него ответ. Весело рассмеявшись, он объяснил:

— Моррис не знал, что у меня есть способ зарабатывать, не выходя из дома. Не знал и не узнает; уж слишком он совестливый, не чета таким, как я. Но он добрый старик. Решил, что я не могу найти работы и он окажет мне услугу, предложив место бухгалтера в своей галантерейной лавке.

— Ах, вот оно что.

— Ну да.

— А ты отказался?

— Понятное дело. Я же могу зарабатывать у себя в комнате в десять раз больше и всего за четырехчасовой рабочий день.

— Твоя правда. Но я бы не советовал тебе слишком близко сходиться с Моррисом.

— Это почему же?

— Ну, просто потому, что я так говорю. Для большинства людей в наших краях этого достаточно.

— Для большинства, может, и достаточно, но недостаточно для меня, советник, — храбро возразил Макмердо. — Если вы разбираетесь в людях, значит, знаете это сами.

Глаза темноликого великана свирепо блеснули, рука на мгновение сжала стакан, словно он собирался запустить им в голову собеседника. Но потом он громко и неискренно расхохотался.

— Ну ты и фрукт, — проговорил он, тряхнув шевелюрой. — Что ж, хочешь узнать почему, могу объяснить. Моррис говорил тебе дурное про ложу?

— Нет.

— А про меня?

— Тоже нет.

— Это потому, что он тебе пока еще не доверяет. Но в глубине души он предатель. Нам это отлично известно. И мы следим за ним, чтобы при случае дать острастку. Это, как я понимаю, произойдет уже скоро. В нашей овчарне не место шелудивой овце. И если ты будешь водить дружбу с тем, у кого в сердце нет верности, мы можем подумать, что ты тоже предатель, понятно?

— Дружба с этим человеком мне не угрожает, — ответил Макмердо, — потому как он мне не по душе. А что до предательства, скажи это не вы, а

любой другой, второй раз назвать меня так ему бы не пришлось.

— Ну ладно, будет. — Макгинти осушил стакан. — Я хотел предостеречь тебя заблаговременно, и ты мое предостережение слышал.

— Интересно было бы узнать, — сказал Макмердо, — каким образом вам вообще стало известно, что я разговаривал с Моррисом?

Макгинти рассмеялся.

— Это мое дело — знать, что происходит в городе. И запомни: до меня все доходит. Тебе же лучше будет. Ну, мне пора. Скажу только на прощанье…

Но прощанье это было прервано самым неожиданным образом. Дверь с грохотом распахнулась, и они очутились лицом к лицу с тремя полицейскими. Макмердо вскочил и потянулся было за револьвером, но рука его повисла в воздухе — он увидел, что на него направлены дула двух винчестеров. Третий полицейский с шестизарядником в руке вышел на середину комнаты. Макмердо узнал капитана Марвина, прежде служившего в чикагской полиции, а теперь входящего в охрану шахт. Он усмехнулся, глядя на Макмердо, и покачал головой.

— Так и знал, что вы мне попадетесь, мистер мошенник Макмердо из Чикаго, — проговорил

он. — Не можете удержаться от соблазна, а? Надевай шляпу и пойдем с нами.

— Вы поплатитесь за это, капитан Марвин, — сказал Макгинти. — Кто вы такой, хотелось бы мне знать, что врываетесь в частные дома и досаждаете честным, законопослушным гражданам?

— Вы здесь ни при чем, советник Макгинти, — ответил полицейский капитан. — Мы явились не за вами, а вот за этим человеком, за Макмердо. Вам бы следовало помогать, а не препятствовать нам в исполнении нашего долга.

— Он мой друг, и я за него ручаюсь, — заявил босс.

— Вам, мистер Макгинти, похоже, самому скоро придется держать ответ за свои действия, — сказал капитан. — Этот Макмердо как был мошенником до того, как приехал сюда, так мошенником и остался. Держи советника под прицелом, патрульный, пока я разоружу этого.

— Пожалуйста, вот мой револьвер, — холодно проговорил Макмердо. — Я думаю, капитан Марвин, окажись мы с вами с глазу на глаз, вы бы меня так легко не скрутили.

— Где ваш ордер на арест? — негодовал Макгинти. — Ей-богу, можно подумать, что мы живем не в Вермиссе, а где-нибудь в России, раз в полиции

у нас такие люди, как вы. Это капиталистическое беззаконие, и мы еще к этому вернемся, вот увидите!

— Выполняйте свой долг, как вы его понимаете, советник, а мы будем выполнять свой.

— В чем я обвиняюсь? — спросил Макмердо.

— В том, что принимал участие в избиении старого Стейнджера, редактора газеты «Вестник». И не твоя заслуга, что не в убийстве.

— И это все? — со смехом переспросил Макгинти. — Ну так можете не трудиться понапрасну и топать домой. Этот человек был у меня в салуне, играл в покер до полуночи, я могу предоставить дюжину свидетелей.

— Это уж ваша забота, завтра в суде вы, я думаю, все уладите. А пока пошли, Макмердо, пошли подобру-поздорову, если не хочешь получить рукояткой револьвера по голове. Отойдите в сторону, мистер Макгинти, предупреждаю, я не потерплю сопротивления на своем дежурстве.

Вид у капитана Марвина был такой решительный, что Макмердо и его босс поневоле подчинились. Макгинти только успел на прощанье шепнуть арестованному:

— А как с этим делом? — и показал большим пальцем вверх, намекая на фальшивомонетный

станок.

— С этим порядок, — ответил Макмердо, так как он прятал станок под половицами.

— Я пока прощаюсь, — Макгинти пожал ему руку. — Повидаю адвоката Рейли, а расходы возьму на себя. Верь моему слову, им тебя не посадить.

— Ну, это еще как сказать, — отозвался капитан. — Сторожите задержанного вы двое и стреляйте, если начнет чудить. А я, прежде чем мы отсюда выйдем, произведу обыск.

Он исполнил свое намерение, но станка так и не обнаружил. Наконец Марвин спустился, и трое полицейских под конвоем повели Макмердо в полицейский участок. Уже стемнело, вьюга хлестала в лицо, прохожих на улицах почти не было. Но все-таки собралось несколько зевак, которые шли следом за ними и, расхрабрившись в темноте, на чем свет стоит честили арестанта.

— Линчевать проклятого «метельщика»! Расправимся с ним своим судом! — кричали ему.

Хохот и насмешки раздавались у него за спиной, пока полицейские не втолкнули его в дверь участка. Дежурный инспектор коротко допросил его и отправил в общую камеру. Там Макмердо встретил Болдуина и троих остальных участников вчерашнего налета. Все они утром должны

были предстать перед судом.

Но длинная рука Союза Свободных Работников сумела дотянуться и в эту цитадель закона. Попозже ночью тюремщик принес ворох соломы для подстилки, а под соломой оказались две бутылки виски, стаканы и колода карт. И ночь прошла весело, ни у кого и в мыслях не было беспокоиться о том, что ждет их завтра.

Да и не было причины беспокоиться, как показало утро. Судья не мог направить дело в высшую инстанцию на основании тех свидетельских показаний, которые были получены. С одной стороны, печатники и наборщики признали, что помещение было освещено очень слабо, что все ужасно разволновались и не могут под присягой опознать налетчиков, но им кажется все-таки, что обвиняемые входили в их число. На перекрестном допросе, проведенном умелым адвокатом, которого нанял Макгинти, они высказывались еще неувереннее.

Пострадавший редактор сразу же заявил, что был слишком ошарашен внезапным нападением и ничего не может утверждать с определенностью, кроме того, что у человека, ударившего его первым, были усы. Он добавил, что, конечно, это были «метельщики», так как больше никто

в городе не может питать к нему вражду, а эти ему много раз угрожали за его откровенные передовые статьи. Но с другой стороны, шестеро горожан, включая муниципального советника Макгинти, не колеблясь, в один голос показали, что в тот самый вечер обвиняемые играли в карты в Доме Союза и ушли гораздо позже того часа, когда было совершено преступление.

Нечего и говорить, что их всех отпустили, да еще судья чуть ли не извинился перед ними за причиненное беспокойство и пожурил капитана Марвина и вообще полицию за излишнее рвение.

Судебный приговор был встречен громогласным одобрением публики, среди которой Макмердо приметил немало знакомых лиц. «Свободные работники» радостно улыбались и махали друг другу. Но были там и другие, которые сидели поджав губы и хмуро смотрели, как обвиняемые выходят из-за загородки, где сидели на скамье подсудимых. Один из этих недовольных, невысокий решительный чернобородый мужчина, когда бывшие арестанты проходили мимо, высказал то, что думал он сам, а с ним и его товарищи.

— Проклятые убийцы! — пробормотал он. — Мы

с вами еще разделаемся.

Глава 5
Черный час

Если было еще что-нибудь, что могло бы подогреть любовь товарищей к Джеку Макмердо, так это его арест и последующее освобождение. Чтобы новичок в первую же ночь, как его приняли в ложу, сделал что-то такое, из-за чего угодил под суд, это в истории их Общества еще не случалось. За ним уже закрепилась слава свойского парня, веселого выпивохи и вообще молодца, который не потерпит оскорбления даже от самого босса. Но вдобавок к тому он еще произвел на всех впечатление самого ловкого и сообразительного из всех «ребят», способного в два счета измыслить какой-нибудь хитроумный план и сам же его осуществить. «Вот парень для чистой работы», — говорили о нем старшие в ложе и только ждали момента, когда можно будет запустить его в дело.

У Макгинти было много послушных исполнителей, но этот, как он сам видел, превосходил всех. Хозяин словно держал на поводке свирепого охотничьего пса. Есть собачки попроще, чтобы делать простую работу, но рано или поздно он спустит

этого с поводка на большую дичь. Некоторые члены ложи, Тед Болдуин в их числе, завидовали его скорой славе и злились; но они старались держаться от Макмердо подальше, ибо он всегда готов был не только к забавам, но и к драке.

Но если среди собутыльников Макмердо добился большого успеха, то в другом, более важном для него деле терпел неудачу. Отец Этти Шафтер не желал иметь с ним ничего общего и в дом к себе больше не допускал. Этти, правда, была слишком влюблена, чтобы совсем от него отказаться, но здравый смысл предостерегал ее, что выходить замуж за человека, которого считают преступником, — беды не оберешься.

Однажды утром после бессонной ночи она решила повидаться с ним, быть может, в последний раз и сделать последнюю отчаянную попытку увести его от дурных губительных влияний. Она пришла в дом, где он жил и куда он много раз умолял ее прийти, и заглянула в гостиную. Макмердо сидел за столом, спиной к двери, писал письмо и не слышал, как дверь открылась. Вдруг поддавшись порыву девичьей шалости, ей было всего девятнадцать лет, она неслышно, на цыпочках подкралась и положила ладонь ему на плечо.

Если она хотела, чтобы он вздрогнул от неожи-

данности, ее желание исполнилось; но исполнилось настолько, что теперь вздрогнуть пришлось ей. Словно тигр, Макмердо обернулся в прыжке, и его правая рука оказалась на ее горле. Одновременно левая рука смяла лежавший на столе листок. Но в следующий миг изумление и радость сменили на его лице гримасу бешенства, бешенства такого свирепого, что бедная Этти, ничего подобного не видевшая за всю свою тихую жизнь, в ужасе отшатнулась.

— Это ты! — проговорил он и провел ладонью по лбу. — Подумать только, ко мне пришла ты, сокровище моей души, а я не нашел ничего лучше, как броситься душить тебя! Иди же сюда, моя милая, — позвал он, раскрыв объятия, — позволь мне искупить свою вину.

Но Этти еще не опомнилась от потрясения.

— Что с тобой, Джек? — спросила она. — Отчего ты так переполошился? О, Джек, если бы совесть твоя была чиста, ты бы не смотрел на меня так!

— Ну, конечно! Я думал совсем о другом, и вдруг ты неслышно приблизилась…

— Нет, нет, Джек, не только это, — она вдруг взглянула с подозрением. — Ну-ка покажи, что за письмо ты писал.

— Нет, Этти, не могу.

Подозрения ее перешли в уверенность.

— Значит, это письмо другой женщине! — горько воскликнула она. — Иначе зачем бы тебе скрывать его от меня? Уж не жене ли ты пишешь? Откуда мне знать, может, ты женат, человек ты здесь новый, кто за тебя поручится?

— Нет у меня жены, Этти. Ты для меня единственная на всем свете. Клянусь святым крестом!

Он говорил так страстно и так побледнел при этом, что она не могла ему не поверить.

— А если так, то почему бы тебе не показать мне это письмо?

— Я отвечу почему, моя красавица, — сказал он. — Я дал клятву, что никому его не покажу, и как для меня невозможно нарушить слово, данное тебе, точно так же я не могу обмануть доверие тех, кому дал эту клятву. Это дела ложи, они тайна даже от тебя. А что я испугался, когда почувствовал руку на своем плече, то разве ты не понимаешь? Это ведь могла быть рука сыщика.

Она чувствовала, что он говорит искренно. Он крепко обнял ее, поцелуями отгоняя страхи и подозрения.

— Сядь вот тут, подле меня. Это никудышный трон для такой королевы, но роскошнее у твоего

бедного Джека пока нет. Думаю, однако, что скоро заработаю для тебя и кое-что получше. Ну, теперь душа твоя спокойна, не правда ли?

— Как может моя душа быть спокойна, когда я знаю, что ты водишься с ворами и сам вор? Когда каждый день я боюсь услышать, что тебя схватили и судят за убийство? Макмердо — «метельщик», — так сказал вчера про тебя один из наших постояльцев. И эти слова пронзили мне сердце как острый нож.

— Слова — пустой звук.

— Да, но это правдивые слова.

— Поверь, дорогая, на самом деле все не так плохо, как кажется. Мы всего-навсего бедные работники и стараемся как можем защитить свои права.

Этти обняла его за шею.

— Брось их, Джек! Ради меня, ради Господа Бога, уйди из этой ложи! Я для того и пришла к тебе, чтобы просить об этом. Джек, о Джек, я заклинаю тебя, стоя на коленях! Смотри, я стою перед тобой на коленях и умоляю: брось все это!

Он поднял ее и стал успокаивать:

— Милая моя, дорогая, ты не знаешь, о чем просишь. Как я могу бросить все это, я же нарушу клятву и предам товарищей! Если бы ты

понимала мое положение, ты бы не стала об этом просить. К тому же, как бы я мог это сделать, даже если бы и захотел? Не думаешь же ты, что ложа отпустила бы на все четыре стороны своего члена, посвященного во все ее секреты?

— Я думала об этом, Джек. У меня есть план. Отец скопил кое-какую сумму. Ему осточертели эти места, где страх затмевает нашу жизнь. Он готов уехать. Мы сбежим отсюда втроем и поселимся в Филадельфии или в Нью-Йорке, где они не смогут до нас добраться.

Макмердо засмеялся.

— У ложи длинные руки. Думаешь, они не дотянутся до Филадельфии или Нью-Йорка?

— Тогда переберемся на Запад, или в Англию, или в Германию, откуда отец родом. Куда угодно, только бы вырваться из Долины страха!

Макмердо вспомнил старого Морриса.

— Второй раз слышу, что так называют Вермиссу, — сказал он. — Похоже, тень и вправду затмила иным из вас жизнь.

— Нет ни мгновенья, когда бы мы не ощущали угрозы. Думаешь, Тед Болдуин простил нас? Если бы он не боялся тебя, знаешь, какая судьба бы нас ждала? Видел бы ты, какими голодными черными глазами он на меня смотрит!

— Черт возьми, я научу его хорошим манерам, если только замечу за ним такое! Но ты пойми, девочка моя, уехать отсюда я не могу. Не могу, и баста, запомни это раз и навсегда. Но если ты предоставишь мне самому все устроить, я постараюсь найти способ, как выйти с честью из этого положения. Дай мне шесть месяцев, я подготовлю наш отъезд так, что смогу не стыдясь смотреть в глаза остальным.

Девушка радостно улыбнулась.

— Шесть месяцев! — воскликнула она. — Ты обещаешь?

— Ну, может быть, получится семь или восемь. Но не позже чем через год мы покинем эту долину.

Больше Этти ничего не смогла от него добиться. Но от сердца у нее все же отлегло.

Не следует думать, что ему, Макмердо, было теперь известно все, что делалось в тайном обществе. Он скоро убедился, что их организация гораздо шире и сложнее, чем простая ложа. Даже босс Макгинти был посвящен далеко не во все; над ним стоял так называемый Делегат от графства, который жил в поселке Хобсон-Пэтч и имел право командовать несколькими ложами исключительно по своему усмотрению. Макмердо

видел его лишь однажды — маленький, ушлый крыса-человечек, волосенки седые, ходит словно крадучись и поглядывает искоса, ядовито. Звался он Эванс Потт, и даже могущественный босс Вермиссы, похоже, испытывал к нему отвращение.

Однажды на имя Сканлана, жившего в том же доме, что и Макмердо, пришло письмо от Макгинти, а в нем была вложена записка от Эванса Потта с уведомлением, что он шлет в Вермиссу двух крепких молодцов, Лоулера и Эндрюса, которым поручено разделаться кое с кем в их краю; но в интересах безопасности, о ком именно идет речь, не уточнялось. Не позаботится ли мастер Макгинти об их ночлеге и устройстве на то время, пока не придет срок действовать? От себя Макгинти добавлял, что в Доме Союза тайно расположиться невозможно, поэтому он будет признателен, если Макмердо и Сканлан примут двух незнакомцев у себя.

Они явились в тот же вечер. Каждый нес в руке саквояж. Лоулер оказался пожилым, молчаливым и необщительным; он был одет в старый черный фрак, который вместе с клочковатой, сивой бородой и проницательным взглядом делал его похожим на странствующего проповедника. Зато его спутник Эндрюс был молодой парнишка с от-

крытым, жизнерадостным лицом и развязными манерами человека на отдыхе, намеренного получить от нескольких свободных дней как можно больше удовольствия. Оба были непьющие и вели себя как образцовые члены человеческого сообщества, за одним только исключением — они были киллеры, зарекомендовавшие себя как отличные исполнители кровавых замыслов тайного общества. За Лоулером числилось четырнадцать убийств, за Эндрюсом — три.

К удивлению Макмердо, оба охотно повествовали о своих прошлых подвигах с застенчивой гордостью людей, сослуживших добрую и самоотверженную службу обществу. Однако о том, что им предстоит совершить на этот раз, они помалкивали.

— Нас выбрали, потому что ни я, ни парень спиртного в рот не берем, — пояснил Лоулер. — На нас можно положиться, мы лишнего не сболтнем. Вам, может, и обидно покажется, но это распоряжение Делегата от графства.

— Ну, ясное дело, мы ведь все заодно, — поддакнул Сканлан. Все четверо уселись за стол ужинать.

— Что верно, то верно, и мы готовы хоть до петухов рассказывать про убийство Чарли Вильямса,

или Саймона Берда, или про любое другое дело из прежних. Но что еще не сделано, о том молчок!

— У нас тут найдется с полдюжины человек, с которыми я бы и сам непрочь разобраться, — проговорил Макмердо. — Вы случайно не по душу Джека Нокса из Айронхилла явились?

— Нет пока что.

— Или Германа Стросса?

— Пока нет.

— Ладно, не хотите говорить, не надо.

Лоулер с улыбкой покачал головой. Его на подначку не возьмешь. Но несмотря на молчание гостей, Сканлан и Макмердо решили непременно присутствовать при «деле». Так что, когда через несколько дней рано утром Макмердо услышал, что по лестнице кто-то тихо спускается, он поспешил растолкать Сканлона. Они торопливо оделись и, сбежав вниз, обнаружили, что их гости, уходя, даже не закрыли за собой дверь. Еще не рассвело, при свете фонарей они успели заметить в отдалении тех двоих и, осторожно ступая по глубокому снегу, пошли за ними следом.

Дом, где они квартировали, стоял на краю города, так что скоро они очутились на перекрестке дорог уже за городской чертой. Здесь ждали еще трое, и между ними завязался негромкий,

взволнованный разговор. Затем они двинулись дальше, уже впятером. Похоже, дело предстояло не простое, если требовалось столько участников. От дороги отходило несколько троп, ведущих к разным шахтам. Пятеро заговорщиков свернули к шахте «Воронья гора», на которой, благодаря стараниям энергичного и бесстрашного управляющего из Новой Англии Джозайи Х. Данна, сохранялся строгий порядок.

Рассвело, стало видно, как по черной тропе в одиночку и группами идут на шахту рабочие. Макмердо со Сканланом затесались в эту толпу и пошли дальше, не упуская из виду тех, за кем следили. Над землей колыхался густой туман, и откуда-то из тумана вдруг прозвучал громкий гудок. Он означал, что через десять минут клети пойдут вниз и начнется рабочий день.

У входа в шахту столпилось в ожидании человек сто угольщиков, от холода они притопывали ногами и дышали себе на пальцы. Пятеро чужаков стояли отдельно от всех под навесом подъемной машины. Сканлан и Макмердо взобрались на кучу шлака, откуда была видна вся площадка у входа в шахту. Из машинного отделения вышел старший механик, могучий бородатый шотландец по фамилии Мензис, и дал свисток, чтобы

спускали клети.

В это же время ко входу в шахту торопливо прошел высокий и стройный молодой мужчина с умным бритым лицом. Взгляд его упал на пятерых, сгрудившихся у машинного навеса. Они стояли с поднятыми воротниками, в надвинутых на лицо шляпах. На миг сердце управляющего сжало ледяное предчувствие смерти. Но он тут же встряхнулся и, как велел ему долг, обратился к непрошеным гостям.

— Кто вы такие? — спросил он, приблизившись. — Кто вам позволил болтаться тут без дела?

Ответа не последовало; молодой Эндрюс сделал шаг вперед и выстрелил ему в живот. Сто дожидающихся шахтеров беспомощно замерли, точно парализованные. Управляющий прижал к животу ладони, согнулся и побрел в сторону. Но раздался второй выстрел, и управляющий повалился на бок, царапая пальцами черную землю; ноги у него дергались. При виде этого могучий механик Мензис, подняв над головой огромный гаечный ключ, с грозным ревом бросился на бандитов; но был встречен двумя выстрелами в лицо и упал замертво под ноги своим убийцам.

Кое-кто из толпы шахтеров двинулся было на злодеев, раздались возгласы жалости и гнева; но

двое из пришельцев выстрелили в воздух над головами рабочих, и толпа сразу же разбрелась, а некоторые со всех ног бросились в Вермиссу по домам.

Когда же самые отважные опомнились и снова собрались у входа в шахту, пятеро убийц уже исчезли, растаяли в утреннем тумане, и не нашлось ни одного свидетеля, кто взялся бы опознать этих людей, совершивших на глазах у всех два убийства.

Сканлан и Макмердо пошли домой, Сканлан слегка подавленный — он впервые своими глазами увидел, как делается «чистая работа», о которой поговаривали в ложе, и на поверку она оказалась вовсе не такой забавной, как ему внушали. Жуткие вопли жены убитого управляющего звучали у них в ушах на всем пути в город. Макмердо шел молча, погруженный в свои мысли, но малодушия своего напарника он не разделял.

— Это ведь как на войне, — втолковывал он Сканлану. — Между нами и ими идет война, и мы наносим ответные удары как можем.

А вечером в Доме Союза ложа праздновала победу — убийство управляющего и механика на шахте «Воронья гора», благодаря которому те-

перь эта компания будет вести себя так же, как и остальные терроризированные и порабощенные компании.

Оказалось, что Делегат от графства, направляя пятерых убийц в Вермиссу, потребовал, чтобы в уплату за это оттуда выделили троих и тайно послали в Гилмертонский район для убийства Вильяма Хейлса, одного из самых известных и наиболее уважаемых там владельцев шахт, человека, не имевшего ни единого врага на свете, поскольку у него на шахте для рабочих были созданы образцовые условия. Однако за это он требовал хорошей работы и поэтому рассчитал нескольких бездельников и пьяниц, оказавшихся членами всемогущей организации. Над его дверьми вывесили изображение гроба, но он остался тверд и поэтому в свободной и цивилизованной стране был приговорен к смерти.

Казнь состоялась. Возглавлял операцию Тед Болдуин, и теперь он, развалясь, восседал на почетном месте рядом с мастером ложи. Его раскрасневшееся лицо и налитые кровью остекленевшие глаза свидетельствовали о пьяной и бессонной ночи. С двумя помощниками он провел ее, пробираясь через горы, и теперь вид у них был немытый и нечесаный; но никаких героев,

вырвавшихся из вражеского окружения, еще не встречали товарищи с таким почетом.

Под восторженные крики и хохот они рассказывали и пересказывали, как все было. Они ждали его на вершине холма, где он проезжал, когда уже стемнело, по дороге домой. На подъеме лошадь перешла на шаг, они набросились на него, а он был так укутан в мех, что не успел даже вытащить револьвер. Бросив шахтовладельца на землю, они выстрелили в упор несколько раз. Он кричал, умолял о пощаде. И теперь на потеху всей ложе убийцы воспроизводили его крики.

— Ну-ка, еще разок изобразите, как он визжал! — просили слушатели.

Там не было никого, кто был бы знаком с убитым; но драма человекоубийства захватывает дух, и к тому же они показали «метельщикам» из Гилмертона, что люди Вермиссы тоже не лыком шиты.

Хотя приключилась одна небольшая неприятность: они еще расстреливали мертвое тело, когда снизу по дороге подъехали двое, муж и жена, направлявшиеся куда-то по своим делам. Сначала решено было их тоже прикончить; но люди это были безвредные, на шахте не работали, и им позволили ехать своим путем, да чтобы

помалкивали, не то с ними случится еще кое-что пострашнее. А окровавленное тело бросили на дороге как предостережение всем другим хозяевам. Трое же благородных мстителей поспешили в горы, где дикие скалы обрываются над самыми горнами и дымящимися грудами шлака. И вот они здесь, живые и невредимые, безупречно выполнившие свой долг и дружно восхваляемые соратниками.

То был славный день для «метельщиков». Тень, падающая на долину, сгустилась еще больше. Но как мудрый полководец выбирает миг победы, чтобы напасть на врага с удвоенной силой, не дав ему опомниться и прийти в себя после поражения, так босс Макгинти, оглядывая поле битвы своими хмурыми, злобными глазками, задумал еще одну атаку на тех, кто стоит у него на пути. В ту же ночь, когда упившиеся братья стали расходиться, он тронул за рукав Макмердо и поманил его в комнату за стойкой, где когда-то состоялся их первый разговор.

— Послушай-ка, парень, — сказал он, — я нашел наконец дело, которое достойно тебя.

— Горжусь доверием, — ответил Макмердо.

— Можешь взять себе в помощь двоих, Мэндерса и Рейли, они предупреждены. Мы не будем

знать покоя у себя в районе, покуда не разделаемся с Честером Уилкоксом, и если ты его утихомиришь, все ложи в угольном краю скажут тебе спасибо.

— Сделаю, что смогу. Кто он такой и как мне его найти?

Макгинти вынул изо рта свою неизменную сигару, которую всегда то ли курил, то ли жевал, и набросал на листке из блокнота некое подобие плана.

— Уилкокс — старший бригадир на шахте «Айрон дайк». Он крепкий орешек, ветеран, старший сержант Гражданской войны, убеленный сединой и весь в шрамах. Мы уже дважды пытались с ним сладить, но без толку, а Джим Карнауэй лишился при этом жизни. Теперь возьмись за него ты. Вот тут его дом, стоит на отшибе у дороги к руднику, видишь на карте? И кругом никого, ни жилья, ни строения. Днем соваться бесполезно, он вооружен, стреляет мгновенно и без промаха, не задавая вопросов. Другое дело — ночью. В доме он сам, жена, трое детей и прислуга. Выбирать не придется, тут все или никто. Если сможешь заложить под дверь мешок с взрывчаткой и осторожно поднести спичку…

— А что он сделал?

— Я же сказал: он застрелил Джима Карнауэя.

— Почему он его застрелил?

— Какое тебе до этого дело, черт побери? Карнауэй рыскал ночью вокруг его дома, вот он его и застрелил. Нам с тобой этого достаточно. Теперь ты должен ему отомстить.

— А две женщины и детишки? Они тоже взлетят на воздух?

— Куда же им деваться. Иначе мы до него не доберемся.

— За что же им так? Они ведь ничего не сделали.

— Что за дурацкие разговоры? Ты, может, отказываешься?

— Спокойнее, советник. Что я такого когда-нибудь сказал или сделал, чтобы можно было подумать, будто я отказываюсь выполнить приказ, полученный от мастера моей ложи? Правильно это или неправильно, не мне решать, а вам.

— Так выполнишь это?

— Конечно выполню.

— Когда?

— Дайте мне ночь или две, чтобы я мог осмотреть дом и продумать план. А уж тогда…

— Ну и прекрасно, — Макгинти пожал ему руку. — Полагаюсь на тебя. Будет большой праздник,

когда ты сообщишь нам, что дело сделано. После этого они уже не подымутся с колен.

Макмердо долго и тщательно обдумывал неожиданное поручение. Дом, где жил Честер Уилкокс, находился в пяти милях от города в небольшой лощине. В ту же ночь Макмердо отправился на рекогносцировку. Обратно вернулся днем. На следующий день потолковал со своими помощниками, Мэндерсом и Рейли, легкомысленными юнцами, которые радовались предстоящей вылазке, как будто собирались охотиться на оленей.

На третью ночь все трое, вооруженные, сошлись за городской чертой. Один из юнцов нес мешок со взрывчаткой, которой пользовались подрывники в шахтах. Пока дошли, было уже два часа ночи. Дул холодный ветер, по черному небу неслись рваные облака, то затмевая, то приоткрывая ущербную луну. Налетчики были предупреждены, что у дома могут быть собаки, и держали в руках револьверы с взведенным курком. Но все было тихо, только выл ветер, и нигде ни малейшего движения, лишь ходили ходуном верхушки деревьев.

Макмердо приблизился к двери, прислушался — в доме ни звука. Он осторожно привалил к

двери мешок со взрывчаткой, ножом проделал в нем небольшое отверстие, просунул туда конец фитиля. Убедившись, что фитиль разгорелся, они со всех ног бросились бежать и успели залечь на дно отдаленной канавы, прежде чем оглушительный взрыв, сопровождаемый грохотом разваливающегося здания, оповестил их о том, что дело сделано. Такой чистой работы не ведали кровавые анналы тайного общества.

Но, увы, несмотря на безупречную организацию, подготовку, все их старания пропали даром! За день до этого Честер Уилкокс, хорошо знавший, что приговорен к казни, перебрался с семьей в более безопасное место, под охрану полиции. От взрыва взлетел на воздух лишь пустой дом, а строгий ветеран Гражданской войны продолжал командовать своими шахтерами.

— Предоставьте его мне, — сказал Макмердо. — Он мой, и я до него доберусь, хоть бы пришлось выжидать целый год.

На общей сходке ему выразили благодарность и доверие, и на том дело пока остановилось. Когда несколько недель спустя стало известно, что в Уилкокса стреляли из засады, всем стало ясно, что это Макмердо старается довести до конца свою недоделанную работу.

Таковы были приемы Общества Свободных Работников, и такие дела творили «метельщики», чтобы держать в страхе этот обширный и богатый район, над которым они на долгое время установили свое владычество. К чему дальше пятнать бумагу описаниями злодейств? Разве не довольно уже сказано о том, что́ это были за люди и как они действовали?

Преступления их вошли в историю, кто хочет узнать дальнейшие подробности, пусть обратится к официальным документам. В них можно прочитать о том, как расстреляли безоружных полицейских, Ханта и Эванса, за то, что они осмелились арестовать двух членов Общества, — двойное убийство было задумано в Вермисской ложе и выполнено хладнокровно. Есть там и описание того, как застрелили миссис Ларби, когда она ухаживала за своим мужем, избитым до полусмерти по приказу босса Макгинти. Убили старшего Дженкинса, а вскоре и его брата; изувечили Джеймса Мердока; взорвали семью Стапхаузов; и все за одну ту страшную зиму.

Непроглядная черная тень нависла над Долиной страха. Зиму сменила весна, побежали ручьи, зацвели деревья. Ожила надежда для всей природы, которую так долго сковывала железная

хватка холода. И только для людей, живших под ярмом страха, не было надежды. Никогда еще над ними не нависала такая черная, такая беспросветная туча, как в начале лета 1875 года.

Глава 6
Опасность

Это был расцвет царства террора. Макмердо уже был выбран помощником старосты и мог рассчитывать, что когда-нибудь сменит Макгинти на должности мастера ложи. Соратники постоянно искали его совета, без его ведома и подмоги в ложе не делалось ничего. Но чем более влиятельной личностью он становился в своей организации, тем более хмурые взгляды бросали на него встречные на улицах Вермиссы. Горожане, стряхнув оцепенение, начали объединяться, чтобы вместе противостоять угнетателям. До ложи дошли слухи о тайных собраниях в редакции «Вестника» и о том, что там законопослушные граждане получают оружие. Однако Макгинти и его подчиненных это не пугало. Их было много, хорошо вооруженных, готовых на все. А их противники разрознены и ни на что не способны. Все кончится, как уже бывало прежде, пустыми разговорами да может быть, двумя-тремя бессмысленными арестами. Так говорили Макгинти, Макмердо и те из братьев, кто похрабрее.

В одну майскую субботу — а суббота всегда была у них днем сходок, и Макмердо как раз собирался выйти из дому и направиться в Дом Союза — к нему явился Моррис, малодушный член ложи. Лоб его избороздила забота, доброе лицо осунулось, щеки ввалились.

— Могу ли я поговорить с тобой откровенно, мистер Макмердо?

— Конечно.

— Я помню, что однажды поделился с тобой своими мыслями, а ты никому ничего не рассказал, даже когда сам босс пришел к тебе с допросом.

— Ну а как же иначе? Ты же мне доверился. Хоть я и не был с тобой согласен.

— Это я знаю. Но ты единственный, с кем я могу говорить открыто, без опаски. У меня есть секрет, — он приложил ладонь к груди, — который жжет мне сердце. Лучше бы об этом узнал кто-нибудь из вас, а не я. Если я его сообщу, будет еще одно убийство, это ясно. А если промолчу, возможно, мы все погибнем. Ей-богу, я совсем растерялся, не знаю, как поступить.

Макмердо посмотрел на гостя с недоумением. Моррис весь дрожал. Макмердо налил в стакан виски и протянул ему.

— Человеку в таком состоянии надо подкре-

питься, — сказал он. — Вот так. А теперь я тебя слушаю.

От спиртного бледное лицо Морриса слегка порозовело.

— Я могу выразить все одной фразой, — проговорил он. — На наш след вышел сыщик.

Макмердо недоуменно пожал плечами.

— Ты что, старик, умом тронулся? Город кишмя кишит полицейскими и сыщиками, и много ли от них вреда?

— Нет, тут другое. Этот сыщик не местный. Здешних, ты правильно говоришь, мы всех знаем в лицо, и они против нас бессильны. Слыхал когда-нибудь про агентство Пинкертона?

— Я встречал нескольких, кто носит такую фамилию.

— Поверь, человеку становится не до шуток, когда они сядут ему на хвост. Это не государственная контора, которой вышло или не вышло — без разницы, а серьезное предприятие, бизнес, они не воду в ступе толкут, а добиваются результатов, и пока не добьются, руки не сложат. Если агент Пинкертона займется нами всерьез, нам конец.

— Значит, надо его убить.

— Вот-вот! Это первое, что тебе пришло в голову. То же самое будет и на общей сходке. Я же

говорю, быть еще одному убийству.

— Ну и что? Подумаешь, убийство. Обычное дело в здешних краях, разве нет?

— Что верно, то верно. Но я бы никогда не предложил такого. Я бы до самого смертного часа утратил покой. Однако, с другой стороны, мы рискуем своими головами. Господи, ну что же мне делать?

Его отчаяние тронуло Макмердо. Кажется, им действительно грозит опасность и необходимо срочно принять меры. Схватив Морриса за плечи, он встряхнул его и взволнованно сказал, почти выкрикнул:

— Да пойми же! Какой толк от того, что ты будешь сидеть и качаться, как старая баба на панихиде? Расскажи толком, что тебе известно. Кто этот агент? Где он находится? Как ты про него узнал? И зачем пришел ко мне?

— К тебе я пришел, так как ты единственный, кто может посоветовать, что делать. Я рассказывал тебе, что перед тем как перебраться сюда, у меня на Востоке был магазин. Там у меня остались добрые друзья, один из них служит на телеграфе. Вот письмо, которое я вчера от него получил. Читай сам, здесь, наверху страницы.

И вот что прочел Макмердо: «Как там у вас

«метельщики», все орудуют? О них много пишут в газетах. Скажу тебе по секрету, пять крупных корпораций и две железные дороги сговорились взяться за них всерьез. А уж раз они приняли такое решение, они своего добьются, увидишь! Заниматься этим делом они наняли Пинкертона, и он направил в ваши края своего лучшего агента Берди Эдвардса. Этому безобразию давно пора положить конец!»

— А теперь прочти постскриптум.

— «Само собой, то, что я здесь пишу, мне стало известно случайно и никак не должно пойти дальше. Когда через твои руки проходят ярды этой ленты с точками и черточками, поневоле начинаешь улавливать, что на ней написано».

Несколько минут Макмердо сидел молча, держа письмо в бессильно опущенной руке. На миг пелена тумана у него перед глазами рассеялась, и он увидел, что стоит на краю пропасти.

— Кто-нибудь еще об этом знает? — спросил он наконец.

— Я никому больше не говорил.

— Но этот телеграфист, твой приятель, у него нет здесь других знакомых, которым он мог написать?

— Думаю, два-три человека отыщутся.

— Из «свободных работников»?

— Может быть.

— Я спрашиваю, потому что кому-нибудь он мог сообщить, как выглядит этот Берди Эдвардс, и по этому описанию мы бы попробовали его выследить.

— Все возможно. Но только вряд ли он с ним знаком. Он же сообщает мне, что узнал это случайно. Как он мог познакомиться с пинкертоновским агентом?

Макмердо вдруг встрепенулся.

— Ну конечно! — воскликнул он. — Как же я, дурак, раньше не догадался? Вот это удача, черт возьми! Мы с ним расправимся, прежде чем он успеет приступить к делу. Слушай, Моррис, ты не согласишься оставить это письмо у меня?

— Сделай милость, лишь бы мне избавиться от него.

— Я тебя избавляю. Можешь умыть руки, а этим займусь я. Даже имени твоего не буду упоминать. Я все возьму на себя, скажу, что письмо пришло мне. Ты доволен?

— Большего я и желать бы не мог.

— Ну тогда пусть будет так. Смотри только, не болтай языком. Я немедленно отправляюсь в ложу, и старик Пинкертон у нас еще поплачет.

— Вы не убьете этого человека?

— Чем меньше ты будешь знать, друг Моррис, тем легче станет у тебя на душе и тем лучше ты будешь спать. Не задавай вопросов и предоставь делу идти своим путем. Я все устрою.

Моррис направился к двери, печально качая головой.

— Чую, — простонал он, — что его кровь на моих руках.

— Самозащита не считается убийством, — Макмердо криво усмехнулся. — Тут либо мы, либо он. Не сомневаюсь, этот человек уничтожил бы нас всех, если бы мы ему позволили пожить в долине Вермиссы. Смотри веселей, брат Моррис, мы еще, пожалуй, выберем тебя мастером ложи, ведь ты наш спаситель.

Однако по его дальнейшим поступкам можно было видеть, что он отнесся к этому повороту событий серьезнее, чем на словах. То ли совесть в нем пробудилась, то ли репутация конторы Пинкертона так подействовала или известие о том, какие могущественные корпорации поднялись, чтобы смести «метельщиков» с лица земли, но факт тот, что повел он себя как человек, который готовится к худшему. Перед тем как выйти из дому, он уничтожил все бумаги, бросающие на него

тень. Затем заглянул к старому Шафтеру. Войти он права не имел, но на тихий стук в окно Этти выбежала к нему. Задорный ирландский огонек больше не плясал во взоре ее любимого. По его озабоченному лицу она прочла о нависшей над ним угрозе.

— Что-то случилось? — сразу же спросила она. — О, Джек, тебе угрожает опасность!

— Ну, ну, ничего такого ужасного, моя голубка. Но, кажется, будет разумнее, если мы сразу тронемся с места, пока не стало хуже.

— Тронемся с места?

— Я ведь обещал тебе, что придет срок и мы уедем. Сдается мне, что срок этот наступил. Сегодня ночью я получил весть, плохую весть, — похоже, быть беде.

— Полиция?

— Не совсем. Некто Пинкертон. Но откуда тебе знать, моя голубка, кто это такой и что это означает для таких, как я. Я слишком глубоко увяз, и надо будет, наверно, убираться прочь. Ты говорила, что поедешь со мной. Я честный человек, Этти, — в некоторых вещах. За все сокровища мира я не трону волоска с твоей головки и не допущу, чтобы ты сошла хоть на дюйм с золотого трона в заоблачных высях, где ты для меня всегда

восседаешь. Готова ли ты довериться мне?

Этти молча вложила руку в его ладонь.

— Тогда слушай, что я скажу, и делай, как я велю, ибо, видит Бог, другого пути для нас нет. В Вермиссе наступают перемены. Я это чувствую. Многим из нас, похоже, надо будет самим о себе позаботиться. Например, мне. Но если я уеду, днем ли, ночью ли, ты обязательно должна уехать со мной!

— Я поеду за тобой следом, Джек.

— Нет, нет! Не следом, а вместе со мной. Если долина Вермиссы окажется для меня навсегда закрыта, как же мне оставить тебя здесь, да еще тебе надо будет скрываться от полиции, и всякое сообщение между нами будет невозможно? Нет, тебе надо уехать вместе со мной. Я знаю одну добрую женщину там, откуда я приехал, я оставлю тебя у нее до той поры, когда мы сможем пожениться. Ты согласна?

— Да, Джек, я поеду с тобой.

— Бог да благословит тебя за доверие! Я буду последним негодяем, если хоть сколько-нибудь злоупотреблю им. Теперь слушай. Ты получишь от меня весточку, и лишь только она дойдет до тебя, брось все как есть, ступай на вокзал, сядь в зале ожидания и жди, пока я за тобой приду.

— Ночью ли, днем ли, я приду по твоему слову, Джек.

После этого уже не с такой тяжелой душой Макмердо отправился на сходку ложи. Все уже были в сборе. Длинная зала была полна народу, сквозь завесу табачного дыма Макмердо разглядел косматую черную гриву мастера, злое, непримиримое лицо Болдуина, стервятничий нос Харрауэя, секретаря, и еще с десяток людей, возглавлявших ложу. Его обрадовало, что ложа в полном составе и все услышат то, что он собирается сообщить.

— Ну, брат, мы все от души рады тебя видеть! — приветствовал его председатель. — Тут у нас такое дело, что нужен премудрый Соломон, чтобы его разрешить.

— Спор между Лэндором и Эганом, — пояснил сосед, когда он уселся на свое место. — Оба претендуют на наградные деньги, назначенные ложей за убийство старика Крэбба в Стайлстауне. А как проверить, чья пуля достигла цели?

Макмердо привстал и поднял руку. Лицо у него было такое, что все посмотрели на него, словно притянутые магнитом. Стало очень тихо.

— Достопочтенный мастер ложи! — произнес он торжественным тоном. — У меня экстренное

сообщение.

— Брат Макмердо говорит, что у него экстренное сообщение, — повторил за ним Макгинти. — По правилам нашей ложи его выслушают вне очереди. Итак, брат, мы слушаем тебя.

Макмердо достал из кармана письмо.

— Достопочтенный мастер и вы, братья, — сказал он. — Сегодня я принес вам дурную весть. Но лучше вам услышать ее заблаговременно. Я получил известие, что самые могущественные и богатые компании в этом штате объединили усилия, чтобы уничтожить нас, и что прямо сейчас, пока мы разговариваем, в Вермиссе уже работает сыщик из агентства Пинкертона, некий Берди Эдвардс, собирает факты, которые многим из нас накинут петлю на шею, а всех прочих, кто сейчас тут сидит, отправят за решетку. Вот что я имел в виду, когда заявил, что мое сообщение не терпит отлагательства.

В зале воцарилась мертвая тишина. Нарушил ее председатель.

— Какие у тебя доказательства, брат Макмердо? — спросил он.

— Доказательства в письме, которое попало ко мне в руки, — ответил Макмердо. Он прочитал вслух отрывок из письма. — Больше никаких

подробностей об этом письме сообщить не могу, это дело чести, как не могу и передать его в ваши руки. Могу только заверить, что больше ничего связанного с делами ложи в нем не содержится. Все, что мне известно по этому поводу, я выношу на ваш суд.

— Позволь мне сказать, мистер председатель, — проговорил один из братьев постарше годами. — Имя Берди Эдвардса мне известно, и я слышал, что у Пинкертона он считается самым лучшим сыщиком.

— Кто-нибудь знает его в лицо? — спросил Макгинти.

— Да, я знаю, — отозвался Макмердо.

Среди собравшихся раздался ропот удивления.

— Я думаю, что он у нас в руках, — продолжал Макмердо с торжествующей улыбкой. — Надо только действовать быстро и умно, и мы поставим на этом деле точку. Если вы мне верите и согласны помогать, можно ничего не бояться.

— А чего нам вообще бояться? Разве ему что-то известно о наших делах?

— Вы были бы правы, советник, будь все такими же стойкими, как вы. Но к услугам этого человека капиталисты с их миллионами. Вы уверены, что среди членов всех здешних лож не найдется ни

одного слабака, которого можно было бы купить за деньги? Нет, он доберется до наших секретов, возможно уже добрался, и верное средство против этого только одно.

— Не дать ему выехать из Вермиссы, — подхватил Болдуин.

Макмердо кивнул.

— Ты прав, брат Болдуин. У нас с тобой были кое-какие расхождения, но сегодня ты сказал золотое слово.

— Где же он находится? Как мы его узнаем?

— Достопочтенный мастер ложи, — посерьезнев, сказал Макмердо, — по-моему, это дело слишком ответственное, чтобы обсуждать его открыто при всех. Упаси меня Бог, я ни на кого из присутствующих не хочу бросить тень. Но даже если хоть одно кем-нибудь сказанное слово дойдет до этого человека, мы потеряем шанс взять над ним верх. Я прошу ложу избрать комитет доверенных лиц, мистер председатель, — вас, если мне позволено внести предложение, брата Болдуина и еще пятерых. Тогда перед ними я смогу свободно говорить о том, что мне известно и что я советую предпринять.

Предложение тотчас же было принято и комитет избран. Помимо председателя и Болдуина, в

него вошел крючконосый секретарь Харрауэй, свирепый молодой киллер Тигр Кормак, казначей Картер и два брата Уиллоуби, бесстрашные и отчаянные головорезы, из таких, что не останавливаются ни перед чем.

Попойка, по обычаю следовавшая за общей сходкой, была на этот раз недолгой и прошла тихо, ибо пирующим было не до веселья, многие впервые ощутили над своей головой тень карающего Закона — в чистом небе, под которым они так долго беззаботно обитали, собирались черные тучи. Эти люди так сжились с ужасами, которые учиняли над другими, что мысль о расплате даже не приходила им в голову, и теперь, вдруг явившаяся, она была как гром среди ясного неба. Так что вскоре все разошлись и оставили командиров держать совет.

— Итак, слушаем тебя, Макмердо, — провозгласил мастер ложи.

Все семеро застыли за столом как каменные изваяния.

— Я давеча сказал, что знаю Берди Эдвардса, — приступил к объяснениям Макмердо. — Вы сами понимаете, конечно, что он живет здесь не под этим именем. Человек он храбрый, но не сумасшедший. Он именуется здесь Стивом Уил-

соном и проживает на Хобсон-Пэтче.

— Откуда тебе это известно?

— Я с ним однажды разговаривал. Тогда я не придал этому значения, да и сейчас бы не вспомнил, если бы не письмо. Но теперь могу точно сказать: это он. Мы ехали в одном вагоне, дело было в прошлую среду. По виду парень крутой. Сказался репортером нью-йоркской газеты. Я тогда ему поверил. Расспрашивал про «метельщиков» и их злодеяния, как он выразился. Я, понятно, ничего ему не выдал. «Я бы заплатил, и немало, — сказал он мне, — за сведения, которые интересуют моего редактора». Я наболтал ему так, кое-чего, чтобы ему угодить, и он дал мне за это двадцатку. «Получишь в десять раз больше, — посулил он, — если разузнаешь то, что мне нужно».

— И что же ты ему наболтал?

— Всякую ерунду, что в голову взбрело.

— А как ты узнал, что он на самом деле не газетчик?

— Сейчас расскажу. Он вышел из поезда в Хобсон-Пэтче, я тоже. Позже заглядываю в телеграфную контору, а он выходит мне навстречу. Телеграфист мне говорит: «Ты только взгляни! За такую муть, по-моему, надо брать двойную

плату». «Верно», — отвечаю. У него там на бланке была какая-то китайская грамота. «Представляешь, каждый божий день отправляет по странице эдакой чертовщины», — жалуется телеграфист. А я ему объясняю, это, мол, специальные сообщения для его газеты, он боится, чтобы другие не перехватили. Телеграфист и сам так думал, да и я тоже. Но теперь думаю иначе.

— Вот черт! — забеспокоился Макгинти. — Похоже, ты прав. Но что, на твой взгляд, нам следует по этому поводу предпринять?

— Почему бы не отправиться прямо сейчас и не разделаться с ним? — предложил кто-то.

— Да, да! Чем скорее с ним покончим, тем лучше.

— Я бы сию же минуту пустился за ним, если бы только знать, где его найти, — отозвался Макмердо. — В Хобсон-Пэтче, это точно; но в каком доме, не знаю. Однако у меня есть план, если только вы к нему прислушаетесь.

— Ну, что за план?

— Завтра же утром я поеду в Хобсон-Пэтч и найду его через телеграфиста. У него ведь остается точный адрес. А ему я скажу, что сам состою в ложе Свободных Работников, и предложу выдать ее секреты за определенную цену. Он клюнет,

можете не сомневаться. Скажу, что бумаги у меня дома, но если он явится ко мне открыто, среди бела дня, это будет стоить мне жизни. Это у него подозрений не вызовет, тут все очевидно. Пусть, скажу, придет по мне в десять вечера и ознакомится на месте со всеми материалами. И он явится, можете не сомневаться.

— Ну и?..

— А дальше вы сами решайте, как вам быть. Дом вдовы Макнамары стоит на отшибе. Старуха она верная, как сталь, и глухая, как бревно. В доме, кроме Сканлана и меня, никого. Как получу от него согласие, сразу же сообщу, и к девяти вы все семеро соберетесь у меня. Тут вы его и возьмете тепленького.

— Клянусь, в конторе Пинкертона появится вакансия! Довольно разговоров, Макмердо! Завтра в девять часов встречаемся у тебя. Ты только закроешь за ним дверь, а остальное предоставь нам.

Глава 7
Ловушка для Берди Эдвардса

Как сказал Макмердо, дом Макнамары, где он жил, стоял на отшибе и вполне подходил для задуманного дела. Если бы речь шла не о сыщике, заговорщики бы просто вызвали его из дому, как делали уже множество раз, и разрядили бы в него свои револьверы. Но в данном случае важно было выяснить, как много он сумел узнать, какими путями и что успел передать своим хозяевам.

Не исключено, что они поздно спохватились и о них уже известно где надо. Если так, то, по крайней мере, можно будет рассчитаться с человеком, который это сделал. Впрочем, они надеялись, что ничего существенного детектив еще не разведал, иначе бы он не стал потеть над бумагой и слать в свою контору ту чепуху, которую наговорил ему Макмердо. Это все, однако, они точно узнают от него самого. Когда он будет у них в руках, уж как-нибудь да сумеют заставить его говорить. Не впервой им.

Макмердо, как условились, поехал в Хобсон-Пэтч. Полицейские в то утро проявляли к нему какой-то повышенный интерес, а капитан Мар-

вин — тот самый, что знал его еще по Чикаго, — даже заговорил с ним, когда он ждал поезда на станции. Макмердо отвернулся и не стал отвечать.

Вернулся в Вермиссу он днем и явился к Макгинти в Дом Союза.

— Он согласился. Будет, — доложил Макмердо.

— Отлично! — обрадовался Макгинти. Косматый великан был в шелковой рубахе, поперек жилета на мощной груди висели цепи и печати, сквозь бороду поблескивал бриллиант. Салун и политика сделали из босса не только могущественного хозяина города, но и богача. Тем ужаснее показался ему представший перед ним накануне призрак тюрьмы, а то и виселицы.

— Как, на твой взгляд, он много знает? — с тревогой спросил он у Макмердо.

Макмердо мрачно пожал плечами.

— Он здесь уже давно, недель шесть по крайней мере. И приехал в здешние края не бизнес заводить. Если все это время он работал среди нас и получал финансовую поддержку от железнодорожной компании, надо полагать, кое-какие сведения он раздобыл и успел отправить по инстанции.

— Но в нашей ложе нет малодушных людей!

— заспорил Макгинти. — Наши все тверды как сталь. Вот разве только — клянусь Господом! — этот жалкий трус Моррис… Может быть, он? Если нас кто-то выдает, то он, больше некому. Я думаю, не послать ли прямо сейчас к нему пару-тройку ребят, чтобы дали ему взбучку и попробовали у него что-нибудь выяснить?

— Что ж, худа от этого не произойдет, — ответил Макмердо. — Вообще-то, честно сказать, я к старому Моррису отношусь хорошо, и если он пострадает, мне будет его жаль. Он раза два обращался ко мне с разговором о делах нашего общества, и хоть смотрит он на них, может, не так, как ты или я, но на доносчика, я бы сказал, совсем не похож. Однако же не мне становиться между тобой и им.

— Ну нет, я с ним разделаюсь, со старым чертом! — прорычал Макгинти. — Я весь последний год с него глаз не спускаю.

— Тебе виднее, — пожал плечами Макмердо. — Но что бы ты насчет него ни надумал предпринять, придется отложить до завтра. Нам сейчас надо затаиться, покуда не управимся с агентом Пинкертона. Сегодня ворошить полицейское гнездо нам никак нельзя.

— Твоя правда, — согласился Макгинти. — Да

и узнать, откуда Берди Эдвардс получал информацию, мы сможем уже сегодня, от него самого, даже если для этого понадобится вырезать у него сердце. Как тебе показалось, он не почуял ловушку?

Макмердо рассмеялся.

— Я нащупал у него слабую точку, — сказал он. — Чтобы выследить «метельщиков», он пойдет хоть в самый ад. Он дал мне денег, — Макмердо, ухмыляясь, достал из кармана пачку долларов. — И столько же отсчитает еще, когда увидит все бумаги.

— Какие бумаги?

— Никаких бумаг, ясное дело, нет. Но я наговорил ему с три короба: и про устав, и про своды правил, и про списки новых членов. Он рассчитывает, что до всего докопается.

— Докопается, как же, — свирепо осклабился Макгинти. — А он не спрашивал, почему ты с собой эти бумаги не принес?

— Да разве я мог брать с собой такие документы? Я же нахожусь под подозрением, капитан Марвин даже сегодня на вокзале ко мне подкатывал.

— Да, слыхал, — кивнул Макгинти. — Боюсь, тебе в этом деле хуже всех придется. Тело-то мы

можем сбросить в старую шахту, но как ни крути, того, что он жил в Хобсон-Пэтче, не спрячешь, а ты туда сегодня ездил, и они об этом узнают.

Макмердо опять пожал плечами.

— Если мы всё сделаем чисто, они не смогут доказать, что было убийство. Он придет затемно, никто ничего не увидит. Ну и как уйдет, тоже, понятное дело, никто не увидит. А теперь вот что, советник. Я сейчас изложу поподробнее свой план и попрошу вас растолковать его остальным. Вы все прихóдите заблаговременно. Очень хорошо. Он явится в десять. Мы условились, что он трижды стукнет в дверь. Я отпираю. Потом пропускаю его вперед, и дверь за ним захлопывается. Всё. Он наш.

— Просто и ясно.

— Да. Но следующий шаг надо обдумать. Его так просто, голыми руками не возьмешь, он вооружен и вооружен хорошо. Я, конечно, навешал ему лапши на уши, но думаю, бдительность он не утратит. Скажем, я впускаю его в комнату, а там семь человек вместо одного меня, как он ожидал. Подымется стрельба, кого-нибудь непременно ранят.

— Что так, то так.

— Да еще на выстрелы заявятся все фараоны,

сколько их есть в городе.

— Сдается мне, ты прав.

— Если послушаете меня, я бы поступил так. Ваша семерка усядется в большой комнате — вы ее видели, когда приходили потолковать со мной. А его я приглашу войти в маленькую гостиную, рядом с входной дверью, и попрошу там подождать, пока я схожу принесу бумаги. Это даст мне возможность зайти к вам и доложить обстановку. Затем я возвращаюсь к нему с какими-нибудь поддельными бумагами. Он принимается читать, и тут я набрасываюсь сзади и заламываю ему правую руку. Вы услышите, что я вас зову, и бросаетесь со всех ног в малую гостиную. Тут чем скорее, тем лучше, он парень крепкий, не слабее меня, я могу один с ним не сладить. Но до вашего появления, думаю, удержу его.

— План хорош, — сказал Макгинти. — Наша ложа будет перед тобой в долгу. Когда я освобожу это кресло, мне, полагаю, легко будет назвать своего преемника.

— Ну что вы, советник, — скромно возразил Макмердо, но на лице у него было написано, как он отнесся к похвале великого человека.

Вернувшись домой, Макмердо занялся приготовлениями к предстоящему вечеру. Прежде

всего он почистил, смазал и зарядил свой револьвер смит-вессон. Затем оглядел комнату, которая должна была стать ловушкой для сыщика. Комната довольно просторная, в середине — длинный сосновый стол, сбоку — большая печь. Три остальные стены прорезаны окнами без ставен, закрытыми только шторами. Макмердо внимательно исследовал окна. Ему, конечно, не могло не прийти в голову, что это помещение слишком хорошо просматривается для такого тайного дела. Но зато дом стоит в стороне от улицы, так что это уж не особенно и важно. В заключение он переговорил со вторым жильцом. Сканлан, хотя и «метельщик», был незлобивый человек, у него, правда, не хватало характера идти наперекор товарищам, и в глубине души он ужасался кровавым делам, в которых его иногда заставляли принимать участие. Макмердо вкратце рассказал ему, что тут должно произойти.

— Будь я на твоем месте, Майк Сканлан, — заключил он свой рассказ, — я бы взял отгул и немедленно исчез. В этом доме нынче прольется много крови.

— Да, ты прав, Мак, — ответил ему Сканлан. — Умом-то я со всем согласен, но вот духу не хватает. Давеча на шахте, когда увидел, как упал

управляющий Данн, думал, у меня сердце остановится. Не создан я для таких дел, не то что ты или Макгинти. Если в ложе обо мне не подумают худого, я и вправду поступлю по твоему совету — оставлю вас на сегодняшний вечер.

Члены ложи пришли в условленное время. С виду это были чисто одетые добропорядочные горожане; но тот, кто умеет читать по лицам, понял бы, глядя на их твердо сжатые губы и неумолимые глаза, что Берди Эдвардсу надеяться не на что. Среди этих людей не нашлось бы ни одного, у кого руки не были бы обагрены кровью. Для них убить человека значило не больше, чем для мясника зарезать овцу.

Первым, и по виду, и по злодейству, был, разумеется, сам страшный босс. Затем Харрауэй, секретарь, тощий, мрачный человек с длинной, морщинистой шеей и нервными, дергаными жестами, фанатически честный во всем, что касалось финансовых дел Ордена, но не имеющий понятия о чести и справедливости в отношении к остальным людям. Казначей Картер, мужчина средних лет с бесстрастным, хмурым выражением на желтом, как бумага, лице; этот был умелым организатором, планы почти всех преступлений ложи были рождены в его хитроумном мозгу.

Двое Уиллоуби, молодые киллеры, рослые, ловкие, готовые на все; и их товарищ, Тигр Кормак, темнолицый, могучий и такой свирепый, что его боялись даже члены ложи. Таковы были люди, собравшиеся в ту ночь под крышей Макмердо с целью убить сыщика из конторы Пинкертона.

Хозяин гостеприимно поставил на стол бутылку виски, и каждый поторопился подкрепиться перед работой, которая их ожидала. Болдуин и Кормак и без того уже явились в подпитии, последняя бутылка только еще больше распалила их злобу. Кормак на секунду приложил ладони к печи — она была жарко натоплена, ночью еще морозило.

— Подойдет, — с проклятием отдернув руки, проговорил он.

— Точно! — сразу поняв его, подхватил Болдуин. — Прикрутим его к печке, и он нам все скажет.

— Скажет как миленький, можешь не беспокоиться, — откликнулся Макмердо. У этого человека, похоже, нервы были стальные: вся тяжесть предстоящего дела ложилась на его плечи, а ему хоть бы что. Это все заметили и лишний раз восхитились.

— Брать его будешь ты, — одобрительно сказал босс. — Он ничего не заподозрит, пока не почув-

ствует у себя на горле твою лапу. Жаль только, тут на окнах нет ставен.

Макмердо обошел все окна и плотнее задернул шторы.

— Вот. Теперь нас никто не увидит. Уже скоро.

— А вдруг он не придет? Вдруг почует опасность? — произнес секретарь.

— Придет, не беспокойтесь, — ответил Макмердо. — Ему так же не терпится оказаться здесь, как вам — увидеть его. Тсс! Слышите?

За столом все замерли, точно восковые фигуры, кое-кто даже не донес до рта поднятый стакан. В дверь трижды громко постучали.

— Молчок! — прошептал Макмердо.

Сидящие за столом обменялись торжествующими взглядами. Ладони легли на запрятанные револьверы.

— Смотрите, чтоб ни звука! — шепотом напомнил им Макмердо, вышел из комнаты и плотно закрыл за собой дверь.

Убийцы остались ждать, напрягая слух. Вот прозвучали шаги их товарища, идущего по коридору. Открывается наружная дверь. Произносятся невнятные слова — это хозяин и гость здороваются. Потом еще какие-то непонятные шаги в доме, незнакомый голос. Наружная дверь захлопывает-

ся, скрежещет ключ в замке. Добыча в ловушке! Тигр Кормак разразился жутким ликующим хохотом, но Макгинти ударил его ладонью по губам.

— Тихо, болван! — шепотом обругал он Кормака. — Не то мы все из-за тебя погибнем!

В соседней комнате послышались голоса. Ну когда же? Наконец дверь распахнулась, и вошел Макмердо, приложив палец к губам. Подойдя к столу, он обвел глазами сидящих. С ним произошла какая-то перемена: выражение лица сделалось торжественным, черты стали твердыми, точно гранит, глаза за стеклами очков возбужденно сверкали. Он казался полководцем на поле брани. Бандиты нетерпеливо, вопросительно смотрели на него; но он хранил молчание. И только переводил взгляд по очереди с одного лица на другое.

— Ну? — не выдержал наконец Макгинти. — Он уже здесь? Пришел Берди Эдвардс?

— Да, — медленно ответил Макмердо. — Берди Эдвардс здесь. Я — Берди Эдвардс!

Первые десять секунд после этой краткой речи в комнате стояла такая тишина, словно там не было ни живой души. Только свистел, раздирая слух, вскипевший чайник на печи. Семь бледных лиц окаменели в невыразимом ужасе. Потом

зазвенели разбитые стекла, и в каждое окно просунулось блестящее дуло винтовки; шторы, сорванные с колец, упали на пол. Босс Макгинти взревел, как раненый медведь, и рванулся к полуоткрытой двери. Но наткнулся на револьвер, в прицеле которого голубел суровый глаз полицейского капитана Марвина. Босс отшатнулся и рухнул на стул.

— Так вы целее будете, советник, — проговорил тот, кто был им известен как Макмердо. — И ты, Болдуин, если опустишь сейчас револьвер, можешь не попасть на виселицу и оставишь с носом палача. Руки на стол, не то, клянусь Создателем… Вот так-то лучше. Этот дом окружают сорок вооруженных людей, сами прикиньте, каковы ваши шансы. Заберите у них револьверы, Марвин.

Под дулами винтовок ни о каком сопротивлении не могло быть и речи. Бандиты были разоружены. Оторопелые и обозленные, они как сидели, так и остались сидеть за столом.

— Прежде чем мы разойдемся, я хочу сказать несколько слов, — проговорил тот, в чью ловушку они попались. — Следующий раз мы встретимся только в суде, где я буду давать показания. Хочу, чтобы вам было о чем поразмыслить до той поры. Кто я такой, вы теперь знаете. Могу выложить

карты на стол. Я Берди Эдвардс, пинкертоновский агент. Меня выбрали, чтобы я взорвал изнутри вашу шайку. Это была трудная и опасная игра. Ни одна живая душа, даже самые близкие и дорогие мне люди не знали, что я ее веду. Это было известно одному капитану Марвину да моим нанимателям. Но сегодня, хвала Господу, игра окончена, и выигрыш — мой!

Семеро с непримиримой ненавистью смотрели на него исподлобья. Он прочел их угрозу.

— Вы, может, полагаете, что игра еще продолжается? Ну что ж, я готов рискнуть. Но в любом случае некоторым из вас придется из игры выйти, и кроме вас еще шестьдесят человек окажутся сегодня за решеткой. И еще я скажу вам вот что. Когда меня назначили на эту работу, я не верил, что на свете существует такая организация, как ваша. Думал — пустая газетная болтовня, поеду и докажу это. Мне объяснили, что вы имеете отношение к Свободным Работникам, поэтому я отправился в Чикаго и вступил в общество. Там я и вовсе уверился, что рассказы про вас — это все газеты наплели; потому что я не нашел в Обществе Свободных Работников ничего дурного, зато увидел много хорошего. Но в вашем городе я убедился, что ошибался, что это не выдумки

газетчиков, а чистая правда. И я остался, чтобы во всем разобраться.

Я не совершал убийств в Чикаго. И никогда в жизни не чеканил фальшивых денег. Те доллары, что я вам раздавал, были настоящие; но потратил я их здесь очень выгодно. Знал, как завоевать ваше расположение, и поэтому представил дело так, будто меня преследует закон. Как я рассчитывал, так все и получилось.

Я вступил в вашу дьявольскую ложу и ходил на ваши сходки. Может быть, кто-то скажет, что я не лучше вас. Пусть говорят, мне было нужно до вас добраться. Но если кого интересует правда, то вот она. В тот вечер, когда я к вам присоединился, вы избили старика Стейнджера. Предупредить его я не мог, на это не было времени, но схватил тебя за руку, Болдуин, когда ты хотел его убить. Когда я выдвигал какие-нибудь предложения, чтобы казаться среди вас своим, это всегда было что-нибудь такое, что я сам же мог предотвратить. Я не смог спасти Данна и Мензиса, мне многое было тогда неизвестно; но я позабочусь о том, чтобы их убийцы были повешены. Честера Уилкокса я предупредил, и когда я взрывал его дом, он с домочадцами прятался в другом месте. Было немало преступлений, которые я не мог предотвратить,

но если вы припомните, как часто случалось, что тот, за кем вы охотились, почему-то возвращался домой другой дорогой, или был в городе, когда вы нагрянули к нему домой, или сидел дома, когда вы рассчитывали выманить его наружу, вы поймете, что я не бездействовал.

— Проклятый предатель! — прошипел Макгинти сквозь сжатые зубы.

— Да, Джон Макгинти, можешь назвать меня так, если тебе от этого полегчает. Ты и тебе подобные были врагами Бога и человека в здешнем краю. Нужен был кто-то, способный встать между тобою и бедными простыми людьми, подпавшими под твою власть?! Был только один способ осуществить это, и я его применил. Ты назвал меня предателем, но тысячи других, полагаю, будут считать меня спасителем, сошедшим в ад, чтобы вызволить их. Я пробыл в аду три месяца. Такие три месяца пережить еще раз я не согласился бы ни за что, пусть мне посулят в награду хоть всю сокровищницу федерального казначейства. Я не мог вырваться, покуда не узнал все, покуда все секреты, все члены ложи не оказались у меня в руках. Я бы и еще задержался, но узнал, что мне грозит разоблачение. В Вермиссу пришло письмо, из которого вы бы всё узнали. Так что

мне пришлось действовать немедленно.

К этому мне нечего добавить, разве только то, что, когда придет мой час, мне легче будет умирать, зная, какую работу я тут проделал. А теперь, Марвин, не буду вас больше задерживать. Уводите их, и покончим с этим.

Осталось сообщить лишь несколько подробностей. Сканлану была дана записка для передачи мисс Этти Шафтер — поручение, которое он принял, многозначительно подмигнув и улыбнувшись. А утром на рассвете железнодорожная компания подала специальный поезд, в него сели красивая молодая женщина и мужчина в пальто с поднятым воротником, по уши обмотанный шарфом. Этим поездом они быстро и беспрепятственно выехали из района, где над ними нависла угроза. И больше ни Этти, ни ее возлюбленному не довелось ступить на землю Долины страха. Десять дней спустя в Чикаго они обвенчались, и старый Джейкоб Шафтер был у них на свадьбе свидетелем.

Суд над «метельщиками» состоялся вдали от тех мест, где приверженцы Ордена могли бы запугать служителей закона. Напрасно они запирались, напрасно были потрачены огромные суммы — вырванные шантажом и насилием все

у тех же местных жителей — в расчете на то, что удастся добиться их оправдания. Хладнокровный и ясный рассказ того, кому были знакомы во всех подробностях их жизнь, их порядки и их преступления, не смогли поколебать никакие ухищрения наемных защитников. Наконец, после стольких лет террора, организация прекратила существование и члены ее разбежались кто куда. Тень, нависавшая над Долиной страха, растаяла.

Макгинти встретил свой смертный час на виселице, визжа и умоляя о пощаде. Восемь помощников разделили его судьбу. Более полусотни получили тюремные приговоры на разные сроки. На этом работа Берди Эдвардса завершилась.

Однако, как он и предполагал, игра была не закончена. Карты еще не раз и не два переходили из рук в руки. Во-первых, жив был Тед Болдуин, который избежал виселицы; остались живы и братья Уиллоуби, и еще некоторые злодеи из банды. На десять лет они оказались выключены из жизни; но настал день, когда они снова вышли на свободу, — день, который, как понимал Эдвардс, хорошо знавший этих людей, положит конец его мирному существованию. Они давно поклялись всем, что было для них свято, рассчитаться с ним за товарищей. И взялись за выполнение этой

клятвы.

После двух покушений, которые были настолько близки к удаче, что третья попытка настигла бы его непременно, он, изменив имя, переехал из Чикаго в Калифорнию. Там скончалась Этти Эдвардс, его жена, и на какое-то время свет его жизни померк. И опять его едва не убили, и опять он уехал — перебрался под именем Дугласа в безлюдный каньон, работал там вдвоем с напарником, англичанином Баркером, и сколотил немалое состояние. Но потом получил известие, что кровавые псы снова вышли на его след, едва успел оттуда убраться — и уплыл в Англию.

Вот каким образом в Суссексе появился Джон Дуглас, женился второй раз на достойной женщине и пять лет вел мирную жизнь деревенского сквайра, пока ее не пресекли странные события, о которых рассказано выше.

ЭПИЛОГ

Дело Джона Дугласа было рассмотрено в полицейском суде графства и направлено в более высокую инстанцию. На коллегии мировых судей он был оправдан как действовавший в целях самозащиты.

«Надо, чтобы он во что бы то ни стало уехал из Англии, — писал его жене Шерлок Холмс. — Здесь действуют силы еще более опасные, чем его прежние преследователи. В Англии Вашему супругу укрытия не найти».

Прошло два месяца, и мы уже стали забывать эту историю. Как вдруг в одно прекрасное утро в нашем почтовом ящике оказалась загадочная записка. «Бог мой, мистер Холмс! — было написано в ней. — Ну как же это Вы так? Ай-ай-ай!» И ни адреса, ни подписи. Меня такая эпистола рассмешила; но Холмс отнесся к ней с неожиданной озабоченностью.

— Письмо от Дьявола, Ватсон, — пробормотал он. И долго еще сидел в молчании, нахмурив брови.

А вчера поздно вечером явилась миссис Хадсон, наша хозяйка, и сообщила, что Холмса хочет

видеть какой-то джентльмен, притом по делу чрезвычайной важности. Почти сразу вслед за ней вошел Сесил Баркер, с которым мы познакомились в берлстоунском Мэнор-хаусе. Вид у него был мрачный и подавленный.

— У меня дурные вести, мистер Холмс, ужасные вести, — произнес он, входя.

— Я этого опасался, — сказал Холмс.

— Вам что, тоже пришла телеграмма?

— Я получил записку от того, кому пришла телеграмма.

— Бедняга Дуглас. Мне сказали, что настоящая его фамилия Эдвардс. Но для меня он навсегда останется Джоном Дугласом, с которым мы работали в каньоне Бенито. Я рассказывал вам, что три недели назад они на «Пальмире» отплыли в Южную Африку.

— Да, да.

— Прошлой ночью «Пальмира» вошла в Кейптаунский порт, а сегодня утром я получил телеграмму от миссис Дуглас. Вот: «Джек погиб, упав за борт, во время шторма у берегов Святой Елены. Как это произошло, никто не знает. Айви Дуглас».

— Так вот чем дело кончилось, — печально проговорил Холмс. — Не сомневаюсь, что все было

отлично организовано.

— То есть, по вашему мнению, это не был несчастный случай?

— Конечно нет.

— Вы считаете это убийством?

— Несомненно.

— Знаете, я тоже так думаю. Эти проклятые «метельщики», шайка кровавых преступников…

— Да нет, дорогой сэр, — оборвал его Холмс. — Тут чувствуется рука специалиста. Это не работа бандитов с обрезами и нескладными шестизарядными револьверами. Старого мастера можно узнать по одному мазку кисти. Я всегда узнаю Мориарти. Это преступление лондонское, а не американское.

— Но каков же может быть мотив?

— Просто этот субъект не имеет права промахнуться. Уникальность его в том, что в любом деле он всегда добивается успеха. Мощный ум и огромная организация были мобилизованы на то, чтобы уничтожить одного человека. Все равно что расколоть орех паровым молотом — абсурдное расточительство энергии; но так или иначе, а орех расколот.

— Как же он оказался замешан в это дело?

— Могу только обратить ваше внимание на то,

что первое сведение об этом деле было нами получено от одного из его сотрудников. Американские бандиты поступили весьма разумно: поскольку цель их находилась в Англии, они наняли этого выдающегося специалиста по преступлениям, выполняющего заказы любых иностранцев. И могли быть спокойны: их жертва обречена. Сначала он ограничился тем, что обнаружил местонахождение разыскиваемого ими человека. Затем наметил для них, как им следует действовать. И наконец, прочтя в полицейской сводке об их провале, вступил в дело сам. Если помните, я говорил хозяину берлстоунского Мэнор-хауса, что впереди его ждет опасность пострашнее той, с которой он справился. И выходит, я был прав.

Баркер в бессильной ярости стукнул себя кулаком по лбу.

— По-вашему, я должен сидеть и терпеть все это? По-вашему, никто на свете не способен одолеть этого дьявола?

— Нет, я этого не говорю, — задумчиво, словно вглядываясь в будущее, ответил Холмс. — Я не говорю, что его невозможно одолеть. Но мне нужно время — дайте мне только время!

Мы немного посидели молча. Он смотрел в одну точку, словно все еще пытался пронзить завесу

своим вещим взором.